



ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ 7 КЛАССА

Часть 2

Составитель С. Митюрёв

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ф. И. Тютчев</i> Фонтан	3
<i>В. Маяковский</i> Послушайте!	4
<i>Н. С. Гумилев</i> Капитаны	5
Завещанье	8
<i>Эдгар Аллан По</i> Убийство на улице Морг	9
<i>Артур Конан Дойл</i> Союз рыжих	29
<i>Гилберт Кит Честертон</i> Странные шаги	44
<i>Л. Н. Толстой</i> Отрочество	56
<i>Анна Гавальда</i> 35 кило надежды	76
<i>А. С. Пушкин</i> Капитанская дочка	97
<i>Вильям Шекспир</i> Ромео и Джульетта	120
<i>Евгений Шварц</i> Дракон	217

Ф. И. Тютчев

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань¹ незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты...

¹ Длань – рука, ладонь.

В. В. Маяковский

Послушайте!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к Богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Н. С. Гумилев

Капитаны

II

Вы все, паладины² Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб³,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама,
Мечтатель и царь, гемуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс⁴,
О ваших победах гремят в дифирамбе⁵
Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры⁶,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостытели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена,
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется – в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

² Паладин – доблестный рыцарь, преданный своему государю или даме; в перен. смысле: тот, кто беззаветно предан какой-либо идее или какому-либо лицу.

³ Румб – в морской терминологии 1) направление к точкам видимого горизонта относительно стран света или угол между двумя такими направлениями; 2) деление на круге компаса расчерченной на 32 части.

⁴ Знаменитые мореплаватели, путешественники.

⁵ Дифирамб – восторженная похвала.

⁶ Флибустьеры – морские разбойники, пираты.

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

III

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет⁷.

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несетя запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости
Амулет зажать в пылу,
Вы проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лет,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

⁷ Арбалет – старинное ручное метательное оружие, представляющее собою стальной лук, укрепленный на деревянном станке; самострел.

IV

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца⁸.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма⁹ светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но железною,
В штурвал вцепляется – другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых пенителей моря –

О том, что где-то есть окраина –
Туда, за тропик Козерога¹⁰! –
Где капитана с ликом Каина¹¹
Легла ужасная дорога.

⁸ Летучий Голландец – легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречен вечно бороздить моря.

⁹ Святой Эразм (Святой Эльм) – христианский святой, почитается как мученик. Умер около 303 года. Также известен под именем Святого Эльма. Огни Святого Эльма – это электрическое свечение, которое порой окружает высокие, заостренные объекты, при приближении грозы. Это явление долгое время было своего рода знамением божественного вмешательства среди моряков, поскольку возникало при штормах, для команды корабля призрачное свечение символизировало направляющую длань Святого Эльма, покровителя моряков.

¹⁰ Тропик Козерога, или Южный тропик – одна из пяти основных параллелей, отмечаемых на картах Земли. Расположена на 23°26'16" к югу от экватора и определяет наиболее южную широту, на которой солнце в полдень может подняться в зенит.

¹¹ Каин – в Библии старший сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля. Имя Каина стало нарицательным для обозначения злобного, завистливого человека, способного на подлости по отношению к самым близким людям.

Завещанье

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпляющей мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих гронных озер¹²
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер.

И покорно, склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаенной усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет
И час, когда задрожат и отчалит
Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхвований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

¹² Грон - вторая по длине река Словакии, левый приток Дуная.

Эдгар Аллан По

Убийство на улице Морг

Что за песню пели сирены или каким именем назывался Ахилл, скрываясь среди женщин, – уж на что это, кажется, мудреные вопросы, а какая-то догадка и здесь возможна.

Сэр Томас Браун¹³. Захоронения в урнах

Так называемые аналитические способности нашего ума сами по себе малодоступны анализу. Мы судим о них только по результатам. Среди прочего нам известно, что для человека, особенно одаренного в этом смысле, дар анализа служит источником живейшего наслаждения. Подобно тому как атлет гордится своей силой и ловкостью и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так аналитик радуется любой возможности что-то прояснить или распутать. Всякая, хотя бы и нехитрая задача, высекающая искры из его таланта, ему приятна. Он обожает загадки, ребусы и криптограммы, обнаруживая в их решении проницательность, которая уму заурядному представляется чуть ли не сверхъестественной. Его решения, рожденные существом и душой метода, и в самом деле кажутся чудесами интуиции. Эта способность решения, возможно, выигрывает от занятий математикой, особенно тем высшим ее разделом, который неправомерно и только в силу обратного характера своих действий именуется анализом, так сказать анализом *par excellence*¹⁴ Между тем рассчитывать, вычислять – само по себе еще не значит анализировать. Шахматист, например, рассчитывает, но отнюдь не анализирует. А отсюда следует, что представление о шахматах как об игре, исключительно полезной для ума, основано на чистейшем недоразумении. И так как перед вами, читатель, не трактат, а лишь несколько случайных соображений, которые должны послужить предисловием к моему не совсем обычному рассказу, то я пользуюсь случаем заявить, что неприятная игра в шашки требует куда более высокого умения размышлять и задает уму больше полезных задач, чем мнимая изощренность шахмат. В шахматах, где фигуры неравноценны и где им присвоены самые разнообразные и причудливые ходы, сложность (как это нередко бывает) ошибочно принимается за глубину. Между тем здесь решает внимание. Стоит ему ослабеть, и вы совершаете оплошность, которая приводит к просчету или поражению. А поскольку шахматные ходы не только многообразны, но и многозначны, то шансы на оплошность соответственно растут, и в девяти случаях из десяти выигрывает не более способный, а более сосредоточенный игрок. Другое дело шашки, где допускается один только ход с незначительными вариантами; здесь шансов на недосмотр куда меньше, внимание не играет особой роли и успех зависит главным образом от сметливости. Представим себе для ясности партию в шашки, где остались только четыре дамки и, значит, ни о каком недосмотре не может быть и речи. Очевидно, здесь (при равных силах) победа зависит от удачного хода, от неожиданного и остроумного решения. За отсутствием других возможностей, аналитик старается проникнуть в мысли противника, ставит себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до очевидности простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или сбить с толку.

¹³ Томас Браун (1605–1682) – английский писатель.

¹⁴ По преимуществу (фр.)

Вист¹⁵ давно известен как прекрасная школа для того, что именуется искусством расчета; известно также, что многие выдающиеся умы питали, казалось бы, необъяснимую слабость к висту, пренебрегая шахматами, как пустым занятием. В самом деле, никакая другая игра не требует такой способности к анализу. Лучший в мире шахматист – шахматист, и только, тогда как мастерская игра в вист сопряжена с умением добиваться победы и в тех более важных областях человеческой предприимчивости, в которых ум соревнуется с умом. Говоря «мастерская игра», я имею в виду ту степень совершенства, при которой игрок владеет всеми средствами, приводящими к законной победе. Эти средства не только многочисленны, но и многообразны и часто предполагают такое знание человеческой души, какое недоступно игроку средних способностей. Кто внимательно наблюдает, тот отчетливо и помнит, а следовательно, всякий сосредоточенно играющий шахматист может рассчитывать на успех в висте, поскольку руководство Хойла (основанное на простой механике игры) общепонятно и общедоступно. Чтобы хорошо играть в вист, достаточно, по распространенному мнению, соблюдать «правила» и обладать хорошей памятью. Однако искусство аналитика проявляется как раз в том, что правилами игры не предусмотрено. Каких он только не делает про себя выводов и наблюдений! Его партнер, быть может, тоже; но перевес в этой обоюдной разведке зависит не столько от надежности выводов, сколько от качества наблюдения. Важно, конечно, знать, на что обращать внимание. Но наш игрок ничем себя не ограничивает. И хотя прямая его цель – игра, он не пренебрегает и самыми отдаленными указаниями. Он изучает лицо своего партнера и сравнивает его с лицом каждого из противников, подмечает, как они распределяют карты в обеих руках, и нередко угадывает козырь за козырем и онер¹⁶ за онером по взглядам, какие они на них бросают. Следит по ходу игры за мимикой игроков и делает уйму заключений, подмечая все оттенки уверенности, удивления, торжества или досады, сменяющиеся на их физиономиях. Судя по тому, как человек сгрэб взятку, он заключает, последует ли за ней другая. По тому, как карта брошена, догадывается, что противник финтит, что ход сделан для отвода глаз. Незначай или необдуманно оброненное слово; случайно упавшая или открывшаяся карта и как ее прячут – с опаской или спокойно; подсчет взяток и их расположение; растерянность, колебания, нетерпение или боязнь – ничто не ускользает от якобы безразличного взгляда аналитика. С двух-трех ходов ему уже ясно, что у кого на руках, и он выбрасывает карту с такой уверенностью, словно все игроки раскрылись.

Способность к анализу не следует смешивать с простой изобретательностью, ибо аналитик всегда изобретателен, тогда как не всякий изобретательный человек способен к анализу. Умение придумывать и комбинировать, в котором обычно проявляется изобретательность и для которого френологи¹⁷ (совершенно напрасно, по-моему) отводят особый орган, считая эту способность первичной, нередко наблюдается даже у тех, чей умственный уровень в остальном граничит с кретинизмом, что не раз отмечалось писателями, живописующими быт и нравы. Между умом изобретательным и аналитическим существует куда большее различие, чем между фантазией и воображением, но это различие того же порядка. В самом деле, нетрудно заметить, что люди изобретательные – большие фантазеры и что человек с подлинно богатым воображением, как правило, склонен к анализу.

Дальнейший рассказ послужит для читателя своего рода иллюстрацией к приведенным соображениям.

¹⁵ Вист – командная карточная игра.

¹⁶ Онер – в некоторых карточных играх козырная старшая карта, от десятки до туза. *Со всеми онерами* – при наличии всех этих карт на руках у партнера.

¹⁷ Френология – теория о связи психики человека и строения поверхности его черепа.

Весну и часть лета 18... года я прожил в Париже, где свел знакомство с неким мосье С.-Огюстом Дюпенем. Еще молодой человек, потомок знатного и даже прославленного рода, он испытал превратности судьбы и оказался в обстоятельствах столь плачевных, что утратил всю свою природную энергию, ничего не добивался в жизни и меньше всего помышлял о возвращении прежнего богатства. Любезность кредиторов сохранила Дюпену небольшую часть отцовского наследства, и, живя на ренту и придерживаясь строжайшей экономии, он кое-как сводил концы с концами, равнодушный к приманкам жизни. Единственная роскошь, какую он себе позволял, – книги, – вполне доступна в Париже.

Впервые мы встретились в плохонькой библиотеке на улице Монмартр, и так как оба случайно искали одну и ту же книгу, чрезвычайно редкое и примечательное издание, то, естественно, разговорились. Потом мы не раз встречались. Я заинтересовался семейной историей Дюпена, и он поведал ее мне с обычной чистосердечностью француза, рассказывающего вам о себе. Поразила меня и обширная начитанность Дюпена, а главное – я не мог не восхищаться неудержимым жаром и свежестью его воображения.

Я жил тогда в Париже совершенно особыми интересами и, чувствуя, что общество такого человека неоценимая для меня находка, не замедлил ему в этом признаться. Вскоре у нас возникло решение на время моего пребывания в Париже поселиться вместе; а поскольку обстоятельства мои были чуть получше, чем у Дюпена, то я снял с его согласия и обставил в духе столь милой нам обоим романтической меланхолии¹⁸ сильно пострадавший от времени дом причудливой архитектуры в уединенном уголке Сен-Жерменского предместья; давно покинутый хозяевами из-за каких-то суеверных преданий, в суть которых мы не стали вдаваться, он клонился к упадку.

Если бы наш образ жизни в этой обители стал известен миру, нас сочли бы маньяками, хоть и безобидными маньяками. Наше уединение было полным. Мы никого не хотели видеть. Я скрыл от друзей свой новый адрес, а Дюпен давно порвал с Парижем, да и Париж не вспоминал о нем. Мы жили только в себе и для себя.

Одной из фантастических причуд моего друга – ибо как еще это назвать? – была влюбленность в ночь, в ее особое очарование; и я покорно принял эту *bizarterie*¹⁹ как принимал и все другие, samozабвенно отдаваясь прихотям друга. Темноликая богиня то и дело покидала нас, и, чтобы не лишиться ее милостей, мы прибегали к *бутафории*²⁰: при первом проблеске зари захлопывали тяжелые ставни старого дома и зажигали два-три светильника, которые, курясь благовониями, изливали тусклое, призрачное сияние. В их бледном свете мы предавались грезам, читали, писали, беседовали, пока звон часов не возвещал нам приход истинной Тьмы. И тогда мы рука об руку выходили на улицу, продолжая дневной разговор или бесцельно бродили до поздней ночи, находя в мелькающих огнях и тенях большого города ту неисчерпаемую пищу для умственных восторгов, какую дарит тихое созерцание.

В такие минуты я не мог не восхищаться аналитическим дарованием Дюпена, хотя и понимал, что это лишь неотъемлемое следствие ярко выраженной умозрительности его мышления. Да и Дюпену, видимо, нравилось упражнять эти способности, если не блистать ими, и он, не чинясь, признавался мне, сколько радости это ему доставляет. Не раз хвалился он с довольным смешком, что люди в большинстве

¹⁸ Меланхолия – психическое состояние, характеризующееся угнетенным настроением; устаревшее название депрессии.

¹⁹ Странность, чудачестве (фр.).

²⁰ Бутафория – поддельные, специально изготавливаемые предметы (скульптура, мебель, посуда, украшения, оружие и др.), употребляемые в театральных спектаклях взамен настоящих вещей.

для него - открытая книга, и тут же приводил ошеломляющие доказательства того, как ясно он читает в моей душе. В подобных случаях мне чудилась в нем какая-то холодность и отрешенность; пустой, ничего не выражающий взгляд его был устремлен куда-то вдаль, а голос, сочный тенор, срывался на фальцет и звучал бы раздраженно, если бы не четкая дикция и спокойный тон. Наблюдая его в эти минуты, я часто вспоминал старинное учение о двойственности души и забавлялся мыслью о двух Дюпенах: созидающем и расчленяющем.

Из сказанного отнюдь не следует, что разговор здесь пойдет о неких чудесах; я также не намерен романтизировать своего героя. Описанные черты моего приятеля-француза были только следствием перевозбужденного, а может быть, и больного ума. Но о характере его замечаний вам лучше поведает живой пример.

Как-то вечером гуляли мы по необычайно длинной грязной улице в окрестностях Пале-Рояля²¹. Каждый думал, по-видимому, о своем, и в течение четверти часа никто из нас не проронил ни слова. Как вдруг Дюпен, словно невзначай, сказал:

– Куда ему, такому заморышу! Лучше б он попытал счастья в театре «Варьете».

– Вот именно, – ответил я машинально.

Я так задумался, что не сразу сообразил, как удачно слова Дюпена совпали с моими мыслями. Но тут же опомнился, и удивлению моему не было границ.

– Дюпен, – сказал я серьезно, – это выше моего понимания. Сказать по чести, я поражен, я просто ушам своим не верю. Как вы догадались, что я думал о... – Тут я остановился, чтобы увериться, точно ли он знает, о ком я думал.

– ...о Шантильи, – закончил он. – Почему же вы запнулись? Вы говорили себе, что при его тщедушном сложении нечего ему было соваться в трагики.

Да, это и составляло предмет моих размышлений. Шантильи, *quondam*²² сапожник с улицы Сен-Дени, помешавшийся на театре, недавно дебютировал в роли Ксеркса²³ в одноименной трагедии Кребийона²⁴ и был за все свои старания жестоко освистан.

– Объясните мне, ради Бога, свой метод, – настаивал я, – если он у вас есть и если вы с его помощью так безошибочно прочли мои мысли. – Признаться, я даже старался не показать всей меры своего удивления.

– Не кто иной, как зеленщик, – ответил мой друг, – навел вас на мысль, что сей врачеватель подметок не дорос до Ксеркса *et id genus omne*²⁵.

– Зеленщик? Да Бог с вами! Я знать не знаю никакого зеленщика!

– Ну, тот увалень, что налетел на вас, когда мы свернули сюда с четверть часа назад.

Тут я вспомнил, что зеленщик с большой корзиной яблок на голове по нечаянности чуть не сбил меня с ног, когда мы из переулка вышли на людную улицу. Но какое отношение имеет к этому Шантильи, я так и не мог понять.

Однако у Дюпена ни на волос не было того, что французы называют *charlatanerie*²⁶.

– Извольте, я объясню вам, – вызвался он. – А чтобы вы лучше меня поняли, давайте восстановим весь ход ваших мыслей с нашего последнего разговора и до встречи с пресловутым зеленщиком. Основные вехи – Шантильи, Орион, доктор Никольс, Эпикур, стереотомия, булыжник и – зеленщик.

²¹ Пале-Рояль – площадь, дворец и парк, расположенные в Париже.

²² Некогда (лат.).

²³ Ксеркс (ок. 486–465 до Р. Х.) – персидский царь.

²⁴ Кребийон (1674–1762) – французский драматург.

²⁵ И ему подобных (лат.).

²⁶ Очковтирательство (фр.).

Вряд ли найдется человек, которому ни разу не приходило в голову проследить забавы ради шаг за шагом все, что привело его к известному выводу. Это – преувлекательное подчас занятие, и кто впервые к нему обратится, будет поражен, какое неизмеримое на первый взгляд расстояние отделяет исходный пункт от конечного вывода и как мало они друг другу соответствуют. С удивлением выслушал я Дюпена и не мог не признать справедливости его слов.

Мой друг между тем продолжал:

– До того как свернуть, мы, помнится, говорили о лошадях. На этом разговор наш оборвался. Когда же мы вышли сюда, на эту улицу, выскочивший откуда-то зеленщик с большой корзиной яблок на голове пробежал мимо и второпях толкнул вас на грудь булыжника, сваленного там, где каменщики чинили мостовую. Вы споткнулись о камень, поскользнулись, слегка насупились, пробормотали что-то, еще раз оглянулись на грудь булыжника и молча зашагали дальше. Я не то чтобы следил за вами: просто наблюдательность стала за последнее время моей второй натурой.

Вы упорно не поднимали глаз и только косились на выбоины и трещины в панели (из чего я заключил, что вы все еще думаете о булыжнике), пока мы не поравнялись с переулком, который носит имя Ламартина²⁷ и вымощен на новый лад – плотно пригнанными плитками, уложенными в шахматном порядке. Вы заметно повеселели, и по движению ваших губ я угадал слово «стереотомия» – термин, которым для пущей важности окрестили такое мощение. Я понимал, что слово «стереотомия» должно навести вас на мысль об атомах и, кстати, об учении Эпикура²⁸; а поскольку это было темой нашего недавнего разговора – я еще доказывал вам, как разительно смутные догадки благородного грека подтверждаются выводами современной космогонии по части небесных туманностей, в чем никто еще не отдал ему должного, – то я так и ждал, что вы устремите глаза на огромную туманность в созвездии Ориона. И вы действительно посмотрели вверх, чем показали, что я безошибочно иду по вашему следу. Кстати, в злобном выпаде против Шантильи во вчерашнем «Musee» некий зоил²⁹, весьма недостойно пройдясь насчет того, что сапожник, взобравшийся на котурны³⁰, постарался изменить самое имя свое, процитировал строчку латинского автора, к которой мы не раз обращались в наших беседах. Я разумею стих:

Perdidit antiquum litera prima sonum³¹

Я как-то пояснил вам, что здесь разумеется Орион – когда-то он писался Урион, – мы с вами еще пошутили на этот счет, так что случай, можно сказать, памятный. Я понимал, что Орион наведет вас на мысль о Шантильи, и улыбка ваша это мне подтвердила. Вы вздохнули о бедной жертве, отданной на заклятие. Все время вы шагали сутулясь, а тут выпрямились во весь рост, и я решил, что вы подумали о тщедушном сапожнике. Тогда-то я и прервал ваши размышления, заметив, что он в самом деле не вышел ростом, наш Шантильи, и лучше бы ему попытаться счастья в театре «Варьете».

Вскоре затем, просматривая вечерний выпуск «Судебной газеты», наткнулись мы на следующую заметку:

«НЕСЛЫХАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

²⁷ Ламартин (1790–1869) – французский поэт-романтик, политический деятель, историк

²⁸ Эпикур – (342–341 до Р. Х. – 271–270 до Р. Х.), древнегреческий философ, утверждавший, что все тела представляют собой соединения неделимых и неизменных частиц – атомов, различающихся между собой величиной, весом и формой.

²⁹ Зоил – злой критик.

³⁰ Котурны – в античном театре род обуви, применявшейся актерами трагедии. Котурны имели очень высокую подошву, что увеличивало рост актера, делая заметнее его фигуру.

³¹ Утратила былое звучание первая буква (лат.).

Сегодня, часов около трех утра, мирный сон обитателей квартала Сен-Рок был нарушен душераздирающими криками. Следуя один за другим без перерыва, они доносились, по-видимому, с пятого этажа дома на улице Морг, где, как известно местным обывателям, проживала единственно некая мадам Л'Эспанэ с незамужней дочерью мадемуазель Камиллой Л'Эспанэ. После небольшой заминки у запертых дверей при безуспешной попытке проникнуть в подъезд обычным путем пришлось прибегнуть к лому, и с десятков соседей, в сопровождении двух жандармов, ворвались в здание. Крики уже стихли; но едва лишь кучка смельчаков поднялась по первому маршу, как сверху послышалась перебранка двух, а возможно, и трех голосов, звучавших отрывисто и сердито. Покуда добрались до третьего этажа, стихли и эти звуки, и водворилась полная тишина. Люди рассыпались по всему дому, перебегая из одной комнаты в другую. Когда же очередь дошла до большой угловой спальни на пятом этаже (дверь, запертую изнутри, тоже взломали), – толпа отступила перед открывшимся зрелищем, охваченная ужасом и изумлением.

Здесь все было вверх дном, повсюду раскидана поломанная мебель. В комнате стояла одна только кровать, но без постели, подушки и одеяло валялись на полу. На стуле лежала бритва с окровавленным лезвием. Две-три густые пряди длинных седых волос, вырванных, видимо, с корнем и слипшихся от крови, пристали к каминной решетке. На полу, под ногами, найдены четыре наполеондора³², одна серьга с топазом, три столовые серебряные и три чайные мельхиоровые ложки и два мешочка с золотыми монетами – общим счетом без малого четыре тысячи франков. Ящики комода в углу были выдвинуты наружу, грабители, очевидно, рылись в них, хотя всего не унесли. Железная укладка³³ обнаружена под постелью (а не под кроватью). Она была открыта, ключ еще торчал в замке, но в ней ничего не осталось, кроме пожелтевших писем и других заваливавшихся бумажек.

И никаких следов мадам Л'Эспанэ! Кто-то заметил в камине большую груду золы, стали шарить в дымоходе и – о ужас! – вытащили за голову труп дочери: его вверх ногами, и притом довольно далеко, затолкали в узкую печную трубу. Тело было еще теплым. Кожа, как выяснилось при осмотре, во многих местах содрана – явное следствие усилий, с какими труп заталкивали в дымоход, а потом выволакивали оттуда. Лицо страшно исцарапано, на шее сине-багровые подтеки и глубокие следы ногтей, словно человека душили.

После того как сверху донизу обшарили весь дом, не обнаружив ничего нового, все кинулись вниз, на мощный дворик, и там наткнулись на мертвую старуху- ее так хватили бритвой, что при попытке поднять труп голова отвалилась. И тело и лицо были изуродованы, особенно тело, в нем не сохранилось ничего человеческого.

Таково это поистине ужасное преступление, пока еще окутанное непроницаемой тайной».

Назавтра газета принесла следующие дополнительные сообщения:

«ТРАГЕДИЯ НА УЛИЦЕ МОРГ

Неслыханное по жестокости убийство всколыхнуло весь Париж, допрошен ряд свидетелей, но ничего нового, проясняющего тайну, пока не обнаружено. Ниже приведены вкратце наиболее существенные показания:

Полина Дюбур, прачка, показывает, что знала покойниц последние три года, стирала на них. Старая дама с дочкой, видно, жили дружно, душа в душу. Платили исправно. Насчет их образа жизни и средств ничего сказать не может.

Полагает, что мадам Л'Эспанэ была гадалкой, этим и кормились. Поговаривали, что у нее есть деньги. Свидетельница никого не встречала в доме, когда приходила за

³² Наполеондор – французская золотая монета достоинством в 20 фр., содержащая 5,8 г чистого золота.

³³ Укладка – небольшой сундук.

бельем или приносила его после стирки. Знает наверняка, что служанки они не держали. Насколько ей известно, мебелью был обставлен только пятый этаж.

Пьер Моро, владелец табачной лавки, показывает, что в течение четырех лет отпускал мадам Л'Эспанэ нюхательный и курительный табак небольшими пачками. Он местный уроженец и коренной житель. Покойница с дочерью уже больше шести лет как поселилась в доме, где их нашли убитыми. До этого здесь квартировал ювелир, сдававший верхние комнаты жильцам. Дом принадлежал мадам Л'Эспанэ. Старуха всякое терпение потеряла с квартирантом, который пускал к себе жильцов, и переехала сама на верхний этаж, а от сдачи внаем свободных помещений и вовсе отказалась. Не иначе как впала в детство. За все эти годы свидетель только пять-шесть раз видел дочь. Обе женщины жили уединенно, по слухам, у них имелись деньги. Болтали, будто мадам Л. промышляет гаданьем, но он этому не верил. Ни разу не видел, чтобы кто-либо входил в дом, кроме самой и дочери да кое-когда привратника³⁴, да раз восемьдесят навещался доктор.

Примерно то же свидетельствовали и другие соседи. Никто не замечал, чтобы к покойницам кто-либо заходил. Были ли у них где-нибудь друзья или родственники, тоже никому слышать не приходилось. Ставни по фасаду открывались редко, а со двора их и вовсе заколотили, за исключением большой комнаты на пятом этаже. Дом еще не старый, крепкий.

Изидор Мюзе, жандарм, показывает, что за ним пришли около трех утра. Застал у дома толпу, человек в двадцать – тридцать, осаждавшую дверь. Замок взломал он, и не ломом, а штыком. Дверь поддавалась легко, она двустворчатая, ни сверху, ни снизу не закреплена. Крики доносились все время, пока не открыли дверь, – и вдруг оборвались. Кричали (не разберешь – один или двое) как будто в смертной тоске, крики были протяжные и громкие, а не отрывистые и хриплые. Наверх свидетель поднимался первым. Взойдя на второй этаж, услышал, как двое сердито и громко переругиваются – один глухим, а другой вроде как визгливым голосом, и голос какой-то чудной. Отдельные слова первого разобрал. Это был француз. Нет, ни в коем случае не женщина. Он разобрал слова «sacre» и «diable»³⁵ визгливым голосом говорил иностранец. Не поймешь, мужчина или женщина. Не разобрать, что говорил, а только скорее всего язык испанский. Рассказывая, в каком виде нашли комнату и трупы, свидетель не добавил ничего нового к нашему вчерашнему сообщению.

Анри Дюваль, сосед, по профессии серебряник, показывает, что с первой же группой вошел в дом. В целом подтверждает показания Мюзе. Едва проникнув в подъезд, они заперли за собой дверь, чтобы задержать толпу, которая все прибывала, хотя стояла глухая ночь. Визгливый голос, по впечатлению свидетеля, принадлежал итальянцу. Уверен, что не француз. По голосу не сказал бы, что непременно мужчина. Возможно, что женщина. Итальянского не знает, слов не разобрал, но, судя по интонации, полагает, что итальянец. С мадам Л. и дочерью был лично знаком. Не раз беседовал с обеими. Уверен, что ни та, ни другая не говорила визгливым голосом.

Оденгеймер, ресторатор. Свидетель сам вызвался дать показания. По-французски не говорит, допрашивается через переводчика. Уроженец Амстердама. Проходил мимо дома, когда оттуда раздались крики. Кричали долго, несколько минут, пожалуй, что и десять. Крики протяжные, громкие, хватающие за душу, леденящие кровь. Одним из первых вошел в дом. Подтверждает предыдущие показания по всем пунктам, кроме одного: уверен, что визгливый голос принадлежал мужчине, и притом француз. Нет, слов не разобрал, говорили очень громко и часто-часто, будто захлебываясь, не то от гнева, не то от страха. Голос резкий – скорее резкий, чем визгливый. Нет, визгливым

³⁴ Привратник – сторож у ворот, у входа куда-нибудь.

³⁵ «Проклятие» и «черт» (фр.).

его не назовешь. Хриплый голос все время повторял «sacre» и «diable», а однажды сказал «mon Dieu!»³⁶

Жюль Миньо банкир, фирма «Миньо и сыновья» на улице Делорен. Он – Миньо-старший. У мадам Л'Эспанэ имелся кое-какой капиталец. Весною такого-то года (восемь лет назад) вдова открыла у них счет. Часто делала новые вклады – небольшими суммами. Чеков не выписывала, но всего за три дня до смерти лично забрала со счета четыре тысячи франков. Деньги были выплачены золотом и доставлены на дом конторщиком банка.

Адольф Лебон, конторщик фирмы «Миньо и сыновья», показывает, что в означенный день, часу в двенадцатом, проводил мадам Л'Эспанэ до самого дома, отнес ей четыре тысячи франков, сложенных в два мешочка. Дверь открыла мадемуазель Л'Эспанэ; она взяла у него один мешочек, а старуха другой. После чего он откланялся и ушел. Никого на улице он в тот раз не видел. Улица тихая, безлюдная.

Уильям Берд, портной, показывает, что вместе с другими вошел в дом. Англичанин. В Париже живет два года. Одним из первых поднялся по лестнице. Слышал, как двое спорили. Хриплый голос принадлежал французу. Отдельные слова можно было разобрать, но всего он не помнит. Ясно слышал «sacre» и «mon Dieu!». Слова сопровождалось шумом борьбы, топотом и возней, как будто дрались несколько человек. Пронзительный голос звучал очень громко, куда громче, чем хриплый. Уверен, что не англичанин. Скорее, немец. Может быть, и женщина. Сам он по-немецки не говорит.

Четверо из числа означенных свидетелей на вторичном допросе показали, что дверь спальни, где нашли труп мадемуазель Л'Эспанэ была заперта изнутри. Тишина стояла мертвая, ни стоны, ни малейшего шороха. Когда дверь взломали, там уже никого не было. Окна спальни и смежной комнаты, что на улицу, были опущены и наглухо заперты изнутри, дверь между ними притворена, но не заперта. Дверь из передней комнаты в коридор была заперта изнутри. Небольшая комнатка окнами на улицу, в дальнем конце коридора, на том же пятом этаже, была не заперта, дверь приотворена. Здесь были свалены старые кровати, ящики и прочая рухлядь. Вещи вынесли и тщательно осмотрели. Дом обшарили сверху донизу. Дымоходы обследованы трубочистами. В доме пять этажей, не считая чердачных помещений (mansardes). На крышу ведет люк, он забит гвоздями и, видимо, давно бездействует. Время, истекшее между тем, как свидетели услышали перебранку и как взломали входную дверь в спальню, оценивается по-разному: от трех до пяти минут. Взломать ее стоило немалых усилий.

Альфонсо Гарсио, гробовщик, показал, что проживает на улице Морг. Испанец по рождению. Вместе с другими побывал в доме. Наверх не подымался. У него нервы слабые, ему нельзя волноваться. Слышал, как двое спорили, хриплый голос – несомненно француз. О чем спорили, не уловил. Визгливым голосом говорил англичанин. Сам он по-английски не понимает, судит по интонации. Альберта Монтани, владелец магазина готового платья, показывает, что одним из первых взбежал наверх. Голоса слышал. Хрипло говорил француз. Кое-что понять можно было. Говоривший в чем-то упрекал другого. Слов второго не разобрал. Второй говорил часто-часто, заплетающимся языком. Похоже, что по-русски. В остальном свидетель подтверждает предыдущие показания. Сам он итальянец. С русскими говорить ему не приходилось. Кое-кто из свидетелей на вторичном допросе подтвердил, что дымоходы на четвертом этаже слишком узкие и человеку в них не пролезть. Под «трубочистами» они разумели цилиндрической формы щетки, какие употребляют при чистке труб. В доме нет черной

³⁶ Боже мой! (фр.)

лестницы, по которой злодеи могли бы убежать, пока их преследователи поднимались наверх. Труп мадемуазель Л'Эспанэ был так плотно затиснут в дымоход, что только общими усилиями четырех или пяти человек удалось его вытащить.

Поль Дюма, врач, показывает, что утром, чуть рассвело, его позвали освидетельствовать тела убитых женщин. Оба трупа лежали на старом матраце, снятом с кровати в спальне, где найдена мадемуазель Л'Эспанэ. Тело дочери все в кровоподтеках и ссадинах. Это вполне объясняется тем, что его заталкивали в тесный дымоход. Особенно пострадала шея. Под самым подбородком несколько глубоких ссадин и сине-багровых подтеков – очевидно, отпечатки пальцев. Лицо в страшных синяках, глаза вылезли из орбит. Язык чуть ли не насквозь прокушен. Большой кровоподтек на нижней части живота показывает, что здесь надавливали коленом. По мнению мосье Дюма, мадемуазель Л'Эспанэ задушена, – убийца был, возможно, не один. Тело матери чудовищно изувечено. Все кости правой руки и ноги переломаны и частично раздроблены. Расщеплена левая *tibia*³⁷ равно как и ребра с левой стороны. Все тело в синяках и ссадинах. Трудно сказать, чем нанесены повреждения. Увесистая дубинка или железный лом, ножка кресла – да, собственно, любое тяжелое орудие в руках необычайно сильного человека могло это сделать. Женщина была бы не в силах нанести такие увечья. Голова убитой, когда ее увидел врач, была отделена от тела и тоже сильно изуродована. Горло перерезано острым лезвием, возможно, бритвой.

Александр Этьенн, хирург, был вместе с мосье Дюма приглашен освидетельствовать трупы. Полностью присоединяется к показаниям и заключениям мосье Дюма.

Ничего существенного больше установить не удалось, хотя к дознанию были привлечены и другие лица. В Париже не запомнят убийства, совершенного при столь туманных и во всех отношениях агадочных обстоятельствах. Да и убийство ли это? Полиция сбита с толку. Ни малейшей путеводной нити, ни намек на возможную разгадку».

В вечернем выпуске сообщалось, что в квартале Сен-Рок по-прежнему сильнейший переполох, но ни новый обыск в доме, ни повторные допросы свидетелей ни к чему не привели. Дополнительно сообщалось, что арестован и посажен в тюрьму Адольф Лебой, хотя никаких новых отягчающих улик, кроме уже известных фактов, не обнаружено.

Я видел, что Дюпен крайне заинтересован ходом следствия, но от комментариев он воздерживался. И только когда появилось сообщение об аресте Лебона, он пожелал узнать, что я думаю об этом убийстве.

Я мог лишь вместе со всем Парижем объявить его неразрешимой загадкой. Я не видел ни малейшей возможности напасть на след убийцы.

– А вы не судите по этой пародии на следствие, – возразил Дюпен. – Парижская полиция берет только хитростью, ее хваленая догадливость чистейшая басня. В ее действиях нет системы, если не считать системой обыкновение хвататься за первое, что подскажет минута. Они кричат о своих мероприятиях, но эти мероприятия так часто бьют мимо цели, что невольно вспоминаешь Журдена³⁸: «pour mieux entendre la musique»³⁹, он требовал подать себе свой «gobe de chambre»⁴⁰. Если они кое-чего и достигают, то исключительно усердием и трудом. Там же, где этих качеств

³⁷ Берцовая кость (лат.).

³⁸ Журден – герой комедии французского драматурга Мольера «Мещанин во дворянстве».

³⁹ Чтобы лучше слышать музыку (фр.).

⁴⁰ Халат (фр.)

недостаточно, усилия их терпят крах. У Видока⁴¹, например, была догадка и упорство, при полном неумении систематически мыслить; самая горячность его поисков подводила его, и он часто попадал впросак. Он так близко вглядывался в свой объект, что это искажало перспективу. Пусть он ясно различал то или другое, зато целое от него ускользало. В глубокомыслии легко перемудрить. Истина не всегда обитает на дне колодца. В насущных вопросах она, по-моему, скорее лежит на поверхности. Мы ищем ее на дне ущелий, а она поджидает нас на горных вершинах. Чтобы уразуметь характер подобных ошибок и их причину, обратимся к наблюдению над небесными телами. Бросьте на звезду быстрый взгляд, посмотрите на нее краешком сетчатки (более чувствительным к слабым световым раздражениям, нежели центр), и вы увидите светило со всей ясностью и сможете оценить его блеск, который тускнеет, по мере того как вы поворачиваетесь, чтобы посмотреть на него в упор. В последнем случае на глаз упадет больше лучей, зато в первом восприимчивость куда острее. Чрезмерная глубина лишь путает и затуманивает мысли. Слишком сосредоточенный, настойчивый и упорный взгляд может и Венеру согнать с небес.

Что касается убийства, то давайте учиним самостоятельный розыск, а потом уже вынесем суждение. Такое расследование нас позабавит (у меня мелькнуло, что «позабавит» не то слово, но я промолчал), к тому же Лебон когда-то оказал мне услугу, за которую я поныне ему обязан. Пойдемте же поглядим на все своими глазами. Полицейский префект Г. – мой старый знакомый – не откажет нам в разрешении.

Разрешение было получено, и мы не мешкая отправились на улицу Морг. Это одна из тихих, неказистых улочек, соединяющих улицу Ришелье с улицей Сен-Рок. Мы жили на другом конце города и только часам к трем добрались до места. Дом сразу бросился нам в глаза, так как немало зевак все еще бесцельно глазело с противоположного тротуара на закрытые ставни. Это был обычны парижский особняк с подворотней, сбоку прилепилась стеклянная сторожка с подъемным оконцем, так называемая *loge de concierge*⁴². Не заходя, мы проследовали дальше по улице, свернули в переулок, опять свернули и вышли к задам дома. Дюпен так внимательно оглядывал усадьбу и соседние строения, что я только диву давался, не находя в них ничего достойного внимания. Вернувшись к входу, мы позвонили. Наши верительные грамоты⁴³ произвели впечатление, и дежурные полицейские впустили нас. Мы поднялись по лестнице в спальню, где была найдена мадемуазель Л'Эспанэ и где все еще лежали оба трупа. Здесь, как и полагается, все оставалось в неприкосновенности, и по-прежнему царил хаос. Я видел перед собой картину, описанную в «Судебной газете», – и ничего больше. Однако Дюпен все подверг самому тщательному осмотру, в том числе и трупы. Мы обошли и остальные комнаты и спустились во двор, все это под бдительным оком сопровождавшего нас полицейского. Осмотр затянулся до вечера; наконец мы попрощались. На обратном пути мой спутник еще наведалься в редакцию одной из утренних газет.

Я уже рассказал здесь о многообразных причудах моего друга и о том, как *je les menageais*⁴⁴ – соответствующее английское выражение не приходит мне в голову. Сейчас он был явно не в настроении обсуждать убийство и заговорил о нем только назавтра, в полдень. Начав без предисловий, он огорошил меня вопросом: не заметил ли я чего-то особенного в этой картине зверской жестокости?

⁴¹ Видок (1775–1857) – французский преступник, ставший впоследствии первым главой Главного управления национальной безопасности.

⁴² Привратничья (фр.).

⁴³ Верительные грамоты – документ, удостоверяющий полномочия дипломатического представителя и назначение его в данную страну.

⁴⁴ Я им потакал (фр.).

«Особенного» он сказал таким тоном, что я невольно содрогнулся.

– Нет, ничего особенного, – сказал я, – по сравнению с тем, конечно, что мы читали в газете.

– Боюсь, что в газетном отчете отсутствует главное, – возразил Дюпен, – то чувство невыразимого ужаса, которым веет от этого происшествия. Но Бог с ним, с этим дурацким листком и его праздными домыслами. Мне думается, загадку объявили неразрешимой как раз на том основании, которое помогает ее решить: я имею в виду чудовищное, что наблюдается здесь во всем. Полицейских смущает кажущееся отсутствие побудительных мотивов, и не столько самого убийства, сколько его жестокости. К тому же они не могут справиться с таким будто бы непримиримым противоречием: свидетели слышали спорящие голоса, а между тем наверху, кроме убитой мадемуазель Л'Эспанэ, никого не оказалось. Но и бежать убийцы не могли – другого выхода нет, свидетели непременно увидели бы их, поднимаясь по лестнице. Невообразимый хаос в спальне; труп, который кто-то ухитрился затолкать в дымоход, да еще вверх ногами; фантастические истязания старухи – этих обстоятельств вместе с вышеупомянутыми, да и многими другими, которых я не стану здесь перечислять, оказалось достаточно, чтобы выбить у наших властей почву из-под ног, парировать их хваленую догадливость. Они впали в грубую, хоть и весьма распространенную ошибку, смешав необычайное с необъяснимым. А ведь именно отклонение от простого и обычного освещает дорогу разуму в поисках истины. В таком расследовании, как наше с вами, надо спрашивать не «Что случилось?», а «Что случилось такого, чего еще никогда не бывало?». И в самом деле, легкость, с какой я прихожу – пришел, если хотите, – к решению этой загадки, не прямо ли пропорциональна тем трудностям, какие возникают перед полицией?

Я смотрел на Дюпена в немом изумлении.

– Сейчас я жду, – продолжал Дюпен, поглядывая на дверь, – жду человека, который, не будучи прямым виновником этих зверств, должно быть, в какой-то мере способствовал тому, что случилось. В самой страшной части содеянных преступлений он, очевидно, не повинен. Надеюсь, я прав в своем предположении, так как на нем строится мое решение всей задачи в целом. Я жду этого человека сюда, к нам, с минуты на минуту. Разумеется, он может и не прийти, но, по всей вероятности, придет. И тогда необходимо задержать его. Вот пистолеты. Оба мы сумеем, если нужно будет, распорядиться ими.

Я машинально взял пистолеты, почти не сознавая, что делаю, не веря ушам своим, а Дюпен продолжал, словно изливаясь в монолог. Я уже упоминал о присущей ему временами отрешенности. Он адресовался ко мне и, следовательно, говорил негромко, но что-то в его интонации звучало так, точно он обращается к кому-то вдалеке. Пустой, ничего не выражающий взгляд его упирался в стену.

– Показаниями установлено, – продолжал Дюпен, – что спорящие голоса, которые свидетели слышали на лестнице, не принадлежали обеим женщинам. А значит, отпадает версия, будто мадам Л'Эспанэ убила дочь, а потом лишила себя жизни. Я говорю об этом, лишь чтобы показать ход своих рассуждений: у мадам Л'Эспанэ не хватило бы, конечно, сил засунуть труп дочери в дымоход, где он был найден, а истязания, которым подверглась она сама, исключают всякую мысль о самоубийстве. Отсюда следует, что убийство совершено какой-то третьей стороной, и спорящие голоса с полной очевидностью принадлежали этой третьей стороне. А теперь обратимся не ко всей части показаний, касающихся обоих голосов, а только к известной их особенности. Скажите, вас ничто не удивило?

– Все свидетели, – отвечал я, – согласны в том, что хриплый голос принадлежал французу, тогда как насчет визгливого или резкого, как кто-то выразился, мнения разошлись.

– Вы говорите о показаниях вообще, – возразил Дюпен, – а не об их отличительной особенности. Вы не заметили самого характерного. А следовало бы заметить! Свидетели, как вы правильно указали, все одного мнения относительно хриплого голоса; тут полное единодушие. Что же до визгливого голоса, то удивительно не то, что мнения разошлись, а что итальянец, англичанин, испанец, голландец и француз – все характеризуют его как голос иностранца. Никто в интонациях визгливого голоса не признал речи соотечественника. При этом каждый отсылает нас не к нации, язык которой ему знаком, а как раз наоборот. Французу слышится речь испанца: «Не поймешь, что говорил, а только, скорее всего, язык испанский». Для голландца это был француз; впрочем, как записано в протоколе, «свидетель по-французски не говорит, допрашивается через переводчика». Для англичанина это звучит как речь немца; кстати, он «по-немецки не понимает». Испанец «уверен», что это англичанин, причем сам он «по-английски не знает ни слова» и судит только по интонации, – «английский для него чужой язык». Итальянцу мерещится русская речь – правда, «с русскими говорить ему не приходилось». Мало того, второй француз, в отличие от первого, «уверен, что говорил итальянец»; не владея этим языком, он, как и испанец, ссылается «на интонацию». Поистине, странно должна была звучать речь, вызвавшая подобные суждения, речь, в звуках которой ни один из представителей пяти крупнейших европейских стран не узнал ничего знакомого, родного! Вы скажете, что то мог быть азиат или африканец. Правда, выходцы из Азии или Африки нечасто встречаются в Париже, но, даже не отрицая такой возможности, я хочу обратить ваше внимание на три обстоятельства. Одному из свидетелей голос неизвестного показался «скорее резким, чем визгливым». Двое других характеризуют его речь как торопливую и неровную. И никому не удалось разобрать ни одного членораздельного слова или хотя бы отчетливого звука.

– Не знаю, – продолжал Дюпен, – какое на вас впечатление производят мои доводы, но осмелюсь утверждать, что уже из этой части показаний – насчет хриплого и визгливого голоса – вытекают законные выводы и догадки, предопределяющие весь дальнейший ход нашего расследования. Сказав «законные выводы», я не совсем точно выразился. Я хотел сказать, что это единственно возможные выводы и что они неизбежно ведут к моей догадке, как к единственному результату. Что за догадка, я пока умолчу. Прошу лишь запомнить, что для меня она столь убедительна, что придала определенное направление и даже известную цель моим розыскам в старухиной спальне.

Перенесемся мысленно в эту спальню. Чего мы прежде всего станем в ней искать? Конечно, выхода, которым воспользовались убийцы. Мы с вами, естественно, в чудеса не верим. Не злые же духи, в самом деле, расправились с мадам и мадемуазель Л'Эспанэ! Преступники – заведомо существа материального мира, и бежали они согласно его законам. Но как? Тут, к счастью, требуются самые несложные рассуждения, и они должны привести нас к прямому и точному ответу. Рассмотрим же последовательно все наличные выходы. Ясно, что, когда люди поднимались по лестнице, убийцы находились в старухиной спальне либо, в крайнем случае, в смежной комнате, – а значит, и выход нужно искать в этих пределах. Полицейские добросовестно обследовали пол, стены и потолок. Ни одна потайная дверь не укрылась бы от их взгляда. Но, не полагаясь на них, я все проверил. Обе двери из комнат в коридор были надежно заперты изнутри. Обратимся к дымоходам. Хотя в нижней части, футов на восемь-десять от выхода в камин, они обычной ширины, но выше

настолько сужаются, что в них не пролезть и упитанной кошке. Итак, эти возможности бегства отпадают. Остаются окна. Окна в комнате на улицу в счет не идут, так как собравшаяся толпа увидела бы беглецов. Следовательно, убийцы должны были скрыться через окна спальни. Придя к такому логическому выводу, мы, как разумные люди, не должны отказаться от него на том основании, что это, мол, явно невозможно. Наоборот, мы постараемся доказать, что «невозможность» здесь не явная, а мнимая.

В спальне два окна. Одно из них ничем не заставлено и видно сверху донизу. Другое снизу закрыто спинкой громоздкой кровати. Первое окно закреплено изнутри. Все усилия поднять его оказались безуспешными. Слева в оконной раме проделано отверстие, и в нем глубоко, чуть ли не по самую шляпку, сидит большой гвоздь. Когда обратились к другому окну, то и там в раме нашли такой же гвоздь. И это окно тоже не поддавалось попыткам открыть его. Указанные обстоятельства убедили полицию, что преступники не могли бежать этим путем. А положившись на это, полицейские не сочли нужным вытащить оба гвоздя и открыть окна.

Я не ограничился поверхностным осмотром, я уже объяснил вам почему. Ведь мне надлежало доказать, что «невозможность» здесь не явная, а мнимая.

Я стал рассуждать *a posteriori*⁴⁵. Убийцы, несомненно, бежали в одно из этих окон. Но тогда они не могли бы снова закрепить раму изнутри, а ведь окна оказались наглухо запертыми, и это соображение своей очевидностью давило на полицейских и пресекало их поиски в этом направлении. Да, окна были заперты. Значит, они запираются автоматически. Такое решение напрашивалось само собой. Я подошел к свободному окну, с трудом вытащил гвоздь и попробовал поднять раму. Как я и думал, она не поддалась. Тут я понял, что где-то есть потайная пружина. Такая догадка, по крайней мере, оставляла в силе мое исходное положение, как ни загадочно обстояло дело с гвоздями. При внимательном осмотре я действительно обнаружил скрытую пружину. Я нажал на нее и, удовлетворюсь этой находкой, не стал поднимать раму.

Я снова вставил гвоздь в отверстие и стал внимательно его разглядывать. Человек, вылезший в окно, может снаружи опустить раму, и затвор сам собой защелкнется – но ведь гвоздь сам по себе на место не станет. Отсюда напрашивался вывод, еще более ограничивший поле моих изысканий. Убийцы должны были бежать через другое окно. Но если, как и следовало ожидать, затвор в обоих окнах одинаковый, то разница должна быть в гвозде или, по крайней мере, в том, как он вставляется на место. Забравшись на матрац и перегнувшись через спинку кровати, я тщательно осмотрел раму второго окна; потом, просунув руку, нащупал и нажал пружину, во всех отношениях схожую с соседкой. Затем я занялся гвоздем. Он был такой же крепыш, как его товарищ, и тоже входил в отверстие чуть ли не по самую шляпку.

Вы, конечно, решите, что я был озадачен. Плохо же вы себе представляете индуктивный метод мышления – умозаключение от факта к его причине. Выражаясь языком спортсменов, я бил по мячу без промаха. Я шел по верному следу. В цепочке моих рассуждений не было ни одного порочного звена, я проследил ее всю до конечной точки – и этой точкой оказался гвоздь. Я уже говорил, что он во всем походил на своего собрата в соседнем окне, но что значил этот довод (при всей его убедительности) по сравнению с моей уверенностью, что именно к этой конечной точке и ведет путеводная нить. «Значит, гвоздь не в порядке», – подумал я. И действительно, чуть я до него дотронулся, как шляпка вместе с обломком шпильки осталась у меня в руке. Большая часть гвоздя продолжала сидеть в отверстии, где он, должно быть, и сломался. Излом был старый; об этом говорила покрывавшая его ржавчина; я заметил также, что

⁴⁵ В обратном порядке (фр.).

молоток, вогнавший гвоздь, частично вогнал в раму края шляпки. Когда я аккуратно вставил обломок на место, получилось впечатление, будто гвоздь целый. Ни малейшей трещинки не было заметно. Нажав на пружинку, я приподнял окно. Вместе с рамой поднялась и шляпка, плотно сидевшая в отверстии. Я опустил окно, опять впечатление целого гвоздя.

Итак, в этой части загадка была разгадана: убийца бежал в окно, заставленное кроватью. Когда рама опускалась – сама по себе или с чьей-нибудь помощью, – пружина закрепляла ее на месте; полицейские же действие пружины приняли за действие гвоздя и отказались от дальнейших расследований.

Встает вопрос, как преступник спустился вниз. Тут меня вполне удовлетворила наша с вами прогулка вокруг дома. Футах в пяти с половиной от проема окна, о котором идет речь, проходит громоотвод. Добраться отсюда до окна, а тем более влезть в него нет никакой возможности. Однако я заметил, что ставни на пятом этаже принадлежат к разряду *ferrades*, как называют их парижские плотники; они давно вышли из моды, но вы еще частенько встретите их в старых особняках где-нибудь в Лионе или Бордо. Такой ставень напоминает обычную дверь – одностворчатую, – с той, однако, разницей, что верхняя половина у него сквозная, наподобие кованой решетки или шпалеры, за нее удобно ухватиться руками. Ставни в доме мадам Л'Эспанэ шириной в три с половиной фута. Когда мы увидели их с задворок, они были полуоткрыты, то есть стояли под прямым углом к стене. Полицейские, как и я, возможно, осматривали дом с тылу. Но, увидев ставни в поперечном разрезе, не заметили их необычайной ширины, во всяком случае – не обратили должного внимания. Уверенные, что преступники не могли ускользнуть таким путем, они, естественно, ограничились беглым осмотром окон. Мне же сразу стало ясно, что, если до конца распахнуть ставень над изголовьем кровати, он окажется не более чем в двух футах от громоотвода. При исключительной смелости и ловкости вполне можно перебраться с громоотвода в окно. Протянув руку фута на два с половиной (при условии, что ставень открыт настежь), грабитель мог ухватиться за решетку. Отпустив затем громоотвод и упершись в стену ногами, он мог с силой оттолкнуться и захлопнуть ставень, а там, если предположить, что окно открыто, махнуть через подоконник прямо в комнату.

Итак, запомните: речь идет о совершенно особой, из ряда вон выходящей ловкости, ибо только с ее помощью можно совершить столь рискованный акробатический номер. Я намерен вам доказать, во-первых, что такой прыжок возможен, а во-вторых, – и это главное, – хочу, чтобы вы представили себе, какое необычайное, почти сверхъестественное проворство требуется для такого прыжка.

Вы, конечно, скажете, что «в моих интересах», как выражаются адвокаты, скорее скрыть, чем признать в полной мере, какая здесь нужна ловкость. Но если таковы нравы юристов, то не таково обыкновение разума. Истина – вот моя конечная цель. Ближайшая же моя задача в том, чтобы вызвать в вашем сознании следующее сопоставление: с одной стороны, изумительная ловкость, о какой я уже говорил; с другой – крайне своеобразный, пронзительный, а по другой версии – резкий голос, относительно национальной принадлежности которого мнения расходятся; и при этом невнятное лопотание, в котором нельзя различить ни одного членораздельного слога...

Под влиянием этих слов какая-то смутная догадка забрезжила в моем мозгу. Казалось, еще усилие, и я схвачу мысль Дюпена: так иной тщетно напрягает память, стараясь что-то вспомнить. Мой друг между тем продолжал:

– Заметьте, от вопроса, как грабитель скрылся, я свернул на то, как он проник в помещение. Я хотел показать вам, что то и другое произошло в одном и том же месте и одинаковым образом. А теперь вернемся к помещению. Что мы здесь застали? Из

ящиков комода, где и сейчас лежат носильные вещи, многое, как нас уверяют, было похищено. Ну не абсурд ли? Предположение, явно взятое с потолка и не сказать чтобы умное. Почему знать, может быть, в комод и не было ничего, кроме найденных вещей? Мадам Л'Эспанэ и ее дочь жили затворницами, никого не принимали и мало где бывали, – зачем же им, казалось бы, нужен был богатый гардероб? Найденные платья по своему качеству явно не худшие из того, что могли носить эти дамы. И если грабитель польстился на женские платья, то почему он оставил как раз лучшие, почему наконец не захватил все? А главное, почему ради каких-то тряпок отказался от четырех тысяч золотых?

А ведь денег-то он и не взял. Чуть ли не все золото, о котором сообщил мосье Миньо, осталось в целости и валялось в мешочках на полу. А потому выбросьте из головы всякую мысль о побудительных мотивах – дурацкую мысль, возникшую в голове у полицейских под влиянием той части показаний, которая говорит о золоте, доставленном на дом. Совпадения вдесятеро более разительные, чем доставка денег на дом и последовавшее спустя три дня убийство получателя, происходят ежечасно у нас на глазах, а мы их даже не замечаем. Совпадения – это обычно величайший подвох для известного сорта мыслителей, и слыхом не слыхавших ни о какой теории вероятности, – а ведь именно этой теории обязаны наши важнейшие отрасли знания наиболее славными своими открытиями. Разумеется, если бы денег недосчитались, тот факт, что их принесли чуть ли не накануне убийства, означал бы нечто большее, чем простое совпадение. С полным правом возник бы вопрос о побудительных мотивах. В данном же случае счастье мотивом преступления деньги означало бы прийти к выводу, что преступник – совершеннейшая разиня и болван, ибо о деньгах, а значит, о своем побудительном мотиве, он как раз и позабыл.

А теперь, твердо помня о трех обстоятельствах, на которые я обратил ваше внимание, – своеобразный голос, необычайная ловкость и поражающее отсутствие мотивов в таком исключительном по своей жестокости убийстве, – обратимся к самой картине преступления. Вот жертва, которую задушили голыми руками, а потом вверх ногами засунули в дымоход. Обычные преступники так не убивают. И уж, во всяком случае, не прячут таким образом трупы своих жертв. Представьте себе, как мертвое тело заталкивали в трубу, и вы согласитесь, что в этом есть что-то чудовищное, что-то несовместимое с нашими представлениями о человеческих поступках, даже считая, что здесь орудовало последнее отребье. Представьте также, какая требуется невероятная сила, чтобы затолкнуть тело в трубу – снизу вверх, когда лишь совместными усилиями нескольких человек удалось извлечь его оттуда сверху вниз...

И, наконец, другие проявления этой страшной силы! На каминной решетке были найдены космы волос, необыкновенно густых седых волос. Они были вырваны с корнем. Вы знаете, какая нужна сила, чтобы вырвать сразу даже двадцать – тридцать волосков! Вы, так же как и я, видели эти космы. На корнях – страшно сказать! – запеклись окровавленные клочки мяса, содранные со скальпа, – красноречивое свидетельство того, каких усилий стоило вырвать одним махом до полумиллиона волос. Горло старухи было не просто перерезано – голова начисто отделена от шеи; а ведь орудием убийце послужила простая бритва. Вдумайтесь также в звериную жестокость этих злодеяний. Я не говорю уже о синяках на теле мадам Л'Эспанэ. Мосье Дюма и его достойный коллега мосье Этьенн считают, что побои нанесены каким-то тупым орудием, – и в этом почтенные эскулапы⁴⁶ не ошиблись. Тупым орудием в данном случае явилась булыжная мостовая, куда тело выбросили из окна, заставленного кроватью. Ведь это же проще простого! Но полицейские и это

⁴⁶ Эскулап – в римской мифологии бог врачевания. Соответствует греческому Асклепию. В переносном смысле (обычно в ироническом смысле) врач, медик.

проморгали, как проморгали ширину ставней, ибо в их герметически закупоренных мозгах не могла возникнуть мысль, что окна все же отворяются.

Если присоединить к этому картину хаотического беспорядка в спальне, вам останется только сопоставить невероятную прыть, сверхчеловеческую силу, лютую кровожадность и чудовищную жестокость, превосходящую всякое понимание, с голосом и интонациями, которые кажутся чуждыми представителям самых различных национальностей, а также с речью, лишенной всякой членораздельности. Какой же напрашивается вывод? Какой образ возникает перед вами?

Меня прямо-таки в жар бросило от этого вопроса.

– Безумец, совершивший это злодеяние, – сказал я, – бесноватый маньяк, сбежавший из ближайшего сумасшедшего дома.

– Что ж, не так плохо, – одобрительно заметил Дюпен, – в вашем предположении кое-что есть. И все же выкрики сумасшедшего, даже в припадке неукротимого буйства, не отвечают описанию того своеобразного голоса, который слышали поднимавшиеся по лестнице. У сумасшедшего есть все же национальность, есть родной язык, а речи его, хоть и темны по смыслу, звучат членораздельно. К тому же и волосы сумасшедшего не похожи на эти у меня в руке. Я едва вытащил их из судорожно сжатых пальцев мадам Л'Эспанэ. Что вы о них скажете?

– Дюпен, – воскликнул я, вконец обескураженный, – это более чем странные волосы – они не принадлежат человеку!

– Я этого и не утверждаю, – возразил Дюпен. – Но прежде чем прийти к какому-нибудь выводу, взгляните на рисунок на этом листке. Я точно воспроизвел здесь то, что частью показаний определяется как «темные кровоподтеки и следы ногтей» на шее у мадемуазель Л'Эспанэ, а в заключении господ Дюма и Этьенна фигурирует как «ряд сине-багровых пятен – по-видимому, отпечатки пальцев».

– Рисунок, как вы можете судить, – продолжал мой друг, кладя перед собой на стол листок бумаги, – дает представление о крепкой и цепкой хватке. Эти пальцы держали намертво. Каждый из них сохранял, очевидно, до последнего дыхания жертвы ту чудовищную силу, с какой он впился в живое тело. А теперь попробуйте одновременно вложить пальцы обеих рук в изображенные здесь отпечатки.

Тщетные попытки! Мои пальцы не совпадали с отпечатками.

– Нет, постойте, сделаем уж все как следует, – остановил меня Дюпен. – Листок лежит на плоской поверхности, а человеческая шея округлой формы. Вот полence примерно такого же радиуса, как шея. Наложите на него рисунок и попробуйте еще раз. Я повиновался, но стало не легче, а труднее.

– Похоже, – сказал я наконец, – что это отпечаток не человеческой руки.

– А теперь, – сказал Дюпен, – прочтите этот абзац из Кювье⁴⁷. То было подробное анатомическое и общее описание исполинского бурого орангутанга, который водится на Ост-Индских островах. Огромный рост, невероятная сила и ловкость, неукротимая злоба и необычайная способность к подражанию у этих млекопитающих общеизвестны.

– Описание пальцев, – сказал я, закончив чтение, – в точности совпадает с тем, что мы видим на вашем рисунке. Теперь я понимаю, что только описанный здесь орангутанг мог оставить эти отпечатки. Шерстинки ржаво-бурого цвета подтверждают сходство. Однако как объяснить все обстоятельства катастрофы? Ведь свидетели слышали два голоса, и один из них бесспорно принадлежал французу.

– Совершенно справедливо! И вам, конечно, запомнилось восклицание, которое чуть ли не все приписывают французу: «mon Dieu!» Восклицание это, применительно к

данному случаю, было удачно истолковано одним из свидетелей (Монтани, владельцем магазина) как выражение протеста или недовольства. На этих двух словах и основаны мои надежды полностью решить эту загадку. Какой-то француз был очевидцем убийства. Возможно, и даже вероятно, что он не причастен к зверской расправе. Обезьяна, должно быть, сбежала от него. Француз, должно быть, выследил ее до места преступления. Поймать ее при всем том, что здесь разыгралось, он, конечно, был бессилён. Обезьяна и сейчас на свободе. Не стану распространяться о своих догадках, ибо это всего лишь догадки, и те зыбкие соображения, на которых они основаны, столь легковесны, что недостаточно убеждают даже меня и тем более не убедят других. Итак, назовем это догадками и будем соответственно их расценивать. Но если наш француз, как я предполагаю, не причастен к убийству, то объявление, которое я по дороге сдал в редакцию «Монд» – газеты, представляющей интересы нашего судоходства и очень популярной среди моряков, – это объявление наверняка приведет его сюда. Дюпен вручил мне газетный лист. Я прочел:

«Пойман в Булонском лесу⁴⁸ – ранним утром – такого-то числа сего месяца (в утро, когда произошло убийство) огромных размеров бурый орангутанг, разновидности, встречающейся на острове Борнео. Будет возвращен владельцу (по слухам, матросу мальтийского судна) при условии удостоверения им своих прав и возмещения расходов, связанных с поимкой и содержанием животного. Обращаться по адресу: дом N... на улице... в Сен-Жерменском предместье; справиться на пятом этаже».

– Как же вы узнали, – спросил я, – что человек этот матрос с мальтийского корабля?

– Я этого не наю, – возразил Дюпен. – И далеко не уверен в этом. Но вот обрывок ленты, посмотрите, как она засалена, да и с виду напоминает те, какими матросы завязывают волосы, – вы знаете эти излюбленные моряками queues⁴⁹. К тому же таким узлом мог завязать ее только моряк, скорее всего мальтиец. Я нашел эту ленту под громоотводом. Вряд ли она принадлежала одной из убитых женщин. Но даже если я ошибаюсь и хозяин ленты не мальтийский моряк, то нет большой беды в том, что я сослался на это в своем объявлении. Если я ошибся, матрос подумает, что кто-то ввел меня в заблуждение, и особенно задумываться тут не станет. Если же я прав – это козырь в моих руках. Как очевидец, хоть и не соучастник убийства, француз, конечно, не раз подумает, прежде чем пойдет по объявлению. Вот как он станет рассуждать: «Я не виновен; к тому же человек я бедный; орангутанг и вообще-то в большой цене, а для меня это целое состояние, зачем же терять его из-за пустой мнительности. Вот он рядом, только руку протянуть. Его нашли в Булонском лесу, далеко от места, где произошло убийство. Никому и в голову не придет, что такие страсти мог натворить дикий зверь. Полиции ввек не догадаться, как это случилось. Но хотя бы обезьяну и выследили – попробуй докажи, что я что-то знаю; а хоть бы и знал, я не виноват. Главное, кому-то я уже известен. В объявлении меня так и называют владельцем этой твари. Кто знает, что этому человеку еще про меня порассказали. Если я не приду за моей собственностью, а ведь она больших денег стоит, да известно, что хозяин – я, на обезьяну падет подозрение. А мне ни к чему навлекать подозрение что на себя, что на эту бестию. Лучше уж явлюсь по объявлению, заберу орангутанга и спрячу, пока все не порастет травой».

На лестнице послышались шаги.

– Держите пистолеты наготове, – предупредил меня Дюпен, – только не показывайте и не стреляйте – ждите сигнала.

⁴⁸ Булонский лес – изначально королевский лес на окраине Парижа, позднее место прогулки парижан, парк в 850 гектаров.

⁴⁹ Здесь: косицы; буквально: хвосты (фр.).

Парадное внизу было открыто; посетитель вошел, не позвонив, и стал подниматься по ступенькам. Однако он, должно быть, колебался, с минуту постоял на месте и начал спускаться вниз. Дюпен бросился к двери, но тут мы услышали, что незнакомец опять поднимается. Больше он не делал попыток повернуть. Мы слышали, как он решительно топает по лестнице, затем в дверь постучали.

– Войдите! – весело и приветливо отозвался Дюпен.

Вошел мужчина, судя по всему матрос, – высокий, плотный, мускулистый, с таким видом, словно сам черт ему не брат, а в общем, приятный малый. Лихие бачки и *mustachio*⁵⁰ больше чем наполовину скрывали его загорелое лицо. Он держал в руке увесистую дубинку, по-видимому, единственное свое оружие. Матрос неловко поклонился и пожелал нам доброго вечера; говорил он по-французски чисто, разве что с легким невшательским акцентом; но по всему было видно, что это коренной парижанин.

– Садитесь, приятель, – приветствовал его Дюпен. – Вы, конечно, за орангутангом? По правде говоря, вам позавидуешь: великолепный экземпляр, и, должно быть, ценный. Сколько ему лет, как вы считаете?

Матрос вздохнул с облегчением. Видно, у него гора свалилась с плеч.

– Вот уж не знаю, – ответил он развязным тоном. – Годика четыре-пять – не больше. Он здесь, в доме?

– Где там, у нас не нашлось такого помещения. Мы сдали его на извозничий двор на улице Дюбур, совсем рядом. Приходите за ним завтра. Вам, конечно, нетрудно будет удостоверить свои права?

– За этим дело не станет, мосье!

– Прямо жалко расстаться с ним, – продолжал Дюпен.

– Не думайте, мосье, что вы хлопотали задаром, – заверил его матрос. – У меня тоже совесть есть. Я охотно уплачу вам за труды, по силе возможности, конечно. Столкнемся!

– Что ж, – сказал мой друг, – очень порядочно с вашей стороны. Дайте-ка я соображу, сколько с вас взять. А впрочем, не нужно мне денег; расскажите нам лучше, что вам известно об убийстве на улице Морг.

Последнее он сказал негромко, но очень спокойно. Так же спокойно подошел к двери, запер ее и положил ключ в карман; потом достал из бокового кармана пистолет и без шума и волнения положил на стол.

Лицо матроса побагровело, казалось, он борется с удушьем. Инстинктивно он вскочил и схватился за дубинку, но тут же рухнул на стул, дрожа всем телом, смертельно бледный. Он не произнес ни слова. Мне было от души его жаль.

– Зря пугаетесь, приятель, – успокоил его Дюпен. – Мы ничего плохого вам не сделаем, поверьте. Даю вам слово француза и порядочного человека: у нас самые добрые намерения. Мне хорошо известно, что вы не виновны в этих ужасах на улице Морг. Но не станете же вы утверждать, будто вы здесь совершенно ни при чем. Как видите, многое мне уже известно, при этом из источника, о котором вы не подозреваете. В общем, положение мне ясно. Вы не сделали ничего такого, в чем могли бы себя упрекнуть или за что вас можно было бы привлечь к ответу. Вы даже не польстились на чужие деньги, хоть это могло сойти вам с рук. Вам нечего скрывать, и у вас нет оснований скрываться. Однако совесть обязывает вас рассказать все, что вы знаете по этому делу. Арестован невинный человек; над ним тяготеет подозрение в убийстве, истинный виновник которого вам известен.

⁵⁰ Усы (итал.).

Слова Дюпена возымели действие: матрос овладел собой, но куда девалась его развязность!

– Будь что будет, – сказал он, помолчав. – Расскажу вам все, что знаю. И да поможет мне Бог! Вы, конечно, не поверите – я был бы дураком, если б надеялся, что вы мне поверите. Но все равно моей вины тут нет! И пусть меня казнят, а я расскажу вам все как на духу.

Рассказ его, в общем, свелся к следующему. Недавно пришлось ему побывать на островах Индонезийского архипелага. С компанией моряков он высадился на Борнео и отправился на прогулку в глубь острова. Им с товарищем удалось поймать орангутанга. Компаньон вскоре умер и единственным владельцем обезьяны оказался матрос. Чего только не натерпелся он на обратном пути из-за свирепого нрава обезьяны, пока не доставил ее домой в Париж и не посадил под замок, опасаясь назойливого любопытства соседей, а также в ожидании, чтобы у орангутанга зажила нога, которую он занозил на пароходе. Матрос рассчитывал выгодно его продать.

Вернувшись недавно домой с веселой пирушки, – это было в ту ночь, вернее, в то утро, когда произошло убийство, – он застал орангутанга у себя в спальне. Оказалось, что пленник сломал перегородку в смежном чулане, куда его засадили для верности, чтобы не убежал. Вооружившись бритвой и намылившись по всем правилам, обезьяна сидела перед зеркалом и собиралась бриться в подражание хозяину, за которым не раз наблюдала в замочную скважину. Увидев опасное оружие в руках у свирепого хищника и зная, что тот сумеет им распорядиться, матрос в первую минуту растерялся. Однако он привык справляться со своим узником и с помощью бича укрощал даже самые буйные вспышки его ярости. Сейчас он тоже схватился за бич. Заметив это, орангутанг кинулся к двери и вниз по лестнице, где было, по несчастью, открыто окно, – а там на улицу.

Француз в ужасе побежал за ним. Обезьяна, не бросая бритвы, то и дело останавливалась, корчила рожи своему преследователю и, подпустив совсем близко, снова от него убегала. Долго гнался он за ней. Было около трех часов утра, на улицах стояла мертвая тишина. В переулке позади улицы Морг внимание беглянки привлек свет, мерцавший в окне спальни мадам Л'Эспанэ, на пятом этаже ее дома. Подбежав ближе и увидев громоотвод, обезьяна с непостижимой быстротой вскарабкалась наверх, схватилась за открытый настежь ставень и с его помощью перемахнула на спинку кровати. Весь этот акробатический номер не потребовал и минуты. Оказавшись в комнате, обезьяна опять пинком распахнула ставень.

Матрос не знал, радоваться или горевать. Он вознадеялся вернуть беглянку, угодившую в ловушку, бежать она могла только по громоотводу, а тут ему легко было ее поймать. Но как бы она чего не натворила в доме! Последнее соображение перевесило и заставило его последовать за своей питомицей. Вскарabкаться по громоотводу не представляет труда, особенно для матроса, но поравнявшись с окном, которое приходилось слева, в отдалении, он вынужден был остановиться. Единственное, что он мог сделать, это, дотянувшись до ставня, заглянуть в окно. От ужаса он чуть не свалился вниз. В эту минуту и раздались душераздирающие крики, всполошившие обитателей улицы Морг.

Мадам Л'Эспанэ и ее дочь, обе в ночных одеяниях, очевидно, разбирали бумаги в упомянутой железной укладке, выдвинутой на середину комнаты. Сундучок был раскрыт, его содержимое лежало на полу рядом. Обе женщины, должно быть, сидели спиной к окну и не сразу увидели ночного гостя. Судя по тому, что между его появлением и их криками прошло некоторое время, они, очевидно, решили, что ставнем хлопнул ветер.

Когда матрос заглянул в комнату, огромный орангутанг держал мадам Л'Эспанэ за волосы, распущенные по плечам (она расчесывала их на ночь), и, в подражание парикмахеру, поигрывал бритвой перед самым ее носом. Дочь лежала на полу без движения, в глубоком обмороке. Крики и сопротивление старухи, стоившие ей вырванных волос, изменили, быть может, и мирные поначалу намерения орангутанга, разбудив в нем ярость. Сильным взмахом мускулистой руки он чуть не снес ей голову. При виде крови гнев зверя перешел в неистовство. Глаза его пылали, как раскаленные угли. Скрежеща зубами, набросился он на девушку, вцепился ей страшными когтями в горло и душил, пока та не испустила дух. Озираясь в бешенстве, обезьяна увидела маячившее в глубине над изголовьем кровати помертвелое от ужаса лицо хозяина. Остервенение зверя, видимо не забывшего о грозном хлысте, мгновенно сменилось страхом. Чувствуя себя виноватым и боясь наказания, орангутанг, верно, решил скрыть свои кровавые проделки и панически заметался по комнате, ломая и опрокидывая мебель, сбрасывая с кровати подушки и одеяла. Наконец он схватил труп девушки и затолкал его в дымоход камина, где его потом и обнаружили, а труп старухи не долго думая швырнул за окно.

Когда обезьяна со своей истерзанной ношей показалась в окне, матрос так и обмер и не столько спустился, сколько съехал вниз по громоотводу и бросился бежать домой, страшась последствий кровавой бойни и отложив до лучших времен попечение о дальнейшей судьбе своей питомицы. Испуганные восклицания потрясенного француза и злобное бормотание разъяренной твари и были теми голосами, которые слышали поднимавшиеся по лестнице люди.

Вот, пожалуй, и все. Еще до того, как взломали дверь, орангутанг, по-видимому, бежал из старухиной спальни по громоотводу. Должно быть, он и опустил за собой окно.

Спустя некоторое время сам хозяин поймал его и за большие деньги продал в *Gardine des Plantes*⁵¹. Лебона сразу же освободили, как только мы с Дюпенем явились к префекту и обо всем ему рассказали (Дюпен не удержался и от кое-каких комментариев). При всей благосклонности к моему другу, сей чинуша не скрыл своего разочарования по случаю такого конфуза и даже отпустил в наш адрес две-три шпильки насчет того, что не худо бы каждому заниматься своим делом.

– Пусть ворчит, – сказал мне потом Дюпен, не удостоивший префекта ответом. – Пусть утешается. Надо же человеку душу отвести. С меня довольно того, что я побил противника на его территории. Впрочем, напрасно наш префект удивляется, что загадка ему не далась. По правде сказать, он слишком хитер, чтобы смотреть в корень. Вся его наука сплошное верхоглядство. У нее одна лишь голова, без тела, как изображают богиню Лаверну⁵² или в лучшем случае – голова и плечи, как у трески. Но что ни говори, он добрый малый; в особенности восхищает меня та ловкость, которая стяжала ему репутацию великого умника. Я говорю о его манере «*de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas*»⁵³.

⁵¹ Ботанический сад (фр.).

⁵² Богиня Лаверна – покровительница воров в Риме.

⁵³ Отрицать то, что есть, и распространяться о том, чего не существует (фр.).

Артур Конан Дойл

Союз рыжих

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон, – приветливо проговорил он.

– Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

– Да, я занят. И даже очень.

– Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

– Нет, нет... Мистер Уилсон, – сказал он, обращаясь к толстяку, – этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

– Садитесь сюда, на диван, – сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

– Я знаю, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения... причем по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

– Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными, – возразил я.

– Не далее, как вчера, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

– Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

– И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Обстановка, где она произошла, совершенно заурядная и будничная, а между тем мне сдается, что за всю свою жизнь я не слышал более чудесной истории... Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал рассказ с начала до конца, но и для того, чтобы мне самому не упустить ни малейшей подробности. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти. Но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего я никогда не слышал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он,

вытянув шею, пробежал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его и пытался, подражая Шерлоку Холмсу, угадать по его одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель – самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Брюки у него были мешковатые, серые, в клетку. Его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Его поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От пронизательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие.

– Конечно, для всякого ясно, – сказал он с улыбкой, – что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон⁵⁴, что он был в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не мог отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон вскочил с кресла и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

– Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? – спросил он. – Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начал свою карьеру корабельным плотником.

– Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая рука больше левой. Вы работали ею, и мускулы на ней сильнее развиты.

– А нюханье табаку? А франкмасонство?

– О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы, вопреки строгому уставу вашего общества, носите запонку с изображением дуги и окружности⁵⁵.

– Ах да! Я и забыл про нее... Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

– О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

– А Китай?

– Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать о них научные статьи. Обычай окрашивать рыбу чешую нежно-розовым цветом свойствен одному лишь Китаю. Увидев китайскую монетку на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

– Вот оно что! – сказал он. – Я сначала подумал, что вы Бог знает какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

– Я думаю, Уотсон, – сказал Холмс, – что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «*Omne ignotum pro magnifico*»⁵⁶, и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен... Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

⁵⁴ Франкмасон – (от фр. *franc-maçon* – вольный каменщик, сокр. – масон) – член тайного религиозно-философского общества.

⁵⁵ Дуга и окружность – масонские знаки. Прежде они были тайными, но современные масоны, нарушая старинный устав, нередко носят их на брелоках и запонках.

⁵⁶ «Все неведомое кажется нам великолепным» (лат.).

– Нашел, – ответил тот, держа толстый красный палец в центре газетного столбца.
– Вот оно. С этого все и началось. Прочтите его сами, сэр.

Я взял газету и прочел:

СОЮЗ РЫЖИХ во исполнение завещания покойного Иезекиин Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США).

ОТКРЫТА новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалование четыре фунта стерлингов в неделю за чисто номинальную работу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флитстрит, Попс-корт, 7.

– Что это, черт побери, может означать? – воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовольствие.

– Не слишком заурядное объявление, как по-вашему, а? – сказал он. – Ну, мистер Уилсон, продолжайте вашу повесть и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

– «Утренняя хроника». 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

– Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

– Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс, – сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб, – у меня есть маленькая ссудная касса на Сэкс-Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов с него хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двух помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье, чтобы иметь возможность изучить мое дело.

– Как зовут этого услужливого юношу? – спросил Шерлок Холмс.

– Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы обойтись без меня и зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем же я стану внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

– В самом деле, зачем? Вам, я вижу, очень повезло: у вас есть помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встречаются в наше время такие бескорыстные служащие.

– О, у моего помощника есть свои недостатки! – сказал мистер Уилсон. – Я никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. Но в остальном он хороший работник.

– Надеюсь, он и теперь еще служит у вас?

– Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого у меня нет, я вдовец и к тому же бездетный. Мы трое живем очень тихо, сэр, поддерживаем огонь в очаге и платим по счетам – вот и все наши заслуги... Это объявление выбило нас из колеи, – продолжал мистер Уилсон. – Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того Дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал:

«Хотел бы я, мистер Уилсон, чтобы господь создал меня рыжим».

«Почему?» – спрашиваю я.

«Да вот, – говорит он, – открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тому, кто займет ее, она даст недурные доходы. Там, похоже, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают себе голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, я непременно воспользовался бы этим выгодным местом».

«Что это за Союз рыжих?» – спросил я. – Видите ли, мистер Холмс, я большой домосед, и так как мне не приходится бегать за клиентами, клиенты сами приходят ко мне, я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад услышать что-нибудь новенькое...

«Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих?» – спросил Сполдинг, широко раскрыв глаза.

«Никогда».

«Это очень меня удивляет, так как вы один из тех, что имеет право занять вакансию».

«А много ли это может дать?» – спросил я.

«Около двухсот фунтов стерлингов в год, не больше, но работа пустяковая и притом такая, что не мешает человеку заниматься любым другим делом».

«Расскажите мне все, что вы знаете об этом Союзе», – сказал я.

«Как вы видите сами, – ответил Сполдинг, показывая мне объявление, – в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за справкой, если хотите узнать все подробности».

Насколько мне известно, этот Союз был основан американским миллионером Иезекией Хопкинсом, большим чудачком. Он сам был огненно-рыжий и сочувствовал всем рыжим на свете. Умирая, он оставил своим душеприказчикам огромную сумму и завещал употребить ее на облегчение участи тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Мне говорили, что этим счастливым платят превосходное жалованье, а работы не требуют с них почти никакой».

«Но ведь рыжих миллионы, – сказал я, – и каждый пожелает занять это вакантное место».

«Не так много, как вам кажется, – ответил он. – Объявление, как видите, обращено только к лондонцам и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал, в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие, – там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, вам нужно только пройти до конторы Союза рыжих. Но имеет ли для вас смысл отвлекаться от вашего основного занятия ради нескольких сот фунтов?..»

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, у меня настоящие ярко-рыжие волосы огненно-красного оттенка, и мне казалось, что, если дело дойдет до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс занять освободившуюся вакансию. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог принести мне большую пользу, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и велел ему сопровождать меня в помещение Союза. Он очень обрадовался, что сегодня ему не придется работать, и мы, закрыв контору, отправились по адресу, указанному в объявлении.

Я увидел зрелище, мистер Холмс, какого мне никогда больше не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада все люди, в волосах которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета, устремились в Сити. Вся Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами.

Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Здесь были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, оттенок ирландских сеттеров, оттенок желчи, оттенки глины; но, как и указал Сполдинг, голов настоящего – живого, яркого, огненного цвета тут было очень немного. Все же, увидев такую толпу, я пришел в отчаяние.

Сполдинг не растерялся. Не знаю, как это ему удалось, но он проталкивался и протискивался с таким усердием, что сумел провести меня сквозь толпу, и мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе...

– Замечательно интересная с вами случилась история! – сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой⁵⁷ табаку. – Пожалуйста, продолжайте.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из кандидатов; по мере того как они подходили к столу, и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда мы, в свою очередь, подошли к столу, маленький человечек встретил меня гораздо приветливее, чем остальных кандидатов, и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

«Это мистер Джабез Уилсон, – сказал мой помощник; – Он хотел бы занять вакансию в Союзе».

«И он вполне достоин того, чтобы занять ее, – ответил человечек. – Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!»

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

«Было бы несправедливостью с моей стороны медлить, – сказал он. – Однако, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности». Он вцепился в мои волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

«У вас на глазах слезы, – сказал он, отпуская меня. – Значит, все в порядке. Извините, нам приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз – с помощью краски. Я мог бы рассказать вам о таких бесчестных проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям».

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия уже занята. Стон разочарования донесся снизу, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро во всей этой местности не осталось ни одного рыжего, кроме меня и того человека, который меня нанимал.

«Меня зовут мистер Дункан Росс, – сказал он, – и я тоже получаю пенсию из того фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что я бездетный вдовец. На лице у него появилось выражение скорби.

«Боже мой! – мрачно сказал он. – Да ведь это серьезнейшее препятствие! Как мне грустно, что вы не женаты! Фонд был создан для размножения и распространения рыжих, а не только для поддержания их жизни. Какое несчастье, что вы оказались холостяком!»

⁵⁷ Понюшка – щепотка нюхательного табаку на один прием.

При этих словах мое лицо вытянулось, мистер Холмс, так как я стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав, он заявил, что все обойдется:

«Ради всякого другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Это несколько затруднительно, так как я занят в другом деле», – сказал я.

«Не беспокойтесь об этом, мистер Уилсон! – сказал Винсент Сполдинг. – С той работой я справлюсь и без вас».

«В какие часы я буду занят?» – спросил я.

«От десяти до двух».

Так как в ссудных кассах главная работа происходит по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я решил, что недурно будет заработать кое-что в утренние часы. Тем более, что помощник мой – человек надежный и вполне может меня заменить, если нужно.

«Эти часы мне подходят, – сказал я. – А какое вы платите жалованье?»

«Четыре фунта в неделю».

«А в чем заключается работа?».

«Работа чисто номинальная».

«Что вы называете чисто номинальной работой?»

«Все назначенное для работы время вам придется находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где помещается наша контора. Если вы хоть раз уйдете в рабочие часы, вы потеряете службу навсегда. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Будет считаться, что вы не исполнили наших требований, если вы хоть раз покинете контору в часы работы».

«Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет покидать контору», – сказал я.

«Это очень важно, – настаивал мистер Дункан Росс. – Потом мы никаких извинений и слушать не станем. Никакие болезни, никакие дела не будут служить оправданием. Вы должны находиться в конторе – или вы теряете службу».

«А в чем все-таки заключается работа?»

«Вам придется переписывать «Британскую энциклопедию». Первый том – в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достанете сами; мы же даем вам стол и стул. Можете ли вы приступить к работе завтра?»

«Конечно», – ответил я.

«В таком случае, до свиданья, мистер Джабез Уилсон. Позвольте мне еще раз поздравить вас с тем, что вам удалось получить такое хорошее место».

Он кивнул мне. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, радуясь своей необыкновенной удаче. Весь день я размышлял об этом происшествии и к вечеру несколько упал духом, так как мне стало казаться, что все это дело – просто мошенничество, хотя мне никак не удавалось отгадать, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось невероятным, что существует такое завещание и что люди согласны платить такие большие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром мне пришло в голову, что следует хотя бы сходить туда на всякий случай. Купив на пенни⁵⁸ чернил, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался.

⁵⁸ Пенни (англ. *penny*) – британская разменная монета.

Стол был уже приготовлен для моей работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел; однако время от времени он возвращался в контору, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалил меня за то, что я успел так много переписать, и запер за мной дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мой хозяин выложил передо мной на стол четыре золотых соверена⁵⁹ – плату за неделю. Так прошла и вторая неделя и третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и ровно в два уходил. Мало-помалу мистер Дункан Росс начал заходить в контору только по утрам, а со временем и вовсе перестал туда наведываться.

Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как не мог быть уверен, что он не придет, и не хотел рисковать такой выгодной службой.

Прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени перейти к букве «Б». У меня ушло очень много бумаги, и написанное мною уже едва помещалось на полке. Но вдруг все разом кончилось.

– Кончилось?

– Да, сэр. Сегодня утром. Я пошел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит гвоздиком клочок картона. Вот он, читайте сами.

Он протянул нам картон величиною с листок блокнота. На картоне было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН 9 ОКТЯБРЯ 1890 ГОДА

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали и краткую эту записку и унылое лицо Джабеза Уилсона; наконец смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное: не удержавшись, мы захохотали.

– Не вижу здесь ничего смешного! – крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней своих жгучих волос. – Если вы, вместо того чтобы помочь мне, собираетесь смеяться надо мной, я обращаюсь за помощью к кому-нибудь другому!

– Нет, нет! – воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло. – С вашим делом я не расстанусь ни за что на свете. Оно буквально освежает мне душу своей новизной. Но в нем, простите меня, все же есть что-то забавное... Что же предприняли вы, найдя эту записку на дверях?

– Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец, я отправился к хозяину дома, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слыхал о такой организации. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что это имя он слышит впервые.

«Я говорю, – сказал я, – о джентльмене, который снимал у вас квартиру номер четыре».

«О рыжем?»

«Да».

«Его зовут Уильям Моррис. Он юрист, снимал у меня помещение временно – его постоянная контора была в ремонте. Вчера выехал».

«Где его можно найти?»

«В его постоянной конторе. Он оставил свой адрес. Вот: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла».

⁵⁹ Соверен (англ. *sovereign*) – английская золотая монета. Впервые выпущена в 1489 году во времена короля Генриха VII (1485–1509) достоинством 1 фунт стерлингов (20 шиллингов). Названа по изображению короля на троне («суверена»).

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская; в ней никто никогда не слышал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– Что же вы предприняли тогда? – спросил Холмс.

– Я вернулся домой на Сэкс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Он ничем не мог мне помочь. Он сказал, что следует подождать и что, вероятно, мне сообщат что-нибудь по почте. Но меня это не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу уступать такое отличное место без боя, и, так как я слышал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, я отправился прямо к вам.

– И правильно поступили, – сказал Холмс. – Ваш случай – замечательный случай, и я счастлив, что имею возможность заняться им. Выслушав вас, я прихожу к заключению, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Уж чего серьезнее! – сказал мистер Джабез Уилсон. – Я лишился четырех фунтов в неделю.

– Если говорить о вас лично, – сказал Холмс, – вряд ли вы можете жаловаться на этот необычайный Союз. Напротив, вы, насколько я понимаю, стали благодаря ему богаче фунтов на тридцать, не говоря уже о том, что вы приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

– Не спорю, все это так, сэр. Но мне хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это была шутка. Забава обошлась им довольно дорого: они заплатили за нее тридцать два фунта.

– Мы попытаемся все это выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник... тот, что показал вам объявление?

– К тому времени он служил у меня около месяца.

– Где вы нашли его?

– Он явился ко мне по моему объявлению в газете.

– Только он один откликнулся на ваше объявление?

– Нет, откликнулось человек десять.

– Почему вы выбрали именно его?

– Потому что он разбитной и дешевый.

– Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?

– Да.

– Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?

– Маленький, коренастый, очень живой. Ни одного волоска на лице, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятнышко от ожога кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

– Я так и думал! – сказал он. – А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

– Заметил, сэр. Он объяснил мне, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был маленький.

– Гм! – произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. – Он до сих пор у вас?

– О да, сэр, я только что видел его.

– Он хорошо справлялся с вашими делами, когда вас не было дома?

– Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в моей ссудной кассе почти нечего делать.

– Довольно, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие сообщить вам, что я думаю об этом происшествии. Сегодня суббота... Надеюсь, в понедельник мы все уже будем знать.

– Ну, Уотсон, – сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, – что вы обо всем этом думаете?

– Ничего не думаю, – ответил я откровенно. – Дело это представляется мне совершенно таинственным.

– Общее правило таково, – сказал Холмс, – чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее всего разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем нужно покончить как можно скорее.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Эта задача как раз на три трубки, и я прошу вас минут десять не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я пришел к заключению, что он заснул, и сам уже начал дремать, как вдруг он вскочил с видом человека, принявшего твердое решение, и положил свою трубку на камин.

– Сарасате⁶⁰ играет сегодня в Сент-Джемс-холле, – сказал он. – Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

– Сегодня я свободен. Моя практика отнимает у меня не слишком много времени.

– В таком случае, надевайте шляпу и идем. Раньше всего мне нужно в Сити. Где-нибудь по дороге закусим.

Мы доехали в метро до Олдерсгэйта, оттуда прошли пешком до Сэкс-Кобург-сквер, где совершились все те события, о которых нам рассказывали утром. Сэкс-Кобург-сквер – маленькая сонная площадь с жалкими претензиями на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом. Три позолоченных шара и висящая на углу коричневая вывеска с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь находится предприятие нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью, устремил на нее глаза, ярко блестящие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, потом возвратился к углу, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стрэнд.

– Третий поворот направо, четвертый налево, – мгновенно ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

– Ловкий мальчик! – заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице. – Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

– Видимо, – сказал я, – помощник мистера Уилсона играет немалую роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– На что же?

– На его колени.

– И что вы увидели?

⁶⁰ Сарасате (1844–1908) – знаменитый испанский скрипач и композитор.

– То, что ожидал увидеть.

– А зачем вы стучали по камням мостовой?

– Милейший доктор, сейчас время для наблюдений, а не для разговоров. Мы – разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сэкс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с той стороны.

Разница между Сэкс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом проходила одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками вправо и влево, а на тротуарах чернели рои пешеходов. Глядя на ряды прекрасных магазинов и роскошных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится такая убогая, безлюдная площадь.

– Позвольте мне вдоволь насмотреться, – сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим. – Я хочу запомнить порядок зданий. Изучение Лондона – моя страсть... Сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, затем вегетарианский ресторан, затем каретное депо Макферлена. А там уже следующий квартал... Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного поразвлечься: бутерброд, чашка кофе и – в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой; он был не только очень способный исполнитель, но и незаурядный композитор. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке: его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов. Его удивительный характер слагался из двух начал.

Мне часто приходило в голову, что его потрясающая своей точностью пронизательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии. Мне хорошо было известно, с каким бездумным спокойствием отдавался он по вечерам своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним в Сент-Джемс-холле и видя, с какой полнотой душа его отдается музыке, я чувствовал, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

– Вы, доктор, собираетесь, конечно, идти домой, – сказал он, когда концерт кончился.

– Домой, понятно.

– А мне предстоит еще одно дело, которое отнимет у меня три-четыре часа. Это происшествие на Кобург-сквер – очень серьезная штука.

– Серьезная?

– Там готовится крупное преступление. У меня есть все основания думать, что мы еще успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Вечером мне может понадобиться ваша помощь.

– В котором часу?

– Часов в десять, не раньше.

– Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

– Отлично. Имейте в виду, доктор, что дело будет опасное. Суньте в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, я видел то же самое, что видел он, однако, судя по его словам, он знает и понимает не только то, что случилось, но и то, что случится, мне же все это дело по-прежнему представляется непонятной нелепостью.

По дороге домой я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сэкс-Кобург-сквер, я те зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Что означает эта ночная экспедиция и для чего нужно, чтобы я пришел вооруженным? Куда мы отправимся с ним и что предстоит нам делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник владельца ссудной кассы весьма опасный человек, способный на большие преступления.

Я изо всех сил пытался разгадать эти загадки, но ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя по Гайд-парку, по Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кэба, и, войдя в прихожую, я услышал шум голосов. Я застал у Холмса двух человек. Холмс оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал – это был Питер Джонс официальный агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

– А, вот мы и в сборе! – сказал Холмс, застегивая матросскую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью. – Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда? Позвольте вас представить мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер тоже примет участие в нашем ночном приключении.

– Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе, – сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом. – Наш друг – бесценный человек. Но в самом начале охоты ему нужна для преследования зверя помощь старого гончего пса.

– Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку, – угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

– Можете вполне положиться на мистера Холмса, сэр, – покровительственно проговорил агент полиции. – У него свои собственные любимые методы, которые, позволю себе заметить, несколько отвлеченны и фантастичны, но тем не менее дают отличные результаты. Нужно признать, что бывали случаи, когда он оказывался прав, а официальная полиция ошибалась.

– Раз уж вы так говорите, мистер Джонс, значит, все в порядке, – снисходительно сказал незнакомец. – И все же, признаться, мне жаль, что сегодня не придется сыграть мою обычную партию в роббер⁶¹. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

– В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх, – сказал Шерлок Холмс, – и самая игра увлекательнее. Ваша ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс, – человек, которого вы давно хотите поймать.

– Джон Клей – убийца, вор, взломщик и мошенник, – сказал Джонс. – Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но это искуснейший вор в стране: ни на кого другого я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Он замечательный человек, этот Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде⁶². Мозг его так же

⁶¹ Роббер – в карточных играх (вист, винт, бридж) круг игры, состоящий из трех отдельных партий.

⁶² В Итоне и Оксфорде находятся аристократические учебные заведения.

изошрен, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу натываемся на его следы, он до сих пор остается неуловимым. На этой неделе он обворует кого-нибудь в Шотландии, а на следующей он уже собирает деньги на постройку детского приюта в Коррнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

– Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два натываться на подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что он искуснейший вор в стране... Уже одиннадцатый час, и нам пора двигаться в путь. Вы двое поезжайте в первом кэбе, а мы с Уотсоном поедем во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел откинувшись и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечной путанице освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингдон-стрит.

– Теперь мы совсем близко, – сказал мой приятель. – Мерриуэзер – директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и цепок, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит... Мы приехали. Вот и они.

Мы снова остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер для нас. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий. В конце коридора были массивные железные двери. Открыв эти двери, мы спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, чтобы зажечь фонарь, и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном склепе или погребе, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

– Сверху проникнуть сюда не так-то легко, – заметит Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

– Снизу тоже, – сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол. – Черт побери, звук такой, будто там пустота! – воскликнул он с изумлением.

– Я вынужден просить вас не шуметь, – сердито сказал Холмс. – Из-за вас вся наша экспедиция может закончиться крахом. Будьте любезны, сядьте на один из этих ящиков и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

– У нас впереди по крайней мере час, – заметил он, – так как они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный владелец ссудной кассы заснет. А когда он заснет, они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они окончат работу, тем больше времени у них останется для бегства... Мы находимся, доктор, – как вы, без сомнения, уже догадались, – в подвалах отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер – председатель правления банка; он объяснит нам, что заставляет наиболее дерзких преступников именно в настоящее время с особым вниманием относиться к этим подвалам.

– Мы храним здесь наше французское золото, – шепотом сказал директор. – Мы уже имели ряд предупреждений, что будет совершена попытка похитить его.

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев назад нам понадобились дополнительные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров⁶³ у банка Франции. Но нам даже не пришлось распаковывать эти деньги, и они до сих пор лежат в наших подвалах. Корзина, на которой я сижу, содержит две тысячи наполеондоров, уложенных между листами свинцовой бумаги. Редко в одном отделении банка хранят столько золота, сколько хранится у нас в настоящее время. Каким-то образом это стало известно многим, и это заставляет директоров беспокоиться.

– У них есть все основания для беспокойства, – заметил Холмс. – Ну, нам пора подготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, закрыть этот фонарь чем-нибудь темным...

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, чтобы вы могли сыграть свою партию в роббер, так как нас здесь четверо. Но я вижу, что приготовления врага зашли очень далеко и что оставить здесь свет было бы рискованно. Кроме того, нам нужно поменяться местами. Они смелые люди и, хотя мы нападём на них внезапно, могут причинить нам немало вреда, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за теми. Когда я направлю на грабителей свет, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте в них без колебания.

Я положил свой заряженный револьвер на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ящиком. Холмс накрыл фонарь и оставил нас в полнейшей тьме. Запах нагретого металла напоминал нам, что фонарь не погашен и что свет готов вспыхнуть в любое мгновение. Мои нервы, напряженные от ожидания, были подавлены этой внезапной тьмой, этой холодной сыростью подземелья.

– Для бегства у них есть только один путь – обратно, через дом на Сэкс-Кобург-сквер, – прошептал Холмс. – Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

– Инспектор и два офицера ждут их у парадного входа.

– Значит, мы заткнули все дыры. Теперь нам остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! В сущности, прошел всего час с четвертью, но мне казалось, что ночь уже кончилась и наверху рассветает. Ноги у меня устали и затекли, так как я боялся шевельнуться; нервы были натянуты. И вдруг внизу я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра, мелькнувшая в просвете между плитами пола. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом без всякого шума в полу возникло отверстие, и в самой середине освещенного пространства появилась рука – белая, женственная, – которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. В течение минуты эта рука с движущимися пальцами торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между двумя плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит перевернулась с резким скрипом, и на ее месте оказалась глубокая квадратная яма, из которой хлынул свет фонаря. Над ямой появилось гладко выбритое мальчишеское лицо; неизвестный зорко глянул во все стороны: две руки уперлись в края отверстия; плечи поднялись из ямы, потом поднялось все туловище; колено уперлось в пол. Через секунду незнакомец уже во весь рост стоял на полу возле ямы и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

– Все в порядке, – прошептал он. – Стамеска и мешки у тебя?.. Черт! Прыгай, Арчи, прыгай, а я уж за себя постою.

⁶³ Наполеондор – французская золотая монета в 20 франков, общим весом в 6,4516 г. при содержании чистого золота 5,801 г. Название происходит от изображения на монете Наполеона I и Наполеона III.

Шерлок Холмс схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно: я услышал треск рвущейся материи. Свет блеснул на стволе револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул своего пленника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

– Бесплезно, Джон Клей, – сказал Холмс мягко. – Вы попались.

– Вижу, – ответил тот совершенно спокойно. – Но товарищу моему удалось ускользнуть, и вы поймали только фалду его пиджака.

– Три человека поджидают его за дверями, – сказал Холмс.

– Ах вот как! Чисто сработано! Поздравляю вас.

– А я – вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

– Сейчас вы увидите своего приятеля, – сказал Джонс. – Он шибче умеет нырять в норы, чем я. А теперь я надену на вас наручники.

– Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! – сказал ему наш пленник после того, как наручники были надеты. – Может быть, вам неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте же любезны, обращаясь ко мне, называть меня «сэр» и говорить мне «пожалуйста».

– Отлично, – сказал Джонс, усмехаясь. – Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кэб, который отвезет вашу светлость в полицию.

– Вот так-то лучше, – спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

– Мистер Холмс, – сказал Мерриуэзер, выводя нас из кладовой, – я, право, не знаю, как наш банк может отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшую кражу.

– У меня были свои собственные счета с мистером Джоном Клеем, – сказал Холмс. – Расходы я на сегодняшнем деле понес небольшие, и ваш банк безусловно возместит их мне, хотя, в сущности, я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих...

– Видите ли, Уотсон, – объяснил мне рано утром Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, – мне с самого начала было ясно, что единственной целью этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» может быть только удаление из дома не слишком умного владельца ссудной кассы на несколько часов ежедневно. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они вполне добились своего. Весь этот план, без сомнения, был подсказан вдохновенному уму Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю служили для Уилсона приманкой, а что значит четыре фунта для них, если они рассчитывали получить тысячи! Они поместили в газете объявление; один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина сходить туда, и оба вместе получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Чуть только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого у него есть основательные причины.

– Но как вы отгадали их замысел?

– Предприятие нашего рыжего клиента – ничтожное, во всей его квартире нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне его квартиры. Что это может быть? Я вспомнил о страсти помощника к фотографии, о том, что он пользуется этой страстью, чтобы лазить зачем-то в погреб. Погреб! Вот другой конец запутанной нити. Я подробно расспросил Уилсона об этом таинственном помощнике и понял, что имею дело с одним

из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он что-то делает в погребе, что-то сложное, так как ему приходится работать там по нескольку часов каждый день в течение двух месяцев. Что же он может там делать? Только одно: рыть подкоп, ведущий в какое-нибудь другое здание. Пойдя к такому выводу, я захватил вас и отправился познакомиться с тем местом, где все это происходит. Вы были очень удивлены, когда я стукнул тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп – перед фасадом или на задворках. Оказалось, что перед фасадом его не было. Я позвонил. Как я и ожидал, мне открыл помощник. У нас уже бывали с ним кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я в лицо ему не посмотрел. Я хотел видеть его колени. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты, протерты. Они свидетельствовали о многих часах, проведенных за рытьем подкопа. Оставалось только выяснить, куда он вел свой подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка.

– А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? – спросил я.

– Закрыв контору Союза рыжих, они тем самым давали понять, что больше не нуждаются в отсутствии мистера Джабеза Уилсона, – другими словами, их подкоп готов. Было ясно, что они постараются воспользоваться им поскорее, так как, во-первых, подкоп может быть обнаружен, а во-вторых, золото может быть перевезено в другое место. Суббота им особенно удобна, потому что она предоставляет им для бегства лишние сутки. На основании всех этих соображений я пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

– Ваши рассуждения прекрасны! – воскликнул я в непритворном восторге. – Вы создали такую длинную цепь, и каждое звено в ней безупречно.

– Этот случай спас меня от угнетающей скуки, – проговорил Шерлок Холмс, зевая. – Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь – сплошное усилие избежать тоскливого однообразия наших жизненных будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне достигнуть этой цели.

– Вы истинный благодетель человечества, – сказал я.

Холмс пожал плечами:

– Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу. «L'homme c'est rien – l'oeuvre c'est tout»⁶⁴, как выразился Гюстав Флобер⁶⁵ в письме к Жорж Санд⁶⁶.

⁶⁴ «Человек – ничто, дело – всё» (фр.).

⁶⁵ Гюстав Флобер (1821–1880) – французский писатель.

⁶⁶ Жорж Санд (настоящее имя Амандина Аврора Люсиль Дюпен; 1804–1876) – французская писательница, главной темой произведений которой было изображение женской судьбы, борьба за равноправие женщин.

Странные шаги

Если вы встретите члена привилегированного клуба «Двенадцать верных рыболовов», входящего в Вернон-отель на свой ежегодный обед, то, когда он снимет пальто, вы заметите, что на нем не черный, а зеленый фрак.

Предположим, у вас хватит дерзости обратиться к нему, и вы спросите его, чем вызвана эта причуда. Тогда, возможно он ответит вам, что одевается так, чтобы его не приняли за лакея. Вы отойдете уничтоженный, оставляя неразгаданной тайну, достойную того, чтобы о ней рассказать.

Если (продолжая наши неправдоподобные предположения) вам случится встретить скромного труженика, маленького священника, по имени Браун, и вы спросите, что он считает величайшей удачей своей жизни, он, по всей вероятности, ответит вам, что самым удачным был случай в Вернон-отеле, где он предотвратил преступление, а возможно, и спас грешную душу только тем, что прислушался к шагам в коридоре. Может быть, он даже слегка гордится своей удивительной догадливостью и, скорее всего, сошлется именно на нее.

Но так как вам, конечно, не удастся достигнуть такого положения в высшем свете, чтобы встретиться с кем-либо из «Двенадцати верных рыболовов» или опуститься до мира трущоб и преступлений, чтобы встретить там отца Брауна, то боюсь, вы никогда не услышите этой истории, если я вам ее не расскажу.

Вернон-отель, в котором «Двенадцать верных рыболовов» обычно устраивали свои ежегодные обеды, принадлежал к тем заведениям, которые могут существовать лишь в олигархическом обществе, где здравый смысл заменен требованиями хорошего тона. Он был – как это ни абсурдно – «единственным в своем роде», то есть давал прибыль, не привлекая, а, скорее, отпугивая публику.

В обществе, подпавшем под власть богачей, торгоши проявили должную смекалку и перехитрили свою клиентуру. Они создали множество препон, чтобы богатые и пресыщенные завсегда могли тратить деньги и время на их преодоление. Если бы существовал в Лондоне такой фешенебельный отель, куда не впускали бы ни одного человека ростом ниже шести футов, высшее общество стало бы покорно устраивать там обеды, собирая на них исключительно великанов.

Если бы существовал дорогой ресторан, который, по капризу своего хозяина, был бы открыт только во вторник вечером, каждый вторник он ломился бы от посетителей. Вернон-отель незаметно притулился на углу площади в Бельгравии. Он был не велик и не очень комфортабелен, но самое его неудобство рассматривалось как достоинство, ограждающее избранных посетителей.

Из всех неудобств особенно ценилось одно: в отеле одновременно могло обедать не более двадцати четырех человек. Единственный обеденный стол стоял под открытым небом, на веранде, выходявшей в один из красивейших старых садов Лондона. Таким образом, даже этими двадцатью четырьмя местами можно было пользоваться только в хорошую погоду, что, еще более затрудняя получение удовольствия, делало его тем более желанным.

Владелец отеля, по имени Левер, заработал почти миллион именно тем, что сделал доступ в него крайне затруднительным. Понятно, он умело соединил недоступность своего заведения с самой тщательной заботой о его изысканности. Вина и кухня были поистине европейскими, а прислуга была вышколена в точном соответствии с требованиями английского высшего света.

Хозяин знал лакеев как свои пять пальцев. Их было всего пятнадцать. Гораздо легче было стать членом парламента, чем лакеем в этом отеле. Каждый из них прошел курс молчания и исполнительности и был вышколен не хуже, чем личный камердинер истого джентльмена. Обычно на каждого обедающего приходилось по одному лакею.

Клуб «Двенадцать верных рыболовов» не согласился бы обедать ни в каком другом месте, так как он требовал полного уединения, и все его члены были бы крайне взволнованы при одной мысли, что другой клуб в тот же день обедает в том же здании. Во время своего ежегодного обеда рыболовы привыкли выставлять все свои сокровища, словно они обедали в частном доме; особенно выделялся знаменитый прибор из рыбных ножей и вилок, своего рода реликвия клуба.

Серебряные ножи и вилки были отлиты в форме рыб, и ручки их украшали массивные жемчужины. Прибор этот подавали к рыбной перемене, а рыбное блюдо было самым торжественным моментом торжественного пира. Общество соблюдало целый ряд церемоний и ритуалов, но не имело ни цели, ни истории, в чем и заключалась высшая степень его аристократизма. Для того чтобы стать одним из двенадцати рыболовов, особых заслуг не требовалось; но если человек не принадлежал к определенному кругу, он никогда и не услышал бы об этом клубе.

Клуб существовал уже целых двенадцать лет. Президентом его был мистер Одли. Вице-президентом – герцог Честерский.

Если я хоть отчасти сумел передать атмосферу неприступного отеля, читатель, естественно, может поинтересоваться, откуда же я знаю все это и каким образом такая заурядная личность, как мой друг – отец Браун, оказалась в столь избранной компании. Ответ мой будет прост и даже банален. В мире есть очень древний мятежник и демагог, который врывается в самые сокровенные убежища с ужасным сообщением, что все люди братья, и где бы ни появился этот всадник на коне бледном, дело отца Брауна – следовать за ним.

Одного из лакеев, итальянца, хватил паралич в самый день обеда, и хозяин, исполняя волю умирающего, велел послать за католическим священником. Умирающий просил исполнить свою последнюю волю озаботиться немедленной отправкой письма, которое заключало, должно быть, какое-то признание или заглаживало причиненное кому-то зло. Как бы то ни было, отец Браун – с кроткой настойчивостью, которую, впрочем, он проявил бы и в самом Букингемском дворце, – попросил, чтобы ему отвели комнату и дали письменные принадлежности.

Мистер Левер раздирался надвое. Он был мягок, но обладал и оборотной стороной этого качества – терпеть не мог всяких сцен и затруднений. А в тот вечер присутствие постороннего было подобно грязному пятну на только что отполированном серебре. В Вернон-отеле не было ни смежных, ни запасных помещений, ни ожидающих в холле посетителей или случайных клиентов. Было пятнадцать лакеев. И двенадцать гостей.

Встретить в тот вечер чужого было бы не менее потрясающе, чем познакомиться за семейным завтраком со своим собственным братом. К тому же наружность у священника была слишком заурядна, одежда слишком потрепана; один вид его, просто мимолетный взгляд на него, мог привести отель к полному краху. Наконец мистер Левер нашел выход, который если и не уничтожал, то, по крайней мере, прикрывал позор.

Если вы проникнете в Вернон-отель (что, впрочем, вам никогда не удастся), сперва вам придется пройти короткий коридор, увешанный потемневшими, но, надо полагать, ценными картинами, затем – главный вестибюль, откуда один проход ведет направо, в гостиные, а другой – налево, в контору и кухню. Тут же, у левой стены вестибюля, стоит углом большая стеклянная будка, как бы дом в доме: вероятно,

раньше в ней находился бар. Теперь тут контора, где сидит помощник Левра (в этом отеле никто никогда не попадает на глаза без особой нужды); а позади, по дороге к помещению прислуги, находится мужская гардеробная, последняя граница господских владений.

Но между конторой и гардеробной есть еще одна маленькая комнатка, без выхода в коридор, которой хозяин иногда пользуется для щекотливых и важных дел, – например, дает в долг какому-нибудь герцогу тысячу фунтов или отказывается одолжить ему шесть пенсов. Мистер Левр выказал высшую терпимость, позволив простому священнику осквернить это священное место и написать там письмо. То, что писал отец Браун, было, вероятно, много интереснее моего рассказа, но никогда не увидит света. Я могу лишь отметить, что тот рассказ был не короче моего и что две-три последние страницы были, очевидно, скучнее прочих.

Дойдя до них, отец Браун позволил своим мыслям отвлечься от работы, а своим чувствам (обычно достаточно острым) пробудиться от оцепенения. Смеркалось. Близилось время обеда. В уединенной комнатке почти стемнело, и, возможно, сгущавшаяся тьма до чрезвычайности обострила его слух. Когда отец Браун дописывал последнюю страницу, он поймал себя на том, что пишет в такт доносившимся из коридора звукам, как иногда в поезде думаешь под стук колес. Когда он понял это и прислушался, он убедился, что шаги – самые обыкновенные, просто кто-то ходит мимо двери, как нередко бывает в гостиницах.

Тем не менее он устался в темнеющий потолок и прислушался снова. Через несколько секунд он поднялся и стал вслушиваться еще внимательней, слегка склонив голову набок. Потом снова сел и, подперев голову, слушал и размышлял.

Шаги в коридоре отеля – дело обычное, но эти шаги казались в высшей степени странными. Больше ничего не было слышно, дом был на редкость тихий – немногочисленные гости немедленно расходились по своим комнатам, а тренированные лакеи были невидимы и неслышимы, пока их не вызывали. В этом отеле меньше всего можно было ожидать чего-нибудь необычного.

Однако эти шаги казались настолько странными, что слова «обычный» и «необычный» не подходили к ним. Отец Браун как бы следовал за ними, постукивая пальцами по краю стола, словно пианист, разучивающий фортепьянную пьесу. Сперва слышались быстрые мелкие шажки, не переходившие, однако, в бег, – так мог бы идти участник состязания по ходьбе. Вдруг они прерывались и становились мерными, степенными, раза в четыре медленнее предыдущих. Едва затихал последний медленный шаг, как снова слышалась частая торопливая дробь и затем опять замедленный шаг грузной походки. Шагал, безусловно, один и тот же человек – и при медленной ходьбе, и при быстрой одинаково поскрипывала обувь.

Отец Браун был не из тех, кто постоянно задает себе вопросы, но от этого, казалось бы, простого вопроса у него чуть не лопалась голова. Он видел, как разбегаются, чтобы прыгнуть; он видел, как разбегаются, чтобы прокатиться по льду. Но зачем разбежаться, чтобы перейти на медленный шаг? Для чего идти, чтобы потом разбежаться? И в то же время именно это проделывали невидимые ноги.

Их обладатель очень быстро пробежал половину коридора, чтобы медленно проследовать по другой половине; медленно доходил до половины коридора, с тем, чтобы доставить себе удовольствие быстро пробежать другую половину. Оба предположения не имели ни малейшего смысла. В голове отца Брауна, как и в комнате, становилось все темнее и темнее. Однако, когда он сосредоточился, сама темнота каморки словно окрылила его мысль. Фантастические ноги, шагавшие по коридору, стали представляться ему в самых неестественных или символических положениях.

Может быть, это языческий ритуальный танец? Или новое гимнастическое упражнение? Отец Браун упорно обдумывал, что бы могли означать эти шаги. Медленные шаги, безусловно, не принадлежали хозяину. Люди его склада ходят быстро и деловито или не трогаются с места. Это не мог быть также ни лакей, ни посыльный, ожидающий распоряжений.

В олигархическом обществе неимущие ходят иной раз вразвалку – особенно когда выпьют, но много чаще, особенно в таких местах, они стоят или сидят в напряженной позе. Нет, тяжелый и в то же время упругий шаг, не особенно громкий, но и не считающийся с тем, какой шум он производит, мог принадлежать лишь одному обитателю земного шара: так ходит западноевропейский джентльмен, который, по всей вероятности, никогда не зарабатывал себе на жизнь.

Как раз когда отец Браун пришел к этому важному заключению, шаг снова изменился и кто-то торопливо, по крысиному, пробежал мимо двери. Однако, хотя шаги стали гораздо быстрее, шума почти не было, точно человек бежал на цыпочках. Но отцу Брауну не почудилось, что тот хочет скрыть свое присутствие, – для него звуки связывались с чем-то другим, чего он не мог припомнить. Эти воспоминания, от которых можно было сойти с ума, наконец вывели его из равновесия. Он был уверен, что слышал где-то эту странную, быструю походку, – и не мог припомнить, где именно.

Вдруг у него мелькнула новая мысль; он вскочил и подошел к двери. Комната его не сообщалась непосредственно с коридором: одна дверь вела в застекленную контору, другая – в гардеробную. Дверь в контору была заперта. Он посмотрел, в окно, светлевшее во мраке резко очерченным четырехугольником, полным сине-багровых облаков, озаренных зловещим светом заката, и на мгновение ему показалось, что он чувствует, как собака чувствует крысу.

Разумное (не знаю, благоразумное ли) начало победило. Он вспомнил, что хозяин запер дверь, обещав прийти попозже и выпустить его. Он убеждал себя, что двадцать разных причин, которые не пришли ему в голову, могут объяснить эти странные шаги в коридоре. Он напомнил себе о недоконченной работе и о том, что едва успеет дописать письмо засветло. Пересев к окну, поближе к угасавшему свету мятежного заката, он снова углубился в работу. Он писал минут двадцать, все ниже склоняясь к бумаге, по мере того как становилось темнее, потом внезапно выпрямился. Снова послышались странные шаги.

На этот раз прибавилась третья особенность. Раньше незнакомец ходил, ходил легко и удивительно быстро, но все же ходил. Теперь он бегал. По коридору слышались частые, быстрые, скачущие шаги, словно прыжки мягких лап пантеры. Чувствовалось, что бегущий – сильный, энергичный человек, взволнованный, однако сдерживающий себя. Но едва лишь, прошелестев, словно смерч, он добежал до конторы, снова послышался медленный, размеренный шаг.

Отец Браун отбросил письмо и, зная, что дверь в контору закрыта, прошел в гардеробную, по другую сторону комнаты. Служитель временно отлучился, должно быть, потому, что все гости уже собрались, давно сидели за столом и его присутствие не требовалось. Пробравшись сквозь серый лес пальто, священник заметил, что полутемную гардеробную отделяет от ярко освещенного коридора барьер, вроде прилавка, через который обычно передают пальто и получают номерки. Как раз над аркой этой двери горела лампа.

Отец Браун был едва освещен ею и темным силуэтом вырисовывался на фоне озаренного закатом окна. Зато весь свет падал на человека, стоявшего в коридоре. Это был элегантный мужчина, в изысканно простом вечернем костюме, высокий, но хорошо сложенный и гибкий, казалось, там, где он проскользнул бы как тень, люди

меньшего роста были бы заметнее его. Ярко освещенное лицо его было смугло и оживленно, как у иностранца-южанина. Держался он хорошо, непринужденно и уверенно.

Строгий критик мог бы отметить разве только, что его фрак не вполне соответствовал стройной фигуре и светским манерам, был несколько мешковат и как-то странно топорщился. Едва увидев на фоне окна черный силуэт отца Брауна, он бросил на прилавок номерок и с дружелюбной снисходительностью сказал:

– Пожалуйста, шляпу и пальто. Я ухожу.

Отец Браун молча взял номерок и пошел отыскивать пальто. Найдя, он принес его и положил на прилавок, незнакомец порылся в карманах и сказал, улыбаясь:

– У меня нет серебра. Возьмите вот это, – и, бросив золотой полусоверен, он взялся за пальто.

Отец Браун неподвижно стоял в темноте, и вдруг он потерял голову. С ним это случалось; правда, глупей от этого он не становился, скорее наоборот. В такие моменты, сложив два и два, он получал четыре миллиона. Католическая церковь (согласная со здравым смыслом) не всегда одобряла это. Он сам не всегда это одобрял. Но порой на него находило истинное вдохновение, необходимое в отчаянные минуты: ведь потерявший голову свою да обретет ее.

– Мне кажется, сэр, – сказал он вежливо, – в кармане у вас все же есть серебро.

Высокий джентльмен уставился на него.

– Что за чушь! – воскликнул он. – Я даю вам золото, чем же вы недовольны?

– Иной раз серебро дороже золота, – скромно сказал священник. – Я хочу сказать – когда его много.

Незнакомец внимательно посмотрел на него. Потом еще внимательней глянул вдоль коридора. Снова перевел глаза на отца Брауна и с минуту смотрел на светлевшее позади него окно. Наконец решившись, он взялся рукой за барьер, перескочил через него с легкостью акробата и, нагнувшись к крохотному Брауну, огромной рукой сгреб его за воротник.

– Тихо! – сказал он отрывистым шепотом. – Я не хочу вам грозить, но...

– А я буду грозить вам, – перебил его отец Браун внезапно окрепшим голосом. – Грозить червем неумирающим и огнем неугасающим.

– Чудак! Вам не место здесь, – сказал незнакомец.

– Я священник, мосье Фламбо, – сказал Браун, – и готов выслушать вашу исповедь.

Высокий человек задохнулся, на мгновение замер и тяжело опустился на стул.

Первые две перемены обеда «Двенадцати верных рыболовов» следовали одна за другой без всяких помех и задержек. Копии меню у меня нет, но если бы она и была, все равно бы вы ничего не поняли. Меню было составлено на ультрафранцузском языке поваров, непонятном для самих французов. По традиции клуба, закуски были разнообразны и сложны до безумия. К ним отнеслись вполне серьезно, потому что они были бесполезным придатком, как и весь обед, как и самый клуб.

По той же традиции суп подали легкий и простой - все это было лишь введением к предстоящему рыбному пиру. За обедом шел тот странный, порхающий разговор, который предрекает судьбы Британской империи, столь полный намеков, что рядовой англичанин едва ли понял бы его, даже если бы и подслушал.

Министров величали по именам, упоминая их с какой-то вялой благосклонностью. Радикального министра финансов, которого вся партия тори⁶⁷, по слухам, ругала за вымогательство, здесь хвалили за слабые стишки или за посадку в

67 Тори – консервативная партия в Англии.

седле на псовой охоте. Вождь тори, которого всем либералам полагалось ненавидеть, как тирана, подвергался легкой критике, но о нем отзывались одобрительно, как будто речь шла о либерале. Каким-то образом выходило, что политики – люди значительные, но значительно в них все, что угодно, кроме их политики.

Президентом клуба был добродушный пожилой мистер Одли, все еще носивший старомодные воротнички времен Гладстона⁶⁸. Он казался символом этого призрачного и в то же время устойчивого общественного уклада. За всю свою жизнь он ровно ничего не сделал – ни хорошего, ни даже дурного; не был ни расточителен, ни особенно богат. Он просто всегда был «в курсе дела». Ни одна партия не могла обойти его, и если бы он вздумал стать членом кабинета, его, безусловно, туда ввели бы.

Вице-президент, герцог Честерский, был еще молод и подавал большие надежды. Иными словами, это был приятный молодой человек с прилизанными русыми волосами и веснушчатым лицом. Он обладал средними способностями и несметным состоянием. Его публичные выступления были всегда успешны, хотя секрет их был крайне прост. Если ему в голову приходила шутка, он высказывал ее, и его называли остроумным. Если же шутки не подвертывалось, он говорил, что теперь не время шутить, и его называли глубокомысленным. В частной жизни, в клубе, в своем кругу он был радушен, откровенен и наивен, как школьник.

Мистер Одли, никогда не занимавшийся политикой, относился к ней несравненно серьезнее. Иногда он даже смущал общество, намекая на то, что существует некоторая разница между либералом и консерватором. Сам он был консерватором даже в частной жизни. Его длинные седые кудри скрывали на затылке старомодный воротничок, точь-в-точь как у бывших государственных мужей, и со спины он выглядел человеком, на которого может положиться империя. А спереди он казался тихим, любящим комфорт холостяком, из тех, что снимают комнаты в Олбэни, – таким он и был на самом деле.

Как мы уже упоминали, за столом на веранде было двадцать четыре места, но сидело всего двенадцать членов клуба. Все они весьма удобно разместились по одну сторону стола, и перед ними открывался вид на весь сад, краски которого все еще были яркими, хотя вечер и кончался несколько хмуро для этого времени года. Президент сидел у середины стола, а вице-президент – у правого конца. Когда двенадцать рыболовов подходили к столу, все пятнадцать лакеев должны были (согласно неписаному клубному закону) чинно выстраиваться вдоль стены, как солдаты, встречающие короля.

Толстый хозяин должен был стоять тут же, сияя от приятного удивления, и кланяться членам клуба, словно он раньше никогда не слыхивал о них. Но при первом же стуке ножей и вилок вся эта наемная армия исчезала, оставляя одного или двух лакеев, бесшумно скользивших вокруг стола и незаметно убиравших тарелки. Мистер Левер тоже скрывался, весь извиваясь в конвульсиях вежливых поклонов. Было бы не только преувеличением, но даже прямой клеветой сказать, что он может появиться снова.

Но когда подавалось главное, рыбное блюдо, тогда, – как бы мне выразить это получше – тогда казалось, что где-то парит ожившая тень или отражение хозяина. Священное рыбное блюдо было (конечно, для непосвященного взгляда) огромным пудингом, размером и формой напоминавшим свадебный пирог, в котором несметное количество разных видов рыбы вконец потеряло свои естественные свойства.

«Двенадцать верных рыболовов» вооружались знаменитыми ножами и вилками и приступали к пудингу с таким благоговением, словно каждый кусочек стоил столько же, сколько серебро, которым его ели. И, судя по тому, что мне известно, так оно и

⁶⁸ Гладстон (1809–1898) – видный политический деятель Англии во второй половине XIX века.

было. С этим блюдом расправлялись молча, жадно и с полным сознанием важности момента. Лишь когда тарелка его опустела, молодой герцог сделал обычное замечание.

– Только здесь умеют как следует готовить это блюдо.

– Только здесь, – отозвался мистер Одли, поворачиваясь к нему и покачивая своей почтенной головой. – Только здесь и нигде больше. Правда, мне говорили, что в кафе «Англэ»...

Тут он был прерван и на мгновение даже озадачен исчезновением своей тарелки, принятой лакеем. Однако он успел вовремя поймать нить своих ценных мыслей.

– Мне говорили, – продолжал он, – что это блюдо могли бы приготовить и в кафе «Англэ». Но не верьте этому, сэр. – Он безжалостно закачал головой, как судья, отказывающий в помиловании осужденному на смерть преступнику. – Нет, не верьте этому, сэр.

– Преувеличенная репутация, – процедил некий полковник Паунд с таким видом, словно он открыл рот впервые за несколько месяцев.

– Ну что вы! – возразил герцог Честерский, по натуре оптимист. – В некоторых отношениях это премилое местечко. Например, нельзя отказать им...

В комнату быстро вошел лакей и вдруг остановился, словно окаменев. Сделал он это совершенно бесшумно, но вялые и благодушные джентльмены привыкли к тому, что невидимая машина, обслуживавшая их и поддерживавшая их существование, работает безукоризненно, и неожиданно остановившийся лакей испугал их, словно фальшивая нота в оркестре. Они чувствовали то же, что почувствовали бы мы с вами, если бы неодушевленный мир проявил непослушание если бы, например, стул вдруг бросился убежать от нашей руки.

Несколько секунд лакей простоял неподвижно, и каждого из присутствующих постепенно охватывала странная неловкость, типичная для нашего времени, когда повсюду твердят о гуманности, а пропасть между богатыми и бедными стала еще глубже.

Настоящий родовитый аристократ, наверное, принялся бы швырять в лакея чем попало, начав с пустых бутылок и, весьма вероятно, кончив деньгами. Настоящий демократ спросил бы его чисто товарищеским тоном, какого черта он стоит тут как истукан. Но эти новейшие плутократы не могли переносить возле себя неимущего – ни как раба, ни как товарища.

Тот факт, что с лакеем случилось нечто странное, был для них просто скучной и досадной помехой. Быть грубыми они не хотели, а в то же время боялись проявить хоть какую-то человечность. Они желали одного, чтобы все это поскорее кончилось. Лакей простоял неподвижно несколько секунд, словно в столбняке, вдруг повернулся и опрометью выбежал с веранды.

Вскоре он снова появился на веранде, или, вернее, в дверях, в сопровождении другого лакея, что-то шепча ему и жестикулируя с чисто итальянской живостью. Затем первый лакей снова ушел, оставив в дверях второго, и опять появился, уже с третьим. Когда и четвертый лакей присоединился к этому сборищу, мистер Одли почувствовал, что во имя такта необходимо нарушить молчание. За неимением председательского молотка он громко кашлянул и сказал:

– А ведь молодой Мучер прекрасно работает в Бирме. Какая нация в мире могла бы...

Пятый лакей стрелою подлетел к нему и зашептал на ухо:

– Простите, сэр. Важное дело. Может ли хозяин поговорить с вами?

Президент растерянно повернулся и увидел мистера Левра, приближавшегося к нему своей обычной ныряющей походкой. Но лицо почтенного хозяина никто не

назвал бы обычным. Всегда сияющее и медно-красное, оно окрасилось болезненной желтизной.

– Простите меня, мистер Одли, – проговорил он, задыхаясь, – случилась страшная неприятность. Скажите, ваши тарелки убрали вместе с вилками и ножами?

– Надеюсь, – несколько раздраженно протянул президент.

– Вы видели его? – продолжал хозяин. – Видели вы лакея, который убрал их?

Узнали бы вы его?

– Узнать лакея? – негодуя переспросил мистер Одли. – Конечно, нет.

Мистер Левер в отчаянии развел руками.

– Я не посылал его, – простонал он. – Я не знаю, откуда и зачем он явился. А когда я послал своего лакея убрать тарелки, он увидел, что их уже нет.

Решительно, мистер Одли чересчур растерялся для человека, на которого может положиться вся империя. Да и никто другой из присутствующих не нашелся, за исключением грубоватого полковника Паунда, внезапно воспрянувшего к жизни. Он поднялся с места и, вставив в глаз монокль, проговорил сипло, словно отвык пользоваться голосом:

– Вы хотите сказать, что кто-то украл наш серебряный рыбный прибор?

Хозяин снова развел руками, и в ту же секунду все присутствующие вскочили на ноги.

– Где лакеи? – низким глухим голосом спросил полковник. – Они все тут?

– Да, все, я это заметил, – воскликнул молодой герцог, протискиваясь в центр группы. – Всегда считаю их, когда вхожу. Они так забавно выстраиваются вдоль стены.

– Да, но трудно сказать с уверенностью... – в тяжелом сомнении начал было мистер Одли.

– Говорю вам, я прекрасно помню, – возбужденно повторил герцог, – здесь никогда не было больше пятнадцати лакеев, и ровно столько же было и сегодня. Ни больше, ни меньше.

Хозяин повернулся к нему, дрожа всем телом.

– Вы говорите... вы говорите... – заикался он, – что видели пятнадцать лакеев?

– Как всегда, – подтвердил герцог, – что ж в этом особенного?

– Ничего, – сказал Левер, – только всех вы не могли видеть. Один из них умер и лежит наверху.

На секунду в комнате воцарилась тягостная тишина. Быть может (так сверхъестественно слово «смерть»), каждый из этих праздных людей заглянул в это мгновение в свою душу и увидел, что она маленькая, как сморщенная горошина. Кто-то, кажется, герцог, сказал с идиотским состраданием богача:

– Не можем ли мы быть чем-нибудь полезны?

– У него был священник, – ответил расстроенный хозяин.

И – словно прозвучала труба Страшного суда – они подумали о таинственном посещении. Несколько весьма неприятных секунд присутствующим казалось, что пятнадцатым лакеем был призрак мертвеца. Неприятно им стало потому, что призраки были для них такой же помехой, как и нищие. Но мысль о серебре вывела их из оцепенения. Полковник отбросил ногою стул и направился к двери.

– Если здесь был пятнадцатый лакей, друзья мои, – сказал он, – значит, этот пятнадцатый и был вором. Немедленно закрыть парадный и черный ходы. Тогда мы и поговорим. Двадцать четыре жемчужины клуба стоят того, чтобы из-за них похлопотать.

Мистер Одли снова как будто заколебался, пристойно ли джентльмену проявлять торопливость. Но, видя, как герцог кинулся вниз по лестнице с энтузиазмом молодости, он последовал за ним, хотя и с большей солидностью.

В эту минуту на веранду вбежал шестой лакей и заявил, что он нашел грудку тарелок от рыбы без всяких следов серебра. Вся толпа гостей и прислуги гурьбой скатилась по лестнице и разделилась на два отряда. Большинство рыболовов последовало за хозяином в вестибюль.

Полковник Паунд с президентом, вице-президентом и двумя-тремя членами клуба кинулись в коридор, который вел к лакейской, – вероятнее всего, вор бежал именно так. Проходя мимо полутемной гардеробной, они увидели в глубине ее низенькую черную фигурку, стоявшую в тени.

– Эй, послушайте, – крикнул герцог, – здесь проходил кто-нибудь?

Низенький человек не ответил прямо, но просто сказал:

– Может быть, у меня есть то, что вы ищете, джентльмены?

Они остановились, колеблясь и удивляясь, а он скрылся во мраке гардеробной и появился снова, держа в обеих руках грудку блестящего серебра, которое и выложил на прилавок спокойно, как приказчик, показывающий образцы. Серебро оказалось дюжиной ножей и вилок странной формы.

– Вы... Вы... – начал окончательно сбитый с толку полковник. Потом, освоившись с полумраком, он заметил две вещи: во-первых, низенький человек был в черной сутане и мало походил на слугу и, во-вторых, окно гардеробной было разбито, точно кто-то поспешно из него выскочил.

– Слишком ценная вещь, чтобы хранить ее в гардеробной, – заметил священник.

– Так вы... вы... значит, это вы украли серебро? – запинаясь, спросил мистер Одли, с недоумением глядя на священника.

– Если я и украл, то, как видите, я его возвращаю, – вежливо ответил отец Браун.

– Но украли не вы? – заметил полковник, вглядываясь в разбитое окно.

– Но, по правде сказать, я не крал его, – сказал священник несколько юмористическим тоном и спокойно уселся на стул.

– Но вы знаете, кто это сделал? – спросил полковник.

– Настоящего его имени я не знаю, – невозмутимо ответил священник. – Но я знаю кое-что о его силе и очень много о его душевных сомнениях. Силу его я ощутил на себе, когда он пытался меня задушить, а об его моральных качествах я узнал, когда он раскаялся.

– Скажите пожалуйста, раскаялся! – с надменным смехом воскликнул герцог Честерский.

Отец Браун поднялся и заложил руки за спину.

– Не правда ли, странно, на ваш взгляд, – сказал он, – что вор и бродяга раскаялся, тогда как много богатых людей закоснели в мирской суете и никому от них нет прока? Если вы сомневаетесь в практической пользе раскаяния, вот вам ваши ножи и вилки. Вы «Двенадцать верных рыболовов», и вот ваши серебряные рыбы. Видите, вы все же выловили их. А я – ловец человеков.

– Так вы поймали вора? – хмурясь, спросил полковник.

Отец Браун в упор посмотрел на его недовольное суровое лицо.

– Да, я поймал его, – сказал он, – поймал невидимым крючком на невидимой леске, такой длинной, что он может уйти на край света и все же вернется, как только я потяну.

Они помолчали. Потом джентльмены удалились обратно на веранду, унося серебро и обсуждая с хозяином странное происшествие. Но суровый полковник по-прежнему сидел боком на барьере, раскачивая длинными ногами и покусывая кончики темных усов. Наконец он спокойно сказал священнику:

– Вор был не глупый малый, но, думается, я знаю человека поумнее.

– Он умный человек, – ответил отец Браун, – но я не знаю, кого вы считаете умнее.

– Вас, – сказал полковник и коротко рассмеялся. – Будьте спокойны, я не собираюсь сажать вора в тюрьму. Но я дал бы гору серебряных вилок за то, чтобы толком узнать, как вы-то замешались во всю эту кашу и как вам удалось отнять у него серебро. Думается мне, что вы большой хитрец и проведете любого.

Священнику, по-видимому, понравилась грубоватая прямота военного.

– Конечно, полковник, – сказал он, улыбаясь, – я ничего не могу сообщить вам об этом человеке и его частных делах. Но я не вижу причин скрывать от вас внешний ход дела, насколько я сам его понял.

С неожиданной для него легкостью он перепрыгнул через барьер, сел рядом с полковником Паундом и, в свою очередь, заболтал короткими ножками, словно мальчишка на заборе.

Рассказ свой он начал так непринужденно, как если бы беседовал со старым другом у рождественского камелька.

– Видите ли, полковник, – начал он, – меня заперли в той маленькой каморке, и я писал письмо, когда услышал, что пара ног отплясывает по этому коридору такой танец, какого не спляшешь и на виселице. Сперва слышались забавные мелкие шажки, словно кто-то ходил на цыпочках; за ними следовали шаги медленные, уверенные – словом, шаги солидного человека, разгуливающего с сигарой во рту.

Но шагали одни и те же ноги, в этом я готов был поклясться: легко, потом тяжело, потом опять легко. Сперва я прислушивался от нечего делать, а потом чуть с ума не сошел, стараясь понять, для чего понадобилось одному человеку ходить двумя походками. Одну походку я знал, она была вроде вашей, полковник. Это была походка плотно пообедавшего человека, джентльмена, который расхаживает не потому, что взволнован, а скорее, потому, что вообще подвижен.

Другая походка тоже казалась мне знакомой, только я никак не мог припомнить, где я ее слышал и где раньше встречал странное существо, носящееся на цыпочках подобным образом. Скоро до меня донесся стук тарелок, и ответ представился до глупости очевидным: это была походка лакея, когда, склонившись вперед, опустив глаза, загребая носками сапог, он несется подавать к столу. Затем я поразмыслил с минуту. И мне показалось, что я понял замысел преступления так же ясно, как если бы сам собирался его совершить.

Полковник внимательно посмотрел на священника, но кроткие серые глаза были безмятежно устремлены в потолок.

– Преступление, – продолжал он медленно, – то же произведение искусства. Не удивляйтесь: преступление далеко не единственное произведение искусства, выходящее из мастерских преисподней. Но каждое подлинное произведение искусства, будь оно небесного или дьявольского происхождения, имеет одну непремennую особенность: основа его всегда проста, как бы сложно ни было выполнение. Так, например, в «Гамлете» фигуры могильщиков, цветы сумасшедшей девушки, загробное обаяние Озрика, бледность духа и усмешка черепа – все сплетено венком для мрачного человека в черном. И то, что я вам рассказываю, – добавил он, улыбаясь и медленно слезая с барьера, – тоже незамысловатая трагедия человека в черном.

– Да, – продолжал он, видя, что полковник смотрит на него с удивлением, – вся эта история сводится к черному костюму. В ней, как и в «Гамлете», немало всевозможных наслоений, вроде вашего клуба, например. Есть мертвый лакей, который был там, где быть не мог; есть невидимая рука, собравшая с вашего стола серебро и растаявшая в воздухе. Но каждое умно задуманное преступление основано в конце концов на чем-нибудь вполне заурядном, ничуть не загадочном.

Таинственность появляется позже, чтобы увести нас в сторону по ложному следу. Сегодняшнее дело – крупное, тонко задуманное и (на взгляд заурядного вора) весьма выгодное. Оно было построено на том общеизвестном факте, что вечерний костюм джентльмена как две капли воды похож на костюм лакея, – оба носят черный фрак. Все остальное была игра, и притом удивительно тонкая.

– И все же, – заметил полковник, слезая с барьера и хмуро разглядывая свои ботинки, – все же я не вполне уверен, что понял вас.

– Полковник, – сказал отец Браун, – вы еще больше удивитесь, когда я скажу вам, что демон наглости, укравший ваши вилки, все время разгуливал у вас на глазах. Он прошел по коридору раз двадцать взад и вперед – и это при полном, освещении и на виду у всех. Он не прятался по углам, где его могли бы заподозрить. Напротив, он беспрестанно двигался и, где бы он ни был, везде, казалось, находился по праву. Не спрашивайте меня, как он выглядел, потому что вы сами видели его сегодня шесть или семь раз.

Вы вместе с другими высокородными господами дожидались обеда в гостиной, в конце прохода, возле самой веранды. И вот, когда он проходил среди вас, джентльменов, он был лакеем, с опущенной головой, болтающейся салфеткой и развевающимися фалдами. Он вылетал на веранду, поправлял скатерть, переставлял что-нибудь на столе и мчался обратно по направлению к конторе и лакейской. Но едва он попадал в поле зрения конторского клерка и прислуги, как – и видом и манерами, с головы до ног, – становился другим человеком.

Он бродил среди слуг с той рассеянной небрежностью, которую они так привыкли видеть у своих патронов. Их не должно было удивлять, что гость разгуливает по всему дому, словно зверь, снующий по клетке в зоологическом саду. Они знали: ничто так не выделяет людей высшего круга, как именно привычка расхаживать всюду, где им вздумается. Когда он пресыщался прогулкой по коридору, он поворачивал и снова проходил мимо конторы. В тени гардеробной ниши он, как по мановению жезла, разом менял свой облик и снова услужливым лакеем мчался к «Двенадцати верным рыбакам». Не пристало джентльменам обращать внимание на какого-то лакея.

Как может прислуга заподозрить прогуливающегося джентльмена?.. Раз он выкинул фокус еще почище. У конторы он величественно потребовал сифон содовой воды, сказав, что хочет пить. Он добавил непринужденно, что возьмет сифон с собой. Он так и сделал – быстро и ловко пронес его среди всех вас, джентльменов, лакеем, выполняющим обычное поручение. Конечно, это не могло длиться до бесконечности, но ему ведь нужно было дождаться лишь конца рыбной перемены.

Самым опасным для него было начало обеда, когда все лакеи выстраивались в ряд, но и тут ему удалось прислониться к стене как раз за углом, так что лакеи и тут приняли его за джентльмена, а джентльмены – за лакея. Дальше все шло как по маслу. Лакей принимал его за скучающего аристократа, и наоборот. За две минуты до того, как рыбная перемена была закончена, он снова обратился в проворного слугу и быстро собрал тарелки.

Посуду он оставил на полке, серебро засунул в боковой карман, отчего тот оттопырился, и, как заяц, помчался по коридору, покуда не добрался до гардеробной. Тут он снова стал джентльменом, внезапно вызванным по делу. Ему оставалось лишь сдать свой номерок гардеробщику и выйти так же непринужденно, как пришел. Только случилось так, что гардеробщиком был я.

– Что вы сделали с ним? – воскликнул полковник с необычным для него жаром. – И что он вам сказал?

– Простите, – невозмутимо ответил отец Браун, – тут мой рассказ кончается.

– И начинается самое интересное, – пробормотал Паунд. – Его профессиональные приемы я еще понимаю. Но как-то не могу понять ваши.

– Мне пора уходить, – проговорил отец Браун.

Вместе они дошли до передней, где увидели свежее веснушчатое лицо герцога Честерского, с веселым видом бежавшего искать их.

– Скорее, скорее, Паунд! – запыхавшись, кричал он. – Скорее идите к нам! Я всюду искал вас. Обед продолжается как ни в чем не бывало, и старый Одли сейчас скажет спич в честь спасенных вилок. Видите ли, мы предполагаем создать новую церемонию, чтобы увековечить это событие. Серебро снова у нас. Можете вы что-нибудь предложить?

– Ну что ж, – не без сарказма согласился полковник, оглядывая его. – Я предлагаю, чтобы отныне мы носили зеленые фраки вместо черных. Мало ли что может случиться, когда ты одет так же, как лакей.

– Глупости, – сказал герцог, – джентльмен никогда не выглядит лакеем.

– А лакей не может выглядеть джентльменом? – так же беззвучно смеясь, отозвался полковник Паунд. – В таком случае и ловок же ваш приятель, – сказал он, обращаясь к Брауну, – если он сумел сойти за джентльмена.

Отец Браун наглухо застегнул свое скромное пальто – ночь была холодная и ветреная – и взял в руки свой скромный зонт.

– Да, – сказал он, – должно быть, очень трудно быть джентльменом. Но, знаете ли, я не раз думал, что почти так же трудно быть лакеем.

И, промолвив «добрый вечер», он толкнул тяжелую дверь дворца наслаждений. Золотые врата тотчас же захлопнулись за ним, и он быстро зашагал по мокрым темным улицам в поисках омнибуса.

Л. Н. Толстой

Отрочество

Глава I

Поездка на долгих⁶⁹

Снова поданы два экипажа к крыльцу петровского дома: один – карета, в которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и сам приказчик⁷⁰ Яков, на козлах; другой – бричка⁷¹, в которой едем мы с Володей и недавно взятый с оброка лакей Василий.

Папа, который несколько дней после нас должен тоже приехать в Москву, без шапки стоит на крыльце и крестит окно кареты и бричку.

«Ну, Христос с вами! трогай!» Яков и кучера (мы едем на своих) снимают шапки и крестятся. «Но, но! с Богом!» Кузов кареты и брички начинают подпрыгивать по неровной дороге, и березы большой аллеи одна за другой бегут мимо нас. Мне нисколько не грустно: умственный взор мой обращен не на то, что я оставляю, а на то, что ожидает меня. По мере удаления от предметов, связанных с тяжелыми воспоминаниями, наполнявшими до сей поры мое воображение, воспоминания эти теряют свою силу и быстро заменяются отрадным чувством сознания жизни, полной силы, свежести и надежды.

Редко провел я несколько дней – не скажу весело: мне еще как-то совестно было предаваться веселью, – но так приятно, хорошо, как четыре дня нашего путешествия. У меня перед глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не мог проходить без содрогания, ни закрытого рояля, к которому не только не подходили, но на который и смотрели с какою-то боязнью, ни траурных одежд (на всех нас были простые дорожные платья), ни всех тех вещей, которые, живо напоминая мне невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждого проявления жизни из страха оскорбить как-нибудь ее память. Здесь, напротив, беспрестанно новые живописные места и предметы останавливают и развлекают мое внимание, а весенняя природа вселяет в душу отрадные чувства – довольства настоящим и светлой надежды на будущее.

Рано, рано утром безжалостный и, как всегда бывают люди в новой должности, слишком усердный Василий сдергивает одеяло и уверяет, что пора ехать и все уже готово. Как ни жмешься, ни хитришь, ни сердисься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкий утренний сон, по решительному лицу Василья видишь, что он неумолим и готов еще двадцать раз сдернуть одеяло, вскакиваешь и бежишь на двор умываться.

В сених уже кипит самовар, который, покрасневшись как рак, раздувает Митька-форейтор⁷²; на дворе сыро и туманно, как будто пар подымается от пахучего навоза; солнышко веселым, ярким светом освещает восточную часть неба, и соломенные крыши просторных навесов, окружающих двор, глянцевиты от росы, покрывающей их.

⁶⁹ *Ездить на долгих* – то есть не на сменных, а на одних и тех же лошадях.

⁷⁰ *Приказчик* – управляющий имением помещика.

⁷¹ *Бричка* – легкая повозка, иногда с верхом.

⁷² *Форейтор* – ямщик, сидящий не на экипаже, а на одной из лошадей. Иногда форейтор является помощником кучера, если лошади сцеплены цугом и кнут кучера не дотягивается до передних.

Под ними виднеются наши лошади, привязанные около кормяг⁷³, и слышно их мерное жевание. Какая-нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая перед зарей на сухой куче навоза, лениво потягивается и, помахивая хвостом, мелкой рысцой отправляется в другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяет скрипящие ворота, выгоняет задумчивых коров на улицу, по которой уже слышны топот, мычание и блеяние стада, и перекидывается словечком с сонной соседкой. Филипп, с засученными рукавами рубашки, вытягивает колесом бадью из глубокого колодца, плеская светлую воду, выливает ее в дубовую колоду, около которой в луже уже полощутся проснувшиеся утки; и я с удовольствием смотрю на значительное, с окладистой бородой, лицо Филиппа и на толстые жилы и мускулы, которые резко обозначаются на его голых мощных руках, когда он делает какое-нибудь усилие.

За перегородкой, где спала Мими с девочками и из-за которой мы переговаривались вечером, слышно движенье. Маша с различными предметами, которые она платьем старается скрыть от нашего любопытства, чаще и чаще пробегает мимо нас, наконец отворяется дверь, и нас зовут пить чай.

Василий, в припадке излишнего усердия, беспрестанно вбегает в комнату, выносит то то, то другое, подмигивает нам и всячески упрашивает Марью Ивановну выезжать ранее. Лошади заложены и выражают свое нетерпение, изредка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по местам. Но каждый раз в бричке мы находим гору вместо сидения, так что никак не можем понять, как все это было уложено накануне и как теперь мы будем сидеть; особенно один ореховый чайный ящик с треугольной крышкой, который отдают к нам в бричку и ставят под меня, приводит меня в сильнейшее негодование. Но Василий говорит, что это обомнется, и я принужден верить ему.

Солнце только что поднялось над сплошным белым облаком, покрывающим восток, и вся окрестность озарилась спокойно-радостным светом. Все так прекрасно вокруг меня, а на душе так легко и спокойно... Дорога широкой, дикой лентой вьется впереди, между полями засохшего жнивья⁷⁴ и блестящей росой зелени; кое-где при дороге попадается угрюмая ракета или молодая березка с мелкими клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тень на засохшие глинистые колеи и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шум колес и бубенчиков не заглушает песен жаворонков, которые вьются около самой дороги. Запах съеденного молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которым отличается наша бричка, покрывается запахом утра, и я чувствую в душе отрадное беспокойство, желание что-то сделать – признак истинного наслаждения.

Я не успел помолиться на постоялом дворе⁷⁵; но так как уже не раз замечено мною, что в тот день, в который я по каким-нибудь обстоятельствам забываю исполнить этот обряд, со мною случается какое-нибудь несчастье, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваясь в угол брички, читаю молитвы и крещусь под курточкой так, чтобы никто не видал этого. Но тысячи различных предметов отвлекают мое внимание, и я несколько раз сряду в рассеянности повторяю одни и те же слова молитвы.

Вот на пешеходной тропинке, вьющейся около дороги, виднеются какие-то медленно движущиеся фигуры: это богомолки⁷⁶. Головы их закутаны грязными

⁷³ *Кормяга* (или *комяга*) – топорно выдолбленное корытом бревно.

⁷⁴ *Жнивье* – невспаханное поле с остатками соломы на корню, с которого сжаты хлеба; иначе: стерня.

⁷⁵ *Постоялый двор* – комнаты для ночлега приезжих, трактир, а также двор для лошадей и экипажей.

⁷⁶ *Богомолки* – отличающиеся особой набожностью женщины (как правило, незамужние), проводящие большую часть времени в молитвах и совершающие паломничество в Святые места, то есть в места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа.

платками, за спинами берестовые котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами⁷⁷ и обуты в тяжелые лапти. Равномерно размахивая палками и едва оглядываясь на нас, они медленным тяжелым шагом подвигаются вперед одна за другою, и меня занимают вопросы: куда, зачем они идут? долго ли продолжится их путешествие, и скоро ли длинные тени, которые они бросают на дорогу, соединятся с тенью ракиты, мимо которой они должны пройти. Вот коляска, четверкой, на почтовых быстро несется навстречу. Две секунды, и лица, на расстоянии двух аршин⁷⁸, приветливо, любопытно

смотревшие на нас, уже промелькнули, и как-то странно кажется, что эти лица не имеют со мной ничего общего и что их никогда, может быть, не увидишь больше.

Вот стороной дороги бегут две потные, косматые лошади в хомутах с захлестнутыми за шлеи постромками⁷⁹, и сзади, свесив длинные ноги в больших сапогах по обеим сторонам лошади, у которой на холке висит дуга и изредка чуть слышно побрякивает колокольчиком, едет молодой парень ямщик и, сбив на одно ухо поярковую⁸⁰ шляпу, тянет какую-то протяжную песню. Лицо и поза его выражают так много ленивого, беспечного довольства, что мне кажется, верх счастья быть ямщиком, ездить обратным и петь грустные песни. Вон далеко за оврагом виднеется на светло-голубом небе деревенская церковь с зеленой крышей; вон село, красная крыша барского дома и зеленый сад. Кто живет в этом доме? есть ли в нем дети, отец, мать, учитель? Отчего бы нам не поехать в этот дом и не познакомиться с хозяевами? Вот длинный обоз огромных возов, запряженных тройками сытых толстоногих лошадей, который мы принуждены объезжать стороною.

«Что везете?» – спрашивает Василий у первого извозчика, который, спустив огромные ноги с грядок и помахивая кнутиком, долго пристально-бессмысленным взором следит за нами и отвечает что-то только тогда, когда его невозможно слышать. «С каким товаром?» – обращается Василий к другому возу, на огороженном передке которого, под новой рогожей, лежит другой извозчик. Русая голова с красным лицом и рыжеватой бородкой на минуту высовывается из-под рогожи, равнодушно-презрительным взглядом окидывает нашу бричку и снова скрывается – и мне приходят мысли, что, верно, эти извозчики не знают, кто мы такие и откуда и куда едем?..

Часа полтора углубленный в разнообразные наблюдения, я не обращаю внимания на кривые цифры, выставленные на верстах. Но вот солнце начинает жарче печь мне голову и спину, дорога становится пылее, треугольная крышка чайницы начинает сильно беспокоить меня, я несколько раз переменяю положение: мне становится жарко, неловко и скучно. Все мое внимание обращается на верстовые столбы и на цифры, выставленные на них; я делаю различные математические вычисления насчет времени, в которое мы можем приехать на станцию. «Двенадцать верст составляют треть тридцати шести, а до Липец сорок одна, следовательно, мы проехали одну треть и сколько?» и т. д.

– Василий, – говорю я, когда замечаю, что он начинает удить рыбу на козлах⁸¹, – пусти меня на козлы, голубчик.

Василий соглашается. Мы переменяемся местами: он тотчас же начинает храпеть и разваливается так, что в бричке уже не остается больше ни для кого места; а передо

⁷⁷ Онучи – длинная, широкая (около 30 см) полоса ткани белого, черного или коричневого цвета (холщовой, шерстяной) для обмотки ноги до колена (при обувании в лапти). Элемент традиционной русской крестьянской одежды.

⁷⁸ Аршин – принятая с 16 века на Руси мера длины, равная 71,12 см.

⁷⁹ Постромки – толстые ремни или веревки, использующиеся в упряжке.

⁸⁰ Поярковая – то есть из поярка; поярка – шерсть с ярки, первой стрижки, с овцы по первой осени.

⁸¹ Удить рыбу – (иносказательно) дремать (клевать носом).

мною открывается с высоты, которую я занимаю, самая приятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячок, Левая коренная и Аптекарь, все изученные мною до малейших подробностей и оттенков свойств каждой.

– Отчего это нынче Дьячок на правой пристяжке, а не на левой, Филипп? – несколько робко спрашиваю я.

– Дьячок?

– А Неручинская ничего не везет, – говорю я.

– Дьячка нельзя налево впрягать, – говорит Филипп, не обращая внимания на мое последнее замечание, – не такая лошадь, чтоб его на левую пристяжку запрягать. Налево уж нужно такую лошадь, чтоб, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филипп с этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая вожжой из всех сил, принимается стегать бедного Дьячка по хвосту и по ногам, как-то особенным манером, снизу, и, несмотря на то, что Дьячок старается из всех сил и воротит всю бричку, Филипп прекращает этот маневр только тогда, когда чувствует необходимость отдохнуть и сдвинуть неизвестно для чего свою шляпу на один бок, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидела на его голове. Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мне поправить. Филипп дает мне сначала одну вожжу, потом другую; наконец все шесть вожжей и кнут переходят в мои руки, и я совершенно счастлив. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли? но обыкновенно кончается тем, что он остается мною недоволен: говорит, что та много везет, а та ничего не везет, высовывает локоть из-за моей груди и отнимает у меня вожжи. Жар все усиливается, барашки начинают вздвигаться, как мыльные пузыри, выше и выше, сходятся и принимают темно-серые тени. В окно кареты высовывается рука с бутылкой и узелком; Василий с удивительной ловкостью на ходу соскакивает с козел и приносит нам ватрушек и квасу.

На крутом спуске мы все выходим из экипажей и иногда вперегонки бежим до моста, между тем как Василий и Яков, подтормозив колеса, с обеих сторон руками поддерживают карету, как будто они в состоянии удержать ее, ежели бы она упала. Потом, с позволения Мими, я или Володя отправляемся в карету, а Любочка или Катенька садятся в бричку. Перемещения эти доставляют большое удовольствие девочкам, потому что они справедливо находят, что в бричке гораздо веселей. Иногда во время жара, проезжая через рошу, мы отстаем от кареты, нарываем зеленых веток и устраиваем в бричке беседку.

Движущаяся беседка во весь дух догоняет карету, и Любочка пищит при этом самым пронзительным голосом, чего она никогда не забывает делать при каждом случае, доставляющем ей большое удовольствие.

Но вот и деревня, в которой мы будем обедать и отдыхать. Вот уж запахло деревней – дымом, дегтем, баранками, слышались звуки говора, шагов и колес; бубенчики уже звенят не так, как в чистом поле, и с обеих сторон мелькают избы, с соломенными кровлями, резными тесовыми крылечками и маленькими окнами с красными и зелеными ставнями, в которые кое-где просовывается лицо любопытной бабы. Вот крестьянские мальчики и девочки в одних рубашонках: широко раскрыв глаза и растопырив руки, неподвижно стоят они на одном месте или, быстро семеня в пыли босыми ножонками, несмотря на угрожающие жесты Филиппа, бегут за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вот и рыжеватые дворники с обеих сторон подбегают к экипажам и привлекательными словами и жестами один перед другим стараются заманить проезжающих.

Тпруу! Ворота скрипят, вальки цепляют за воротаща⁸², и мы въезжаем на двор. Четыре часа отдыха и свободы!

Глава II

Гроза

Солнце склонялось к западу и косыми жаркими лучами невыносимо жгло мне шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленных краев брички; густая пыль поднималась по дороге и наполняла воздух. Не было ни малейшего ветерка, который бы относил ее. Впереди нас, на одинаковом расстоянии, мерно покачивался высокий запыленный кузов кареты с важами⁸³, из-за которого виднелся изредка кнут, которым помахивал кучер, его шляпа и фуражка Якова. Я не знал, куда деваться: ни черное от пыли лицо Володи, дремавшего подле меня, ни движения спины Филиппа, ни длинная тень нашей брички, под косым углом бежавшая за нами, не доставляли мне развлечения. Все мое внимание было обращено на верстовые столбы, которые я замечал издали, и на облака, прежде рассыпанные по небосклону, которые, приняв зловещие, черные тени, теперь собирались в одну большую, мрачную тучу. Изредка погромыхивал дальний гром.

Это последнее обстоятельство более всего усиливало мое нетерпение скорее приехать на постоялый двор. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни оставалось еще верст девять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся бог знает откуда, без малейшего ветра, но быстро подвигалась к нам. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освещает ее мрачную фигуру и серые полосы, которые от нее идут до самого горизонта. Изредка вдалеке вспыхивает молния и слышится слабый гул, постоянно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь небосклон. Василий приподнимается с козел и поднимает верх брички; кучера надевают армяки⁸⁴ и при каждом ударе грома снимают шапки и крестятся; лошади настораживают уши, раздувают ноздри, как будто приносясь к свежему воздуху, которым пахнет от приближающейся тучи, и бричка скорее катит по пыльной дороге. Мне становится жутко, и я чувствую, как кровь быстрее обращается в моих жилах. Но вот передовые облака уже начинают закрывать солнце; вот оно выглянуло в последний раз, осветило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдруг изменяется и принимает мрачный характер. Вот задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бело-мутного цвета, ярко выдающегося на лиловом фоне тучи, шумят и вертятся; макушки больших берез начинают раскачиваться, и пучки сухой травы летят через дорогу. Стрижи и белогрудые ласточки, как будто с намерением остановить нас, реют вокруг брички и пролетают под самой грудью лошадей; галки с растрепанными крыльями как-то боком летают по ветру; края кожаного фартука, которым мы застегнулись, начинают подниматься, пропускать к нам порывы влажного ветра и, размахиваясь, биться о кузова

⁸² Вальки – в упряжи пристяжных бруски, на которые надеваются постромки, они торчат наружу и задевают ворота.

⁸³ Кузов с важами – основная часть кареты или другого экипажа, для сидения и поклажи. Важи вмещают тяжелую поклажу.

⁸⁴ Армяк – широкое, долгополое одеяние свободного покроя, напоминающее халат. С XV–XVI вв. распространенная крестьянская одежда (особенно на Урале и в Поволжье), в XIX веке армяки носили преимущественно ямщики.

брички. Молния вспыхивает как будто в самой бричке, ослепляет зрение и на одно мгновение освещает серое сукно, басон⁸⁵ и прижавшуюся к углу фигуру Володи. В ту же секунду над самой головой раздается величественный гул, который, как будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линии, постепенно усиливается и переходит в оглушительный треск, невольно заставляющий трепетать и сдерживать дыхание. Гнев Божий! Как много поэзии в этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорее и скорее; по спинам Василия и Филиппа, который нетерпеливо помахивает вожжами, я замечаю, что и они боятся. Бричка шибко катится под гору и стучит по дощатому мосту; я боюсь пошевелиться и с минуты на минуту ожидаю нашей общей гибели.

Тпру! оторвался валеk и на мосту, несмотря на непрерывные оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Прислонив голову к краю брички, я с захватывающим дыханием замираю сердцем безнадежно слежу за движениями толстых черных пальцев Филиппа, который медлительно захлестывает петлю и выравнивает постромки, толкая пристяжную ладонью и кнутовищем.

Тревожные чувства тоски и страха увеличивались во мне вместе с усилением грозы, но когда пришла величественная минута безмолвия, обыкновенно предшествующая разражению грозы, чувства эти дошли до такой степени, что, продолжись это состояние еще четверть часа, я уверен, что умер бы от волнения. В это самое время из-под моста вдруг появляется, в одной грязной дырявой рубахе, какое-то человеческое существо с опухшим бессмысленным лицом, качающейся, ничем не покрытой обстриженной головой, кривыми безмускульными ногами и с какой-то красной, глянцеvитой култыпкой вместо руки, которую он сует прямо в бричку.

– Ба-а-шка! убо-го-му Хри-ста ра-ди, – звучит болезненный голос, и нищий с каждым словом крестится и кланяется в пояс.

Не могу выразить чувства холодного ужаса, охватившего мою душу в эту минуту. Дрожь пробежала по моим волосам, а глаза с бессмыслием страха были устремлены на нищего...

Василий, в дороге подающий милостыню, дает наставления Филиппу насчет укрепления валька и, только когда все уже готово и Филипп, собирая вожжи, лезет на козлы, начинает что-то доставать из бокового кармана. Но только что мы трогаемся, ослепительная молния, мгновенно наполняя огненным светом всю лошину⁸⁶, заставляет лошадей остановиться и, без малейшего промежутка, сопровождается таким оглушительным треском грома, что кажется, весь свод небес рушится над нами.

Ветер еще усиливается: гривы и хвосты лошадей, шинель Василья и края фартука принимают одно направление и отчаянно развеваются от порывов неистового ветра. На кожаный верх брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдруг как будто кто-то забарабанил над нами, и вся окрестность огласилась равномерным шумом падающего дождя.

По движениям локтей Василья я замечаю, что он развязывает кошелек; нищий, продолжая креститься и кланяться, бежит подле самых колес, так что, того и гляди, раздавят его. «Поддай Христа ра-ди». Наконец медный грош летит мимо нас, и жалкое созданье, в обтянутом его худые члены, промокшем до нитки рубище⁸⁷, качаясь от ветра, в недоумении останавливается посреди дороги и исчезает из моих глаз.

⁸⁵ Басон – шерстяная тесьма.

⁸⁶ Лощина – низменность, низко расположенная долина.

⁸⁷ Рубище – ветхая рваная одежда.

Косой дождь, гонимый сильным ветром, лил как из ведра; с фризовой⁸⁸ спины Василья текли потоки в лужу мутной воды, образовавшуюся на фартуке. Сначала сбитая катышками пыль превратилась в жидкую грязь, которую месили колеса, толчки стали меньше, и по глинистым колеям потекли мутные ручьи. Молния светила шире и бледнее, и раскаты грома уже были не так поразительны за равномерным шумом дождя.

Но вот дождь становится мельче; туча начинает разделяться на волнистые облака, светлеть в том месте, в котором должно быть солнце, и сквозь серовато-белые края тучи чуть виднеется клочок ясной лазури. Через минуту робкий луч солнца уже блестит в лужах дороги, на полосах падающего, как сквозь сито, мелкого прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Черная туча так же грозно застилает противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ее. Я испытываю невыразимо отрадное чувство надежды в жизни, быстро заменяющее во мне тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается так же, как и освеженная, повеселевшая природа. Василий откидывает воротник шинели, снимает фуражку и отряхивает ее; Володя откидывает фартук; я высовываюсь из брички и жадно впиваю в себя освеженный душистый воздух. Блестящий, обмытый кузов кареты с важами и чемоданами покачивается перед нами, спины лошадей, шлеи⁸⁹, вожжи, шины колес – все мокро и блестит на солнце, как покрытое лаком. С одной стороны дороги – необозримое озимое поле, кое-где перерезанное неглубокими овражками, блестит мокрой землей и зеленью и расстилается тенистым ковром до самого горизонта; с другой стороны – осиновая роща, поросшая ореховым и черемушным подседом⁹⁰, как бы в избытке счастья стоит, не шелохнется и медленно роняет с своих обмытых ветвей светлые капли дождя на сухие прошлогодние листья. Со всех сторон вьются с веселой песней и быстро падают хохлатые жаворонки; в мокрых кустах слышно хлопотливое движение маленьких птичек, и из середины рощи ясно долетают звуки кукушки. Так обаятелен этот чудный запах леса после весенней грозы, запах березы, фиалки, прелого листа, сморчков, черемухи, что я не могу усидеть в бричке, соскакиваю с подножки, бегу к кустам и, несмотря на то, что меня осыпает дождевыми каплями, рву мокрые ветки распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом. Не обращая даже внимания на то, что к сапогам моим липнут огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бегу к окну кареты.

– Любочка! Катенька! – кричу я, подавая туда несколько веток черемухи, – посмотри, как хорошо!

Девочки пищат, ахают; Мими кричит, чтобы я ушел, а то меня непременно раздавят.

– Да ты понюхай, как пахнет! – кричу я.

Глава III

⁸⁸ Фриз – грубая ворсистая шерстяная ткань.

⁸⁹ Шлея – часть конской упряжи, состоящая из нескольких ремней.

⁹⁰ Подсед – молодая поросль в лесу.

Новый взгляд

Катенька сидела подле меня в бричке и, склонив свою хорошенькую головку, задумчиво следила за убегающей под колесами пыльной дорогой. Я молча смотрел на нее и удивлялся тому не детски грустному выражению, которое в первый раз встречал на ее розовеньком личике.

– А вот скоро мы и приедем в Москву, – сказал я, – как ты думаешь, какая она?

– Не знаю, – отвечала она нехотя.

– Ну все-таки, как ты думаешь: больше Серпухова или нет?..

– Что?

– Я ничего.

Но по тому инстинктивному чувству, которым один человек угадывает мысли другого и которое служит путеводною нитью разговора, Катенька поняла, что мне больно ее равнодушие; она подняла голову и обратилась ко мне:

– Папа говорил вам, что мы будем жить у бабушки?

– Говорил; бабушка хочет совсем с нами жить.

– И все будем жить?

– Разумеется; мы будем жить наверху в одной половине; вы в другой половине; а папа во флигеле; а обедать будем все вместе, внизу у бабушки.

– Мамап говорит, что бабушка такая важная – сердитая?

– Не-ет! Это только так кажется сначала. Она важная, но совсем не сердитая; напротив, очень добрая, веселая. Коли бы ты видела, какой бал был в ее именины!

– Все-таки я боюсь ее; да, впрочем, Бог знает, будем ли мы...

Катенька вдруг замолчала и опять задумалась.

– Что-о? – спросил я с беспокойством.

– Ничего, я так.

– Нет, ты что-то сказала: «Бог знает...»

– Так ты говорил, какой был бал у бабушки.

– Да вот жалко, что вас не было; гостей было пропасть, человек тысяча, музыка, генералы, и я танцевал... Катенька! – сказал я вдруг, останавливаясь в середине своего описания, – ты не слушаешь?

– Нет, слышу; ты говорил, что ты танцевал.

– Отчего ты такая скучная?

– Не всегда же веселой быть.

– Нет, ты очень переменилась с тех пор, как мы приехали из Москвы. Скажи по правде, – прибавил я с решительным видом, поворачиваясь к ней, – отчего ты стала какая-то странная?

– Будто я странная? – отвечала Катенька с одушевлением, которое доказывало, что мое замечание интересовало ее, – я совсем не странная.

– Нет, ты уж не такая, как прежде, – продолжал я, – прежде видно было, что ты во всем с нами заодно, что ты нас считаешь как родными и любишь так же, как и мы тебя, а теперь ты стала такая серьезная, удаляешься от нас...

– Совсем нет...

– Нет, дай мне договорить, – перебил я, уже начиная ощущать легкое щекотанье в носу, предшествующее слезам, которые всегда наворачивались мне на глаза, когда я высказывал давно сдержанную задушевную мысль, – ты удаляешься от нас, разговариваешь только с Мими, как будто не хочешь нас знать.

– Да ведь нельзя же всегда оставаться одинаковыми; надобно когда-нибудь и перемениться, – отвечала Катенька, которая имела привычку объяснять все какою-то фаталистическою⁹¹ необходимостью, когда не знала, что говорить.

Я помню, что раз, поссорившись с Любочкой, которая назвала ее глупой девочкой, она ответила: не всем же умным быть, надо и глупым быть; но меня не удовлетворил ответ, что надо же и перемениться когда-нибудь, и я продолжал допрашивать:

– Для чего же это надо?

– Ведь не всегда же мы будем жить вместе, – отвечала Катенька, слегка краснея и пристально вглядываясь в спину Филиппа. – Маменька могла жить у покойницы вашей маменьки, которая была ее другом; а с графиней, которая, говорят, такая сердитая, еще, Бог знает, сойдутся ли они? Кроме того, все-таки когда-нибудь да мы разойдемся: вы богаты – у вас есть Петровское, а мы бедные – у маменьки ничего нет.

Вы богаты – мы бедны: эти слова и понятия, связанные с ними, показались мне необыкновенно странны. Бедными, по моим тогдашним понятиям, могли быть только нищие и мужики, и это понятие бедности я никак не мог соединить в своем воображении с грациозной, хорошенькой Катей. Мне казалось, что Мими и Катенька ежели всегда жили, то всегда и будут жить с нами и делить все поровну. Иначе и быть не могло. Теперь же тысячи новых, неясных мыслей, касательно одинокого положения их, зароились в моей голове, и мне стало так совестно, что мы богаты, а они бедны, что я покраснел и не мог решиться взглянуть на Катеньку.

«Что ж такое, что мы богаты, а они бедны? – думал я, – и каким образом из этого вытекает необходимость разлуки? Отчего ж нам не разделить поровну того, что имеем?» Но я понимал, что с Катенькой не годится говорить об этом, и какой-то практический инстинкт, в противность этим логическим размышлениям, уже говорил мне, что она права и что неуместно бы было объяснять ей свою мысль.

– Неужели точно ты уедешь от нас? – сказал я, – как же это мы будем жить врозь?

– Что же делать, мне самой больно; только ежели это случится, я знаю, что я сделаю...

– В актрисы пойдешь... вот глупости! – подхватил я, зная, что быть актрисой было всегда любимой мечтой ее.

– Нет, это я говорила, когда была маленькой...

– Так что же ты сделаешь?

– Пойду в монастырь и буду там жить, буду ходить в черненьком платьице, в бархатной шапочке.

Катенька заплакала.

Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества.

Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал.

Мысль переходит в убеждение только одним известным путем, часто совершенно неожиданным и особенным от путей, которые, чтобы приобрести то же убеждение,

⁹¹ Фатализм – вера в то, что все события в жизни человека предопределены судьбой.

проходят другие умы. Разговор с Катенькой, сильно тронувший меня и заставивший задуматься над ее будущим положением, был для меня этим путем. Когда я глядел на деревни и города, которые мы проезжали, в которых в каждом доме жило по крайней мере такое же семейство, как наше, на женщин, детей, которые с минутным любопытством смотрели на экипаж и навсегда исчезали из глаз, на лавочников, мужиков, которые не только не кланялись нам, как я привык видеть это в Петровском, но не удостоивали нас даже взглядом, мне в первый раз пришел в голову вопрос: что же их может занимать, ежели они нисколько не заботятся о нас? и из этого вопроса возникли другие: как и чем они живут, как воспитывают своих детей, учат ли их, пускают ли играть, как наказывают? и т. д.

Глава VII

Дробь

– Боже мой, порох!.. – воскликнула Мими задыхающимся от волнения голосом. – Что вы делаете? Вы хотите сжечь дом, погубить всех нас...

И с неописанным выражением твердости духа Мими приказала всем посторониться, большими, решительными шагами подошла к рассыпанной дроби и, презирая опасность, могущую произойти от неожиданного взрыва, начала топтать ее ногами. Когда, по ее мнению, опасность уже миновалась, она позвала Михея и приказала ему выбросить весь этот порох куда-нибудь подальше или, всего лучше, в воду и, гордо встряхивая чепцом, направилась к гостиной. «Очень хорошо за ними смотрят, нечего сказать», – проворчала она.

Когда папа пришел из флигеля и мы вместе с ним пошли к бабушке, в комнате ее уже сидела Мими около окна и с каким-то таинственно-официальным выражением грозно смотрела мимо двери. В руке ее находилось что-то завернутое в несколько бумажек. Я догадался, что это была дробь и что бабушке уже все известно.

Кроме Мими, в комнате бабушки находились еще горничная Гаша, которая, как заметно было по ее гневному, покрасневшему лицу, была сильно расстроена, и доктор Блюменталь, маленький, рябоватый человечек, который тщетно старался успокоить Гашу, делая ей глазами и головой таинственные миротворные знаки.

Сама бабушка сидела несколько боком и раскладывала пасьянс Путешественник, что всегда означало весьма неблагоприятное расположение духа.

– Как себя чувствуете нынче, татап? хорошо ли почивали⁹²? – сказал папа, почтительно целуя ее руку.

– Прекрасно, мой милый; вы, кажется, знаете, что я всегда совершенно здорова, – отвечала бабушка таким тоном, как будто вопрос папа был самый неуместный и оскорбительный вопрос. – Что ж, хотите вы мне дать чистый платок? – продолжала она, обращаясь к Гаше.

– Я вам подала, – отвечала Гаша, указывая на белый, как снег, батистовый платок, лежавший на ручке кресел.

– Возьмите эту грязную ветошку и дайте мне чистый, моя милая.

Гаша подошла к шифоньерке⁹³, выдвинула ящик и так сильно хлопнула им, что стекла задрожали в комнате. Бабушка грозно оглянулась на всех нас и продолжала пристально следить за всеми движениями горничной. Когда она подала ей, как мне показалось, тот же самый платок, бабушка сказала:

⁹² Почивать – (устаревшее) спать.

⁹³ Шифоньерка – шкафчик для хранения белья и мелких вещей.

– Когда же вы мне натрете табак, моя милая?
– Время будет, так натру.
– Что вы говорите?
– Натру нынче.
– Ежели вы не хотите мне служить, моя милая, вы бы так и сказали: я бы давно вас отпустила.
– И отпустите, не заплачут, – проворчала вполголоса горничная.
В это время доктор начал было мигать ей; но она так гневно и решительно посмотрела на него, что он тотчас же потушился и занялся ключиком своих часов.
– Видите, мой милый, – сказала бабушка, обращаясь к папа, когда Гаша, продолжая ворчать, вышла из комнаты, – как со мной говорят в моем доме?
– Позвольте, тамап, я сам натру вам табак, – сказал папа, приведенный, по-видимому, в большое затруднение этим неожиданным обращением.
– Нет уж, благодарю вас: она ведь оттого так и груба, что знает, никто, кроме нее, не умеет стереть табак, как я люблю. Вы знаете, мой милый, – продолжала бабушка после минутного молчания, – что ваши дети нынче чуть было дом не сожгли?
Папа с почтительным любопытством смотрел на бабушку.
– Да, они вот чем играют. Покажите им, – сказала она, обращаясь к Мими.
Папа взял в руки дробь и не мог не улыбнуться.
– Да это дробь, тамап, – сказал он, – это совсем не опасно.
– Очень вам благодарна, мой милый, что вы меня учите, только уж я стара слишком...
– Нервы, нервы! – прошептал доктор.
И папа тотчас обратился к нам:
– Где вы это взяли? и как смеее шалить такими вещами?
– Нечего их спрашивать, а надо спросить их дядьку, – сказала бабушка, особенно презрительно выговаривая слово «дядька», – что он смотрит?
– Вольдемар сказал, что сам Карл Иваныч дал ему этот порох, – подхватила Мими.
– Ну вот видите, какой он хороший, – продолжала бабушка, – и где он, этот дядька, как бишь его? пошлите его сюда.
– Я его отпустил в гости, – сказал папа.
– Это не резон; он всегда должен быть здесь. Дети не мои, а ваши, и я не имею права советовать вам, потому что вы умнее меня, – продолжала бабушка, – но кажется, пора бы для них нанять гувернера, а не дядьку, немецкого мужика. Да, глупого мужика, который их ничему научить не может, кроме дурным манерам и тирольским песням. Очень нужно, я вас спрашиваю, детям уметь петь тирольские песни. Впрочем, теперь некому об этом подумать, и вы можете делать, как хотите.
Слово «теперь» значило: когда у них нет матери, и вызвало грустные воспоминания в сердце бабушки, – она опустила глаза на табакерку с портретом и задумалась.
– Я давно уже думал об этом, – поспешил сказать папа, - и хотел посоветоваться с вами, тамап: не пригласить ли нам St.-Jerome'a, который теперь по билетам дает им уроки?
– И прекрасно сделаешь, мой друг, – сказала бабушка уже не тем недовольным голосом, которым говорила прежде, – St.-Jerome по крайней мере *gouverneur*⁹⁴, который поймет, как нужно вести *des enfants de bonne maison*⁹⁵, а не простой *menin* дядька, который годен только на то, чтобы водить их гулять.

⁹⁴ гувернер (фр).

⁹⁵ детей из хорошей семьи (фр.).

– Я завтра же поговорю с ним, – сказал папа. И действительно, через два дня после этого разговора Карл Иваныч уступил свое место молодому щеголю французу.

Глава VIII

История Карла Иваныча

Поздно вечером накануне того дня, в который Карл Иваныч должен был навсегда уехать от нас, он стоял в своем ваточном халате и красной шапочке подле кровати и, нагнувшись над чемоданом, тщательно укладывал в него свои вещи.

Обращение с нами Карла Иваныча в последнее время было как-то особенно сухо: он как будто избегал всяких с нами сношений. Вот и теперь, когда я вошел в комнату, он взглянул на меня исподлобья и снова принялся за дело. Я прилег на свою постель, но Карл Иваныч, прежде строго запрещающий делать это, ничего не сказал мне, и мысль, что он больше не будет ни бранить, ни останавливать нас, что ему нет теперь до нас никакого дела, живо припомнила мне предстоящую разлуку. Мне стало грустно, что он разлюбил нас, и хотелось выразить ему это чувство.

– Позвольте, я помогу вам, Карл Иваныч, – сказал я, подходя к нему.

Карл Иваныч взглянул на меня и снова отвернулся, но в беглом взгляде, который он бросил на меня, я прочел не равнодушие, которым объяснял его холодность, но искреннюю, сосредоточенную печаль.

– Бог все видит и все знает, и на все его святая воля, – сказал он, выпрямляясь во весь рост и тяжело вздыхая. – Да, Николенька, – продолжал он, заметив выражение неприятного участия, с которым я смотрел на него, – моя судьба быть несчастливым с самого моего детства и по гробовую доску. Мне всегда платили злом за добро, которое я делал людям, и моя награда не здесь, а оттуда, – сказал он, указывая на небо. – Когда б вы знали мою историю и все, что я перенес в этой жизни!.. Я был сапожник, я был солдат, я был дезертир, я был фабрикант, я был учитель, и теперь я нуль! и мне, как сыну Божию, некуда преклонить свою голову, – заключил он и, закрыв глаза, опустил в свое кресло.

Заметив, что Карл Иваныч находился в том чувствительном расположении духа, в котором он, не обращая внимания на слушателей, высказывал для самого себя свои душевные мысли, я, молча и не спуская глаз с его доброго лица, сел на кровать.

– Вы не дитя, вы можете понимать. Я вам скажу свою историю и все, что я перенес в этой жизни. Когда-нибудь вы вспомните старого друга, который вас очень любил, дети!..

Карл Иваныч облокотился рукою о столик, стоявший подле него, понюхал табак и, закатив глаза к небу, тем особенным, мерным горловым голосом, которым он обыкновенно диктовал нам, начал так свое повествование:

– Я был несчастлив ишо во чрева моей матрри. Das Unglück verfolgte mich schon im Scosse meiner Mutter! – повторил он еще с большим чувством.

Так как Карл Иваныч не один раз, в одинаковом порядке, одних и тех же выражениях и с постоянно неизменяемыми интонациями, рассказывал мне впоследствии свою историю, я надеюсь передать ее почти слово в слово; разумеется, исключая неправильности языка, о которой читатель может судить по первой фразе. Была ли это действительно его история или произведение фантазии, родившееся во время его одинокой жизни в нашем доме, которому он и сам начал верить от частого повторения, или он только украсил фантастическими фактами действительные события своей жизни – не решил еще я до сих пор. С одной стороны, он с слишком живым чувством и методическою последовательностью, составляющими главные признаки

правдоподобности, рассказывал свою историю, чтобы можно было не верить ей; с другой стороны, слишком много было поэтических красот в его истории; так что именно красоты эти вызывали сомнения.

«В жилах моих течет благородная кровь графов фон Зомерблат! In meinen Adern fließt das edle Blut des Grafen von Sommerblat! Я родился шесть недель после свадьбы. Муж моей матери (я звал его папенька) был арендатор у графа Зомерблат. Он не мог позабыть стыда моей матери и не любил меня. У меня был маленький брат Johann и две сестры; но я был чужой в своем собственном семействе! Ich war ein Fremder in meiner eigenen Familie! Когда Johann делал глупости, папенька говорил: «С этим ребенком Карлом мне не будет минуты покоя!», меня бранили и наказывали. Когда сестры ссорились между собой, папенька говорил: «Карл никогда не будет послушный мальчик!», меня бранили и наказывали. Одна моя добрая маменька любила и ласкала меня. Часто она говорила мне: «Карл подите сюда, в мою комнату», и она потихоньку целовала меня. «Бедный, бедный Карл! – сказала она, – никто тебя не любит, но я ни на кого тебя не променяю. Об одном тебя просит твоя маменька, – говорила она мне, – учись хорошенько и будь всегда честным человеком, Бог не оставит тебя! Trachte nur ein ehrlicher Deutscher zu werden, – sagte sie, – und der liebe Gott wird dich nicht verlassen!»⁹⁶ И я старался. Когда мне минуло четырнадцать лет и я мог идти к причастию, моя маменька сказала моему папеньке: «Карл стал большой мальчик, Густав; что мы будем с ним делать?» И папенька сказал: «Я не знаю» Тогда маменька сказала: «Отдадим его в город к господину Шульц, пускай он будет сапожник!», и папенька сказал: «Хорошо», und mein Vater sagte «gut». Шесть лет и семь месяцев я жил в городе у сапожного мастера, и хозяин любил меня. Он сказал: «Карл хороший работник, и скоро он будет моим Geselle»⁹⁷, но... человек предполагает, а Бог располагает... в 1796 году была назначена Konskription⁹⁸, и все, кто мог служить, от восемнадцати до двадцать первого года, должны были собраться в город.

Папенька и брат Johann приехали в город, и мы вместе пошли бросить Loos⁹⁹, кому быть Soldat и кому не быть Soldat. Johann вытащил дурной номер – он должен быть Soldat, я вытащил хороший номер – я не должен быть Soldat. И папенька сказал: «У меня был один сын, и с тем я должен расстаться! Ich hatte einen einzigen Sohn und von diesem muss ich mich trennen!»

Я взял его за руку и сказал: «Зачем вы сказали так, папенька? Пойдемте со мной, я вам скажу что-нибудь». И папенька пошел. Папенька пошел, и мы сели в трактир за маленький столик. «Дайте нам пару Bierkrug»¹⁰⁰, – я сказал, и нам принесли. Мы выпили по стаканчик, и брат Johann тоже выпил.

– Папенька! – я сказал, – не говорите так, что «у вас был один сын, и вы с тем должны расстаться», у меня сердце хочет выпрыгнуть, когда я этого слышу. Брат Johann не будет служить – я буду Soldat!.. Карл здесь никому не нужен, и Карл будет Soldat.

– Вы честный человек, Карл Иваныч! – сказал мне папенька и поцеловал меня. – Du bist ein braver Bursche! – sagte mir mein Vater und kusste mich.

И я был Soldat!»

⁹⁶ Стремись только быть честным немцем, – говорила она, – и милосердный Бог не оставит тебя! (нем.).

⁹⁷ подмастерьем (нем.).

⁹⁸ рекрутский набор (нем.).

⁹⁹ жребий (нем.).

¹⁰⁰ кружек пива (нем.).

Глава IX

Продолжение предыдущей

«Тогда было страшное время, Николенька, – продолжал Карл Иваныч, – тогда был Наполеон¹⁰¹. Он хотел завоевать Германию, и мы защищали свое отечество до последней капли крови! und wir verteidigten unser Vaterland bis auf den letzten Tropfen Blut! Я был под Ульм, я был под Аустерлиц! я был под Ваграм! ich war bei Wagram!»

– Неужели вы тоже воевали? – спросил я, с удивлением глядя на него. – Неужели вы тоже убивали людей?

Карл Иваныч тотчас же успокоил меня на этот счет.

«Один раз французский Grenadier¹⁰² отстал от своих и упал на дороге. Я прибежал с ружьем и хотел проколоть его, aber der Franzose warf sein Gewehr und rief pardon¹⁰³, и я пустил его!

Под Ваграм Наполеон загнал нас на остров и окружил так, что никуда не было спасенья. Трое суток у нас не было провианта, и мы стояли в воде по колени. Злодей Наполеон не брал и не пускал нас! und der Boscawicht Napoleon wollte uns nicht gefangen nehmen und auch nicht freilassen!

На четвертые сутки нас, слава богу, взяли в плен и отвели в крепость. На мне был синий панталон, мундир из хорошего сукна, пятнадцать талеров денег и серебряные часы – подарок моего папеньки. Французский Soldat все взял у меня. На мое счастье, у меня было три червонца, которые маменька зашила мне под фуфайку. Их никто не нашел!

В крепости я не хотел долго оставаться и решился бежать. Один раз, в большой праздник, я сказал сержанту, который смотрел за нами: «Господин сержант, нынче большой праздник, я хочу вспомнить его. Принесите, пожалуйста, две бутылочки мадер¹⁰⁴, и мы вместе выпьем ее». И сержант сказал: «Хорошо». Когда сержант принес мадер и мы выпили по рюмочке, я взял его за руку и сказал: «Господин сержант, может быть, у вас есть отец и мать?..» Он сказал: «Есть, господин Мауер...» – «Мой отец и мать, – я сказал, – восемь лет не видали меня и не знают, жив ли я или кости мои давно лежат в сырой земле. О господин сержант! у меня есть два червонца, которые были под моей фуфайкой, возьмите их и пустите меня. Будьте моим благодетелем, и моя маменька всю жизнь будет молить за вас всемогущего Бога».

Сержант выпил рюмочку мадеры и сказал: «Господин Мауер, я очень люблю и жалею вас, но вы пленный, а я Soldat!» Я пожал его за руку и сказал: «Господин сержант!» Ich druckte ihm die Hand und sagte: «Herr Sergeant!»

И сержант сказал: «Вы бедный человек, и я не возьму ваши деньги, но помогу вам. Когда я пойду спать, купите ведро водки солдатам, и они будут спать. Я не буду смотреть на вас».

Он был добрый человек. Я купил ведро водки, и когда Soldat были пьяны, я надел сапоги, старый шинель и потихонько вышел за дверь. Я пошел на вал и хотел прыгнуть, но там была вода, и я не хотел спортить последнее платье: я пошел в ворота.

Часовой ходил с ружьем auf und ab¹⁰⁵ и смотрел на меня. «Qui vive?» – sagte er auf einmal¹⁰⁶, и я молчал. «Qui vive?» – sagte er zum weiten Mal¹⁰⁷, и я молчал, «Qui vive?» –

¹⁰¹ Карл Иваныч вспоминает наполеоновские войны 1805–1809 гг.

¹⁰² гренадер (нем.).

¹⁰³ но француз бросил свое ружье и запросил пощады (нем.).

¹⁰⁴ Мадера – крепкое вино, изначально изготавливавшееся на лесистом острове Мадейра.

¹⁰⁵ взад и вперед (нем.).

¹⁰⁶ «Кто идет?» (фр.) – спросил он вдруг (нем.).

sagte er zum dritten Mal¹⁰⁸, и я бегал. Я пригнул в вода, влезал на другой сторона и пустил. Ich sprang in's Wasser, kletterte auf die andere Seite und machte mich aus dem Staube.

Целую ночь я бежал по дороге, но когда рассвело, я боялся, чтобы меня не узнали, и спрятался в высокую рожь, там я стал на коленки, сложил руки, поблагодарил Отца небесного за свое спасение и с покойным чувством заснул. Ich dankte dem allmächtigen Gott für seine Barmherzigkeit und mit beruhigtem Gefühl schlief ich ein.

Я проснулся вечером и пошел дальше. Вдруг большая немецкая фура в две воронные лошади догнала меня. В фуре сидел хорошо одетый человек, курил трубочку и смотрел на меня. Я пошел потихоньку, чтобы фура обогнала меня, но я шел потихоньку, и фура ехала потихоньку, и человек смотрел на меня; я шел поскорее, и фура ехала поскорее, и человек смотрел на меня. Я сел на дороге; человек остановил своих лошадей и смотрел на меня. «Молодой человек, – он сказал, – куда вы идете так поздно?» Я сказал: «Я иду в Франкфурт». – «Садитесь в мою фуру, место есть, и я доведу вас... Отчего у вас ничего нет с собой, борода ваша не брита и платье ваше в грязи?» – сказал он мне, когда я сел с ним. "Я бедный человек, - я сказал, - хочу наняться где-нибудь на фабрику; а платье мое в грязи оттого, что я упал на дороге». – «Вы говорите неправду, молодой человек, – сказал он, – по дороге теперь сухо». И я молчал.

– Скажите мне всю правду, – сказал мне добрый человек, – кто вы и откуда идете? лицо ваше мне понравилось, и ежели вы честный человек, я помогу вам.

И я все сказал ему. Он сказал: «Хорошо, молодой человек, поедemте на мою канатную фабрику. Я дам вам работу, платье, деньги, и вы будете жить у меня».

И я сказал: «Хорошо».

Мы приехали на канатную фабрику, и добрый человек сказал своей жене: «Вот молодой человек, который сражался за свое отечество и бежал из плена; у него нет ни дома, ни платья, ни хлеба. Он будет жить у меня. Дайте ему чистое белье и покормите его».

Я полтора года жил на канатной фабрике, и мой хозяин так полюбил меня, что не хотел пустить. И мне было хорошо. Я был тогда красивый мужчина, я был молодой, высокий рост, голубые глаза, римский нос... и Madame L... (я не могу сказать ее имени), жена моего хозяина, была молоденькая, хорошенькая дама. И она полюбила меня.

Когда она видела меня, она сказала: «Господин Мауер, как вас зовет ваша маменька?» Я сказал: «Karlchen»¹⁰⁹.

И она сказала: «Karlchen! сядьте подле меня».

Я сел подле ней, и она сказала: «Karlchen! поцелуйте меня».

Я его поцеловал, и он сказал: «Karlchen! я так люблю вас, что не могу больше терпеть», – и он весь задрожал».

Тут Карл Иваныч сделал продолжительную паузу и, закатив свои добрые голубые глаза, слегка покачивая головой, принялся улыбаться так, как улыбаются люди под влиянием приятных воспоминаний.

«Да, – начал он опять, поправляясь в кресле и запахивая свой халат, – много я испытал и хорошего и дурного в своей жизни; но вот мой свидетель, – сказал он, указывая на шитый по канве образок Спасителя, висевший над его кроватью, – никто не может сказать, чтоб Карл Иваныч был нечестный человек! Я не хотел черной неблагодарностью платить за добро, которое мне сделал господин L..., и решился бежать от него. Вечером, когда все шли спать, я написал письмо своему хозяину и

¹⁰⁷ «Кто идет?» (фр.) – спросил он во второй раз (нем.).

¹⁰⁸ «Кто идет?» (фр.) – спросил он в третий раз (нем.).

¹⁰⁹ Карлуша (нем.).

положил его на столе в своей комнате, взял свое платье, три талер денег и потихоньку вышел на улицу. Никто не видал меня, и я пошел по дороге».

Глава X

Продолжение

«Я девять лет не видал своей маменьки и не знал, жива ли она, или кости ее лежат уже в сырой земле. Я пошел в свое отечество. Когда я пришел в город, я спрашивал, где живет Густав Мауер, который был арендатором у графа Зомерблат? И мне сказали: «Граф Зомерблат умер, и Густав Мауер живет теперь в большой улице и держит лавку ликер». Я надел свой новый жилет, хороший сюртук – подарок фабриканта, хорошенько причесал волосы и пошел в ликерную лавку моего папеньки. Сестра Mariechen сидела в лавочке и спросила, что мне нужно? Я сказал: «Можно выпить рюмочку ликер?» – и она сказала: «Vater!¹¹⁰ молодой человек просит рюмочку ликер». И папенька сказал: «Поддай молодому человеку рюмочку ликер». Я сел подле столика, пил свою рюмочку ликер, курил трубочку и смотрел на папеньку, Mariechen и Johann, который тоже вошел в лавку. Между разговором папенька сказал мне: «Вы, верно, знаете, молодой человек, где стоит теперь наше арме». Я сказал: «Я сам иду из арме, и она стоит подле Wien¹¹¹». «Наш сын, – сказал папенька, – был Soldat, и вот девять лет он не писал нам и мы не знаем, жив он или умер. Моя жена всегда плачет об нем...» Я курил свою трубочку и сказал: «Как звали вашего сына и где он служил? может быть, я знаю его...» – «Его звали Карл Мауер, и он служил в австрийских егерях», – сказал мой папенька. «Он высокий ростом и красивый мужчина, как вы», – сказала сестра Mariechen. Я сказал: «Я знаю вашего Karl». – «Amalia! – sagte auf einmal mein Vater¹¹², – подите сюда, здесь есть молодой человек, он знает нашего Karl». И мое милы маменька выходит из задня дверью. Я сейчас узнал его. «Вы знаете наша Karl», – он сказал, посмотрел на мене, и, весь бледны. за...дро...жал!.. «Да, я видел его», – я сказал и не смел поднять глаза на нее; сердце у меня пригнуть хотело. "Karl мой жив! – сказала маменька. – Слава Богу! Где он, мой милый Karl? Я бы умерла спокойно, ежели бы еще раз посмотреть на него, на моего любимого сына; но Бог не хочет этого», – и он заплакал... Я не мог терпеть... «Маменька! – я сказал, – я ваш Karl!» И он упал мне на рука...»

Карл Иваныч закрыл глаза, и губы его задрожали. «Mutter! – sagte ich, – ich bin ihr Sohn, ich bin ihr Karl! und sie sturzte mir in die Arme», – повторил он, успокоившись немного и утирая крупные слезы, катившиеся по его щекам. «Но Богу не угодно было, чтобы я кончил дни на своей родине. Мне суждено было несчастье! das Unglück verfolgte mich überall!¹¹³ Я жил на своей родине только три месяца. В одно воскресенье я был в кофейном доме, купил кружку пива, курил свою трубочку и разговаривал с своими знакомыми про Politik, про императора Франц, про Napoleon, про войну, и каждый говорил свое мнение. Подле нас сидел незнакомый господин в сером Uberrock¹¹⁴, пил кофе, курил трубочку и ничего не говорил с нами. Er rauchte sein Pfeifchen und schwieg still. Когда Nachtwachter¹¹⁵ прокричал десять часов, я взял свою шляпу, заплатил деньги и пошел домой. В половине ночи кто-то застучал в двери. Я проснулся

¹¹⁰ Отец (нем.).

¹¹¹ Вена.

¹¹² Амалия! – сказал вдруг мой отец (нем.).

¹¹³ несчастье повсюду меня преследовало!.. (нем.)

¹¹⁴ в сюртуке (нем.).

¹¹⁵ ночной сторож (нем.).

и сказал: «Кто там?» – «Macht auf!»¹¹⁶. Я сказал: «Скажите, кто там, и я отворю». Ich sagte: «Sagt, wer ihr seid, und ich werde aufmachen». – «Macht auf im Namen des Gesetzes!»¹¹⁷ – сказал за дверь. И я отворил. Два Soldat с ружьями стояли за дверь, и в комнату вошел незнакомый человек в сером Ubergock, который сидел подле нас в кофейном доме. Он был шпион! Er war ein Spion!.. «Пойдемте со мной!» – сказал шпион. «Хорошо», – я сказал... Я надел сапоги und Pantalon 118, надевал подтяжки и ходил по комнате. В сердце у меня кипело; я сказал: «Он подлец!» Когда я подошел к стенке, где висела моя шпага, я вдруг схватил ее и сказал: «Ты шпион; защищайся! Du bist ein Spion; verteidige dich!» Ich gab ein Hieb 119 направо, ein Hieb налево и один на галава. Шпион упал! Я схватил чемодан и деньги и прыгнул за окошко. Ich nahm meinen Mantelsack und Beutel und sprang zum Fenster hinaus. Ich kam nach Ems 120, там я познакомился с енерал Сазин. Он полюбил меня, достал у посланника паспорт и взял меня с собой в Россию учить детей. Когда енерал Сазин умер, ваша маменька позвала меня к себе. Она сказала: «Карл Иваныч! отдаю вам своих детей, любите их, и я никогда не оставлю вас, я успокою вашу старость». Теперь ее не стало, и все забыто. За свою двадцатилетнюю службу я должен теперь, на старости лет, идти на улицу искать свой черствый кусок хлеба... Бог сей видит и сей знает, и на сей его святое воля, только вас жалько мне, дети!» – заключил Карл Иваныч, притягивая меня к себе за руку и целуя в голову.

Глава XVIII

Девичья

Я чувствовал себя все более и более одиноким, и главными моими удовольствиями были уединенные размышления и наблюдения. О предмете моих размышлений расскажу в следующей главе; театром же моих наблюдений преимущественно была девичья, в которой происходил весьма для меня занимательный и трогательный роман. Героиней этого романа, само собой разумеется, была Маша. Она была влюблена в Василья, знавшего ее еще тогда, когда она жила на воле, и обещавшего еще тогда на ней жениться. Судьба, разлучившая их пять лет тому назад, снова соединила их в бабушкином доме, но положила преграду их взаимной любви в лице Николая (родного дяди Маши), не хотевшего и слышать о замужестве своей племянницы с Васильем, которого он называл человеком несообразным и необузданным.

Преграда эта сделала то, что прежде довольно хладнокровный и небрежный в обращении Василий вдруг влюбился в Машу, влюбился так, как только способен на такое чувство дворовый человек из портных, в розовой рубашке и с напомаженными волосами.

Несмотря на то, что проявления его любви были весьма странны и несообразны (например, встречая Машу, он всегда старался причинить ей боль, или щипал ее, или бил ладонью, или сжимал ее с такой силой, что она едва могла переводить дыхание), но самая любовь его была искренна, что доказывается уже тем, что с той поры, как

¹¹⁶ Отворите! (нем)

¹¹⁷ Отворите именем закона! (нем.).

¹¹⁸ и панталоны (нем.).

¹¹⁹ Я нанес один удар (нем.)

¹²⁰ Я пришел в Эмс (нем).

Николай решительно отказал ему в руке своей племянницы, Василий запил с горя, стал шляться по кабакам, буянить – одним словом, вести себя так дурно, что не раз подвергался постыдному наказанию на съезжей¹²¹. Но поступки эти и их последствия, казалось, были заслугой в глазах Маши и увеличивали еще ее любовь к нему. Когда Василий содержался в части, Маша по целым дням, не осушая глаз, плакала, жаловалась на свою горькую судьбу Гаши (принимавшей живое участие в делах несчастных любовников) и, презирая брань и побои своего дяди, потихоньку бегала в полицию навещать и утешать своего друга.

Не гнушайтесь, читатель, обществом, в которое я ввожу вас. Ежели в душе вашей не ослабли струны любви и участия, то и в девичьей найдутся звуки, на которые они отзовутся. Угодно ли вам или не угодно будет следовать за мною, я отправляюсь на площадку лестницы, с которой мне видно все, что происходит в девичьей. Вот лежанка, на которой стоят утюг, картонная кукла с разбитым носом, лоханка, рукомойник; вот окно, на котором в беспорядке валяются кусочек черного воска, моток шелку, откушенный зеленый огурец и конфетная коробочка, вот и большой красный стол, на котором, на начатом шитье, лежит кирпич, обшитый ситцем, и за которым сидит она в моем любимом розовом холстинковом платье и голубой косынке, особенно привлекающей мое внимание. Она шьет, изредка останавливаясь, чтобы почесать иголкой голову или поправить свечку, а я смотрю и думаю: «Отчего она не родилась барыней, с этими светлыми голубыми глазами, огромной русой косой и высокой грудью? Как бы ей пристало сидеть в гостиной, в чепчике с розовыми лентами и в малиновом шелковом капоте, не в таком, какой у Мими, а какой я видел на Тверском бульваре. Она бы шила в пяльцах¹²², а я бы в зеркало смотрел на нее, и, что бы ни захотела, я все бы для нее делал; подавал бы ей салоп¹²³, кушанье сам бы подавал...»

И что за пьяное лицо и отвратительная фигура у этого Василья в узком сюртуке, надетом сверх грязной розовой рубашки навывпуск! В каждом его телодвижении, в каждом изгибе его спины, мне кажется, что я вижу несомненные признаки отвратительного наказания, постигнувшего его...

– Что, Вася? опять... – сказала Маша, втыкая иголку в подушку и не поднимая головы навстречу входившему Василью.

– А что ж? разве от него добро будет, – отвечал Василий, – хоть бы решил одним чем-нибудь; а то пропадаю так ни за что, и все через него.

– Чай будете пить? – сказала Надежда, другая горничная.

– Благодарю покорно. И ведь за что ненавидит, вор этот, дядя-то твой, за что? за то, что платье себе настоящее имею, за форц¹²⁴ за мой, за походку мою. Одно слово. Эх-ма! – заключил Василий, махнув рукой.

– Надо покорным быть, – сказала Маша, скусывая нитку, – а вы так все...

– Мочи моей не стало, вот что!

В это время в комнате бабушки послышался стук дверью и ворчливый голос Гаши, приближавшейся по лестнице.

– Поди тут угоди, когда сама не знает, чего хочет... проклятая жисть, каторжная! Хоть бы одно что, прости, Господи, мое согрешение, – бормотала она, размахивая руками.

¹²¹ Съезжая – присутственное место, где вершилась полицейская расправа.

¹²² Пяльцы – приспособление для вышивания, которое используют при работе с вышивками большой площади.

¹²³ Салоп – верхняя женская одежда, широкая длинная накидка с прорезами для рук или с небольшими рукавами; скреплялась лентами или шнурами.

¹²⁴ Форц (искаж.) – склонность форсить, т. е. щеголять.

– Мое почтение Агафье Михайловне, – сказал Василий, приподнимаясь ей навстречу.

– Ну вас тут! Не до твоего почтения, – отвечала она, грозно глядя на него, – и зачем ходишь сюда? разве место к девкам мужчине ходить...

– Хотел об вашем здоровье узнать – робко сказал Василий.

– Издохну скоро, вот какое мое здоровье, – еще с большим гневом, во весь рот прокричала Агафья Михайловна.

Василий засмеялся.

– Тут смеяться нечего, а коли говорю, что убирайся, так марш! Вишь, поганец, тоже жениться хочет, подлец! Ну, марш, отправляйся!

И Агафья Михайловна, топая ногами, прошла в свою комнату, так сильно стукнув дверью, что стекла задрожали в окнах.

За перегородкой долго еще слышалось, как, продолжая бранить все и всех и проклинать свое житье, она швыряла свои вещи и драла за уши свою любимую кошку; наконец дверь приотворилась, и в нее вылетела брошенная за хвост, жалобно мяукавшая кошка.

– Видно, в другой раз прийти чайку напиток, – сказал Василий шепотом, – до приятного свидания.

– Ничего, – сказала, подмигивая, Надежда, – я вот пойду самовар посмотрю.

– Да и сделаю ж я один конец, – продолжал Василий, ближе подсаживаясь к Маше, как только Надежда вышла из комнаты, – либо пойду прямо к графине, скажу: «так и так», либо уж... брошу все, бегу на край света, ей-богу.

– А я как останусь...

– Одну тебя жалею, а то бы уж даа...вно моя головушка на воле была, ей-богу, ей-богу.

– Что это ты, Вася, мне свои рубашки не принесешь постирать, – сказала Маша после минутного молчания, – а то, вишь, какая черная, – прибавила она, взяв его за ворот рубашки.

В это время внизу послышался колокольчик бабушки, и Гаша вышла из своей комнаты.

– Ну чего, подлый человек, от нее добиваешься? – сказала она; толкая в дверь Василья, который торопливо встал, увидав ее. – Довел девку до евтого, да еще пристаешь, видно, весело тебе, оголтелый, на ее слезы смотреть. Вон пошел. Чтобы духу твоего не было. И чего хорошего в нем нашла? – продолжала она, обращаясь к Маше. – Мало тебя колотил нынче дядя за него? Нет, все свое: ни за кого не пойду, как за Василья Грускова. Дура!

– Да и не пойду ни за кого, не люблю никого, хоть убей меня до смерти за него, – проговорила Маша, вдруг разливаясь слезами.

Долго я смотрел на Машу, которая, лежа на сундуке, утирала слезы своей косынкой, и, всячески стараясь изменять свой взгляд на Василья, я хотел найти ту точку зрения, с которой он мог казаться ей столь привлекательным. Но, несмотря на то, что я искренно сочувствовал ее печали, я никак не мог постигнуть, каким образом такое очаровательное создание, каким казалась Маша в моих глазах, могло любить Василья.

«Когда я буду большой, – рассуждал я сам с собой вернувшись к себе наверх, – Петровское достанется мне, и Василий и Маша будут мои крепостные. Я буду сидеть в кабинете и курить трубку. Маша с утюгом пройдет в кухню. Я скажу: «Позовите ко мне Машу». Она придет, и никого не будет в комнате... Вдруг войдет Василий и, когда увидит Машу, скажет: «Пропала моя головушка!» – и Маша тоже заплачет; а я скажу: «Василий! я знаю, что ты любишь ее и она тебя любит, на вот тебе тысячу рублей, женись на ней, и дай Бог тебе счастья», – а сам уйду в диванную». Между

бесчисленным количеством мыслей и мечтаний, без всякого следа проходящих в уме и воображении, есть такие, которые оставляют в них глубокую чувствительную борозду; так что часто, не помня уже сущности мысли, помнишь, что было что-то хорошее в голове, чувствуешь след мысли и стараешься снова воспроизвести ее. Такого рода глубокий след оставила в моей душе мысль о пожертвовании своего чувства в пользу счастья Маши, которое она могла найти только в супружестве с Васильем.

Анна Гавальда

35 кило надежды

Моему дедушке и Мари Тонделье

Я ненавижу школу.
Ненавижу ее пуще всего на свете.
Нет, даже еще сильнее...
Она испортила мне всю жизнь.

До трех лет, точно могу сказать, я жил счастливо. Я плохо это помню, но так мне кажется. Я играл, по десять раз подряд смотрел мультик про медвежонка, рисовал картинки и придумывал миллион приключений для Гродуду – это был мой любимый плюшевый щенок. Мама рассказывала, что я часами сидел один в своей комнате и не скучал, болтал без умолку, вроде как сам с собой. Вот я и думаю: наверно, счастливо мне жилось.

Тогда, в детстве, я всех любил и думал, что меня тоже все любят. А потом, когда мне исполнилось три года и пять месяцев, вдруг – бац! – в школу.

В первое утро я вроде даже был рад. Родители наверняка все лето мне талдычили: «Вот здорово, милый, ты пойдешь в настоящую школу...» «Смотри, какой красивый ранец тебе купили! Ты пойдешь с ним в школу!» Ну и все такое... Они говорят, я даже не плакал. (Я вообще любопытный, наверно, хотел посмотреть, какие там у них игрушки и есть ли «Лего»...) В общем, к обеду я вернулся довольный, все съел и побежал в свою комнату, рассказать Гродуду, как интересно было в школе.

Если бы я тогда знал, то как следует посмаковал бы те последние счастливые минуты, потому что сразу после этого моя жизнь пошла наперекосяк.

– Пошли, – сказала мама.
– Куда?
– Как куда... В школу!
– Нет.
– Что – нет?
– Я больше туда не пойду.
– Вот как? Почему же?

– Хватит уже, видел я эту школу, ничего там интересного. У меня тут полно дел, дома. Я обещал Гродуду сделать ему такую машинку, чтобы искать косточки, а то он их много зарыл у меня под кроватью, а найти не может, так что некогда мне в школу ходить.

Мама присела передо мной на корточки. Я замотал головой.

Она стала меня уговаривать. Я заплакал. Она подняла меня на руки, я завизжал. И тогда она вlepила мне затрещину.

Первую в моей жизни.
Вот так.
Вот тебе и школа.
Так начался кошмар.

Я миллион раз слышал, как родители рассказывали эту историю. Своим друзьям, воспитательницам, учителям, психологам, логопедам и консультанту по профориентации. И до сих пор каждый раз, когда ее слышу, я вспоминаю, что этот самый детектор косточек для Гродуду я так и не сконструировал.

А сейчас мне тринадцать лет, и я учусь в шестом классе. Да, сам знаю, что-то тут не так. Не надо загибать пальцы, сам объясню. Два раза я оставался на второй год: в начальной школе во втором и вот теперь – в шестом.

Из-за этой школы в доме вечно скандалы, сами понимаете... Мама плачет, а отец орет на меня, или, наоборот, мама орет, а отец молчит. А мне плохо, когда они такие, но что я могу поделать? Что им сказать? Ничего. Я ничего не могу им сказать, потому что, если открою рот, будет еще хуже. А они долдонят мне одно и то же, как попугаи: «Работай!» «Работай!» «Работай!» «Работай!» «Работай!»

Да понимаю я, понимаю. Не совсем я все-таки тупой. Я бы и рад работать, да вот беда – не получается. Все, чему учат в школе, для меня китайская грамота. В одно ухо влетает, в другое вылетает. Водили меня к миллиону докторов, проверяли глаза, уши, даже мозги. Времени потратили уйму, а заключили, что у меня, видите ли, проблема с концентрацией внимания. Обалдеть! Я-то сам знаю, что со мной, меня бы спросили. Все со мной в порядке. Никаких проблем. Просто мне неинтересно. Не-ин-те-рес-но.

И все.

Хорошо в школе было только один год – в старшей детсадовской группе. Там у меня была воспитательница Мари. Вот ее я никогда не забуду.

Я теперь думаю, Мари пошла работать в школу, чтобы заниматься тем, что ей нравилось по жизни: рукодельничать да мастерить всякую всячину. Я ее сразу полюбил. С самого первого дня. Платья она сама себе шила, свитера сама вязала, украшения сама придумывала. Не было дня, чтобы мы не приносили что-нибудь домой: ежика из папье-маше, котенка с бутылочкой молока, мышку в ореховой скорлупке, вертушки, рисунки, аппликации... Вот это была воспитательница – мы у нее не только перед Праздником мам работали в охотку. Она говорила: не зря прожит тот день, когда ты что-то сделал своими руками. Теперь я думаю, что от этого счастливого года и пошли потом все мои несчастья, потому что именно тогда я понял одну простую вещь: больше всего на свете мне интересны мои руки и то, что они способны смастерить.

Еще скажу про Мари: отлично знаю, чем я ей обязан. Сносной успеваемостью в подготовительном классе – вот чем. Она-то поняла, с кем имеет дело. Знала, что я готов разреветься, если меня просят написать свое имя, что я ничегошеньки не запоминаю и для меня даже считалочку прочесть наизусть – тихий ужас. В последний день перед каникулами я пришел с ней попрощаться. В горле стоял ком, и говорить было трудно. Я протянул ей свой подарок – это была суперская карандашница, с выдвигаемыми ящичками для скрепок и для кнопок, гнездышком для ластика и еще всякими наворотами. Сколько я ее клеил и раскрашивал – с ума сойти. Мари была довольна, я видел, и, по-моему, волновалась так же сильно, как я. Она сказала мне:

– У меня тоже есть для тебя подарок, Грегуар...

Это оказалась толстая книга.

– На будущий год, – добавила Мари, – ты пойдешь в подготовительный класс, к мадам Даре, и должен будешь очень-очень стараться... Знаешь зачем?

Я покачал головой.

– Чтобы прочесть все, что здесь написано.

Дома я попросил маму прочесть мне название. Она положила толстую книгу на колени и сказала:

– «1000 дел для умелых рук». О-ля-ля, это сколько же всего предстоит!

Мадам Даре я ненавидел. Ненавидел ее голос, ее кривлянья, то, что она вечно обзаводилась любимчиками. Но я все-таки научился читать, потому что очень хотел сделать бегемота из коробки от яиц со страницы 124.

В моей педагогической характеристике Мари написала: «У этого мальчика голова как решето, золотые руки и большущее сердце. Если постараться, из него выйдет толк».

В первый и последний раз за всю мою жизнь работник народного образования сказал обо мне доброе слово.

В любом случае я знаю массу людей, которым это все тоже не нравится. Вот вы, например, если я спрошу: «Школу любите?» – что ответите? Покачаете головой: нет. понятное дело. Разве что подхалимы из подхалимов скажут «да» или уж такие «ботаники», которым и впрямь нравится каждый день ходить проверять свои способности. Но я не о них... Кто все это любит по-настоящему? Да никто. А кто это по-настоящему ненавидит? Тоже мало кто. Мало, но есть. Такие, как я: их называют «лодырями» и «оболтусами», а у них все время болит живот.

Я просыпаюсь за час до будильника, а то и больше, и целый час лежу и чувствую эту боль в животе, как она набухает, набухает... К тому времени когда надо встать с кровати, меня уже тошнит так, что кажется, будто я на палубе корабля в открытом море. Завтрак – мучение. Я вообще не ногу ничего есть, но мама вечно стоит над душой, и хочешь не хочешь приходится запихивать в себя тосты. В автобусе боль сжимается в тугой-тугой комок. Если я встречаю по дороге ребят из класса, можно поговорить, к примеру, о «Зельде»¹²⁵, тогда немножко отпускает, но когда еду один, комок душит меня. А самый ужас – это войти на школьный двор.

Запах школы – вот что хуже всего. Запах мела и старых кроссовок, от которого трудно дышать и тошнота подкатывает к горлу.

К четырем комок начинает рассасываться, и я совсем его не чувствую, когда дома открываю дверь своей комнаты. Потом скручивает опять – это когда приходят с работы родители и начинают допытываться, как прошел день, и рыться в моем портфеле, чтобы проверить дневник, но уже не так сильно, потому что к их скандалам я привык.

Нет, вру, конечно. Ничего я не привык. В доме вечные скандалы, и мне никак не удается их избегать. Тяжело. Родители мои друг друга выносят с трудом, так что им обязательно что ни вечер надо как следует поругаться, только они не знают, к чему придраться, вот и пользуются мной – я с моими дерьмовыми отметками служу им удобным поводом. «Это ты виноват, это ты виновата!» Мама кричит, что отец никогда мной не занимался, времени на сына у него нет, а он ей отвечает, чтобы не валила с больной головы на здоровую, она сама меня, видите ли, избаловала.

Достало, как же это меня достало...

Меня это так достало, что вы даже представить себе не можете.

Я, когда они орут, мысленно затыкаю себе уши и стараюсь думать только о том, что в данный момент мастерю, например: космический корабль для звездных войн из «Лего-систем», или аппарат для выдавливания зубной пасты, или гигантскую пирамиду из деревянного конструктора «Каппас», да мало ли что. А потом начинается пытка уроками. Если мне помогает мама, всегда кончается тем, что она плачет. Если отец – плачу я.

Вот я вам все это рассказываю, а вы еще подумаете, что мои родители сволочи или третируют меня. Да нет же, нет, они у меня классные, просто классные... В общем, родители как родители. Все только из-за школы. Я, между прочим, из-за этого весь прошлый год записывал в дневник только половину заданий – чтобы меньше было скандалов и слез по вечерам. Честное слово, только поэтому, но у меня язык не повернулся сказать это директрисе, когда я заливался слезами в ее кабинете. Глупо ужасно.

Вообще-то я правильно сделал, что не сказал. Что она может понять, индюшка надутая? Все равно через месяц она меня отчислила.

Отчислила из-за физкультуры.

¹²⁵ Зельде – культовая ролевая игра.

Этого вы еще не знаете: спорт я ненавижу почти так же, как школу. Не совсем уж до такой степени, но почти. Если бы вы меня только видели, вы бы поняли почему. Татами и я, как говорится, – это вещи несовместимые. Я не вышел ни ростом, ни мускулатурой, ни силой. Скажу вам больше: я натуральный хлюпик.

Бывает, я стою – руки в боки, грудь вперед – перед зеркалом и смотрю на свое отражение. Вид тот еще, выпитый червяк на занятиях по бодибилдингу, или еще тот, помните, что хотел вступить в легион в «Астериксе-легионере»? Вроде бы такой крепыш, а когда снимает плащ из звериных шкур, видно, что дохляк. Когда я смотрюсь в зеркало, всегда его вспоминаю.

Ну ладно, нельзя же все на свете брать в голову, на что-то можно и наплевать, иначе и свихнуться недолго. Так вот, наплевал я в прошлом году на физкультуру. Даже когда я пишу это слово, рот у меня сам собой растягивается в улыбку до ушей... Потому что на уроках физкультуры у мадам Берлюрон я посмеялся так, как не смеялся никогда в жизни.

Вот как это началось.

– Дюбоск Грегуар, – сказала она, уставившись в журнал.

– Я.

Я знал, что опять завалю на фиг упражнение и буду посмешищем. Стоял и думал, когда же все это кончится.

В общем, только я шагнул вперед, все уже захихикали.

Но смеялись-то на этот раз не над моей неуклюжестью – просто я в тот день уж очень нелепо выглядел. Я забыл дома физкультурные шмотки, все бы ничего, но это был уже третий раз за четверть, вот я и попросил Бенжамена одолжить форму у брата, чтобы опять не оставили после уроков.

(Я за один год после уроков столько насиделся, на сколько вас за всю жизнь не оставляли!) Я только не знал, что у Бенжамена брат – клон Зеленого Великана, росту в нем метр девяносто...

Ну вот, представьте себе меня в форме XXL и кроссовках сорок пятого размера. Надо ли говорить, что успех я имел...

– Это что такое? Что за вид? – рявкнула Берлюронша.

Я прикинулся дурачком, это я умею, и сказал:

– Э-э, сам не понимаю, мадам, на прошлой неделе все было впору... Не понимаю...

Она вроде начала злиться:

– А ну-ка, двойной кувырок вперед, ноги вместе.

Я кувыркнулся один раз через пень-колоду и потерял кроссовку. Услышал, как все ржут, и решил: что мне стоит, развеселю их еще сильнее. Кувыркнулся снова и исхитрился запустить вторую в потолок.

Когда я поднялся, у меня были видны трусы, потому что треники сползли. Мадам Берлюрон была красная, как свекла, а ребята от хохота держались за животики. И у меня от этого их смеха что-то отпустило внутри, потому что смеялись-то не зло, классно смеялись, как в цирке, и после этого урока я решил, что так всегда и буду на физре клоуном. Берлюроншиным шутком. Когда люди покатываются со смеху благодаря вам, это же здорово, и потом, это как наркотик чем больше смеются, тем больше хочется их смешить.

Мадам Берлюрон наказывала меня так часто, что места в дневнике не хватало. В конце концов меня и отчислили из-за этого, но я не жалею. Мне хоть немножко лучше стало в школе, хоть что-то я сумел.

Что я вытворял – не описать. Раньше меня никто в команду брать не хотел, игрок-то я никакой, а теперь из-за меня готовы были передрасться, потому что я своими

номераи запросто мог дестабилизировать противника. Помню, однажды меня поставили на ворота... Вот смеху-то было... Когда мяч летел на меня, я визжал и лез на сетку, как перепуганная макака, а когда надо было ввести мяч в игру, исхитрялся бросить его через себя, прямым попаданием в свои ворота.

Один раз я даже кинулся вперед, хотел мяч поймать. Я его, понятное дело, даже не коснулся, зато поднялся с пучком травы во рту, как корова, и замычал: «Муууу!» В тот день Карина Лельевр описалась от смеха, а меня оставили на два часа после уроков... Но дело того стоило.

А отчислили меня из-за коня. Самое интересное, что в кои-то веки я не валял дурака. Надо было прыгнуть через эту кожаную махину с ручками, и, когда пришла моя очередь, я чуть-чуть недопрыгнул и жутко больно ушиб себе... ну... в общем, вы понимаете, о чем я говорю... Пипиську расплющил, короче. Ясное дело, ребята подумали, что я притворяюсь и ору «У-у-у-у-ийийийий!». чтобы их посмешить, а Берлюронша поволокла меня напрямиком к директрисе.

Я от боли пополам согнулся, но не плакал.

Не хотел доставлять им такого удовольствия.

Родители тоже мне не поверили, а когда узнали, что меня кроме шуток выгнали, то моя взяла. Раз в жизни они орала не друг на друга, а хором на меня и уж отвели душу.

Когда они наконец отпустили меня в мою комнату, я закрыл дверь и сел на пол. А потом сказал себе: «Одно из двух. Можешь лечь на кровать и реветь. Есть повод: жизнь у тебя дерьмовая, и сам ты полное дерьмо, и, если сейчас умрешь, всем будет только лучше. А можешь встать и что-нибудь смастерить». В тот вечер я сделал чудо-юдо из всякой дребедени, которую подобрал на стройке, и назвал его «Чучело-Берлючело».

Не сказать чтобы очень умно, сам знаю. Но мне полегчало, хоть подушку не промочил.

Только один человек меня тогда утешал – мой дедушка. Оно и неудивительно, потому что дедушка, дед Леон, всегда меня утешал: с тех пор как я научился ходить, он стал пускать меня в свой закуток.

Закуток деда Леона – это вся моя жизнь. Мое убежище и моя пещера Али-бабы.

Когда бабушка начинает нас слегка доставать, он наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Что, Грегуар, не прогуляться ли нам с тобой в Леонленд?

И мы потихоньку смываемся под бабушкино ворчание:

– Давай, давай! Задуривай голову малышу...

А дед пожимает плечами:

– Да ладно тебе, Шарлотта. Мы с Грегуаром уединяемся, нам надо спокойно подумать.

– О чем это вы будете думать, интересно?

– Я – о своей жизни, которая позади, а Грегуар – о своей, которая впереди.

Бабушка отворачивается и бормочет, что лучше бы ей оглохнуть, чем слышать такое. На что дед всегда отвечает:

– Душа моя, ты и так уже оглохла.

Мой дед Леон – такой же мастер на все руки, как и я, только у него к тому же еще и голова варит. В школе он был отличником, первым в классе по всем предметам и, между прочим, признался мне однажды, что никогда не сидел за учебниками по воскресеньям («Почему?» – «Да просто не хотел, и все»). Он был первым по математике, по французскому, по латыни, по английскому, по истории – по всем предметам, честное слово! В семнадцать лет он поступил в Высшую политехническую школу, а это, между прочим, самый сложный вуз во Франции. А потом он строил

всякие колоссальные штуки: мосты, транспортные развязки, туннели, плотины. Когда я спрашиваю, что именно он делал, дед зажигает погасший окурок и принимается размышлять вслух:

– Трудно сказать. Я никогда толком не знал, как называлась моя должность...

В общем так: мне показывали чертежи, чтобы я сказал свое мнение – рухнет эта штука или нет.

– И все?

– И все, и все... Это не так уж мало, парень! К примеру, скажешь «нет», а плотина возьмет да и рухнет – то-то сядешь в лужу, уж поверь мне!

Дедов закуток – это место, где мне лучше всего на свете. Хотя, казалось бы, что там такого особенного – сараюшка из досок и листового железа в углу сада, зимой в ней холодно, летом жарко. Я стараюсь забегать туда как можно чаще. Что-нибудь смастерить, позаимствовать инструмент или деревяшку, посмотреть, как работает дед Леон (он сейчас делает на заказ мебель для ресторана), посоветоваться с ним или просто посидеть. Мне здесь нравится, мое это место, вот и все. Помните, я говорил, что от запаха школы меня тошнит? Так вот, здесь – наоборот: входя в эту захламленную – не повернуться – сараюшку, я раздуваю ноздри, чтобы поглубже вдохнуть запах счастья. Запах горячей смазки, электронагревателя, пайки, клея, табака и еще многого всякого. Обалденно. Я давно решил, что когда-нибудь выделю этот запах в чистом виде, создам духи и назову их «Закуток».

Чтобы нюхать, когда становится тошно от этой жизни.

Когда я в первый раз остался на второй год, мой дед Леон, узнав об этом, посадил меня на колени и рассказал сказку про зайца и черепаху. Я очень хорошо помню, как сидел, прижавшись к нему, и какой ласковый у него был голос.

– Вот видишь, малыш, никто и гроша ломаного не поставил бы на эту несчастную черепаху, уж больно медленно она ползла... И все-таки она пришла первой... А знаешь почему? Потому что черепашка была молодец, упорная и трудолюбивая. Ты ведь тоже такой, Грегуар... Я-то знаю, я видел тебя за работой. Видел, как ты часами сидишь не шелохнешься, когда шлифуешь деревяшку или макеты свои раскрашиваешь... Ты такой же молодец, как эта черепаха.

– Но в школе нам не задают ничего шлифовать! – прорыдал я в ответ. – Нам задают только такие штуки, которые у меня не получаются!

Когда дед узнал про шестой класс, это был совсем другой разговор.

Я пришел к нему, как обычно, а он почему-то не ответил на мое «здравствуй». Поели мы молча, после кофе он как будто и не собирался никуда выходить.

– Дед?

– Что?

– Пойдем в закуток?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я узнал от твоей мамы скверную новость.

– ...

– Я тебя не понимаю! Ты ненавидишь школу и делаешь все, чтобы задержаться в ней как можно дольше...

Я молчал.

– Ведь не такой же ты все-таки тупой, каким тебя считают! Или такой?

Голос у него был сердитый.

– Да.

– Ох, терпеть этого не могу! Конечно, легко себе сказать, что ты ни на что не годен, чтобы ничего не делать! Еще бы! Таким уж я уродился! Куда как просто! А

дальше что? Какие твои планы? Останешься на второй год в седьмом, восьмом, девятом, и если повезет, то аттестат получишь к тридцати годам!

Я теребил уголок диванной подушки, не решаясь поднять глаз.

– Нет, правда, не понимаю я тебя. В общем так, на деда Леона можешь больше не рассчитывать. Я люблю самостоятельных людей, которые умеют добиваться своих целей, понятно? Терпеть не могу лодырей, которые только и знают, что жаловаться, и вдобавок вылетают из школы за плохое поведение! С ума сойти! Лоботряс и второгодник! Отличная картина! Поздравляю! Подумать только, а я-то всегда тебя защищал... Всегда! Родителям твоим говорил, что в тебя верю, оправдывал тебя, да еще и потакал! Вот что я тебе скажу, дружок: несчастным быть куда легче, чем быть счастливым, а я не люблю, слышишь, не люблю людей, которые ищут легких путей. Не выношу нытиков! Будь счастливым, черт побери! Делай что-нибудь, чтобы быть счастливым!

Он так кричал, что закашлялся. Прибежала бабушка, а я тихонько выскользнул в сад.

Пошел я, конечно, в закуток. Мне было очень холодно. Я сел на ржавую канистру и стал думать, как же мне хоть чего-то в жизни добиться.

Я бы все сделал, да только как строить, если нет ни чертежей, ни материалов, ни инструментов, ничего. Только тяжесть на сердце, от которой даже заплакать не получается. Своим перочинным ножом я нацарапал несколько слов на дедовом верстаке и ушел в дом, не попрощавшись.

Дома был скандал, долгие, громче и тошнее обычного. Кончался июнь, и ни в один коллеж с сентября меня принимать не хотели. Родители рвали волосы на себе и друг на друге. Сил не было это выносить. А я только сжимался с каждым днем, чтобы меня поменьше замечали. Я говорил себе, что если так уменьшаться, уменьшаться, то можно в конце концов совсем исчезнуть, и тогда все проблемы отпадут сами собой. Исключили меня 11 июня. Поначалу я целыми днями торчал дома. С утра смотрел Пятый канал или «Телемагазин» (там такие штуки бывают, в «Телемагазине», с ума сойти!), после обеда перечитывал старые комиксы или собирал потихоньку головоломку из 5000 деталей, подарок тети Фанни.

Но долго я так не выдержал. Захотелось хоть чем-нибудь занять руки... Я стал осматривать дом на предмет того, чтобы что-нибудь улучшить. Мама часто жаловалась при мне на горы глажки и говорила, что ее мечта – гладить сидя. Вот я и взялся решить эту задачу. Разобрал ножки гладильной доски – там был упор, и сделать ее ниже не получалось, – высчитал нужную высоту и установил доску на четыре деревянные ножки, как обычный стол. Потом отвинтил колесики от старого сервировочного столика – я нашел его напротив дома неделю назад – и приладил их к стулу, на котором давно никто не сидел. Еще и подставку для утюга переделал, потому что мама недавно купила новый, другой модели, здоровенный «Мулинекс» с пароувлажителем, и я сомневался, что старая подставка его выдержит. На это у меня ушло полных два дня. Потом я принялся за мотор газонокосилки. Разобрал его полностью, хорошенько почистил и снова собрал по винтику. Косилка завелась с пол-оборота. Отец меня не слушал, а я-то знал, что не надо везти ее в ремонт, все просто из-за грязи.

В тот вечер в доме дышалось чуть полегче. Мама приготовила на ужин гренки с ветчиной, сыром и яйцом, мои любимые, вроде как в награду, а отец не стал включать телевизор.

Он и заговорил первым:

– Самое обидное, сынок, что ты все-таки способный парень...

Ну и что прикажешь с тобой делать, как тебе помочь? Учиться ты не любишь, что да, то да. Но до шестнадцати лет от школы никуда не денешься, это ты знаешь?

Я кивнул.

– Получается порочный круг: чем меньше ты занимаешься, тем больше ненавидишь школу, а чем больше ты ее ненавидишь, тем меньше занимаешься... Как думаешь из него выбираться?

– Подожду до шестнадцати и пойду работать.

– Размечтался! Кто тебя возьмет?

– Никто, знаю, я буду изобретать всякие штуки и сам их делать. Много денег мне не надо, проживу как-нибудь.

– Бот это ты зря! Конечно, не обязательно быть богаче дядюшки Пиксу из комиксов, но денег тебе понадобится больше, чем ты думаешь. Придется же покупать инструменты, мастерскую, грузовик... да мало ли что еще! Ну ладно, оставим эту тему, сейчас не деньги меня волнуют. Поговорим лучше о твоей учебе... Нет, Грегуар, не кривись, посмотри на меня, пожалуйста. Ничего у тебя не получится без минимума знаний. Представь себе, изобрел ты что-то сногшибательное. Так ведь надо же подать патент, верно? И написать его, между прочим, на грамотном французском языке... И потом, думаешь, сделал, принес – и готово дело? Нужны схемы, чертежи, расчеты, иначе с тобой никто и разговаривать не будет, а твое изобретение кто-нибудь украдет в два счета...

– Ты думаешь?

– Я не думаю, я знаю.

От всего этого мне стало не по себе: в глубине души я понимал, что отец прав.

– Я потому спросил, что у меня уже есть одно изобретение, оно могло бы обеспечить меня на всю жизнь, и моих детей тоже, и даже вас...

– Что же ты изобрел? – улынулась мама.

– А вы тайну хранить умеете?

– Да, – ответили родители хором.

– Поклянитесь.

– Клянусь.

– Я тоже.

– Нет, мам, скажи «клянусь».

– Клянусь.

– Ну вот... Это такие ботинки, специальные, чтобы ходить по горам... Со съемным каблуком. Ты его прикрепляешь, как обычно, для подъема, на ровном месте снимаешь, а чтобы спуститься, опять прикрепляешь, только спереди, где пальцы, тогда будешь все время сохранять равновесие...

Родители покивали.

– В этом что-то есть, – сказала мама.

– Если предложить это спортивным магазинам. «Декатлону», например...

Мне было приятно, что они заинтересовались, что принимают меня всерьез. Но отец все испортил, добавив:

– Только, чтобы заработать на твоём зуде, придется тебе подналечь на математику, информатику и экономику... Вот видишь, мы опять вернулись к тому же...

Искал я себе занятие до конца июня. Новым соседям помог расчистить сад. Я выполал там столько сорняков, что пальцы у меня распухли и позеленели. Как у Халка¹²⁶.

Соседей звали месье и мадам Мартино. У них был сын Шарль, всего на год старше меня, но я с ним не подружился. Он не отлипал от своих компьютерных игр и

¹²⁶ Халк – герой комиксов, мультсериалов и кинофильмов, существо невероятной физической силы, которое в состоянии ярости становится огромным зеленым монстром.

каких-то дурацких комиксов, а если заговаривал со мной, то обязательно спрашивал одно и то же: в какой класс я пойду на будущий год. Меня это начало слегка доставать.

Мама по-прежнему висела на телефоне в поисках учебного заведения, которое оказало бы нам великую милость и согласилось бы принять меня в сентябре. Каждое утро мы выгребали из почтового ящика тонны рекламных проспектов. Яркие фотографии на глянцевого бумаге расхваливали достоинства того или иного коллежа.

Это было красиво – и лживо насквозь. Я листал их, качая головой, и думал: интересно, как это ухитрились заснять улыбающихся учеников? То ли им заплатили, то ли сообщили, что их учитель французского свалился в пропасть. Только одна школа мне понравилась, но находилась она в каком-то Петаушноке-лез-Уа под Балансом. Ученики на фотографиях не сидели за партами и не лыбились в камеру. На одном снимке ребята пересаживали растения в оранжерее, на другом распиливали дощечки за верстаком и даже не думали улыбаться – они были заняты делом. Выглядело здорово, но это был технический лицей. В животе опять зануло.

Месье Мартино сделал мне предложение: помочь ему ободрать в доме старые обои, за плату. Я согласился. Мы вместе поехали в прокатную фирму «Килуту» и взяли два паровых насоса. Его жена с Шарлем укатили отдыхать, мои родители были на работе. Никто нам не мешал.

Мы поработали на славу, но как же умотались! Главное, дни стояли самые жаркие. Вкалывать в клубах пара, когда на улице 30 градусов в тени, – это, скажу я вам... Настоящая сауна! Я выпил пива, первый раз в жизни, оказалось – гадость страшная.

Дед Леон зашел навестить меня и вызвался нам помочь. Месье Мартино был в восторге. «Мы рабочая сила, а вот вы, месье Дюбоск, вы – мастер...» Понятное дело, дед-то занялся деликатными вопросами водопровода и электричества, пока мы обливались потом и ругались на чем свет стоит.

Месье Мартино часто говорил так: «дерьмус-дерьма-дерьмум-дерьморум-дерьмис-дерьмис» (это что-то из латыни).

Кончилось тем, что родители определили меня в коллеж Жан-Мулен, в двух шагах от дома. Сперва-то они не хотели, чтобы я там учился, потому что репутация у него нехорошая. Уровень никакой, и вдобавок у учеников отнимают деньги и вещи, но только там и согласились меня принять, так что выбора все равно не было. Они подали туда мои документы, а мне пришлось сходить сняться в «Фотоматон». Вид у меня был на этих фотках – жуть. То-то обрадуются в коллеже Жан-Мулен: придет в шестой класс тринадцатилетний детина с руками Халка и рожей Франкенштейна¹²⁷... Хорошенькое приобретение, нечего сказать!

Июль пролетел на всех парах. Я научился клеить обои. Научился резать рулоны на куски (заодно слово «рулон» выучил!) и мазать клеем. Научился ровно их раскатывать, подгонять края и проглаживать валиком, чтобы не было пузырей. В общем, много чему научился. Смело могу сказать, что теперь я ас в том, что касается клея «Перфакс» и обоев в полосочку. Еще я помогал деду распутывать электрические провода и проверять, есть ли ток.

– Горит?

– Нет.

– А так?

– Нет.

– Черт. А так?

– Есть.

¹²⁷ Франкенштейн – человекоподобный монстр, созданный доктором Франкенштейном, впервые этот сюжет был использован в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).

Я делал сэндвичи шестьдесят сантиметров длиной, красил двери, менял пробки и слушал по радио «Умников» до посинения. Целый месяц. Счастливым месяцем.

Вот бы так и дальше жить, в сентябре я начал бы ремонт в другом доме, у другого хозяина... Я думал об этом, кусая сэндвич с колбасой: еще три года продержаться – и привет честной компании.

Три года – это долго.

И еще одна вещь не давала мне покоя – здоровье бабушки. Он все чаще кашлял, все дольше не мог отдышаться и то и дело присаживался. Бабушка взяла с меня обещание не позволять ему курить, но я не мог с ним сладить. У него был один ответ:

– Не лишай меня этого удовольствия, Тотоша. Потом-то ведь помру.

Мне от этих слов выть хотелось.

– Нет, Тотоша, из-за этого удовольствия ты как раз и помрешь!

Дед посмеивался:

– С каких это пор ты себе позволяешь называть меня Тотошей, а, Тотош?

Когда он так мне улыбался, я понимал, что это человек, которого я люблю больше всех на свете, и что он не имеет права умирать. Никогда.

В последний день месье Мартино пригласил нас с дедом в классный ресторан, и после кофе они выкурили по большущей сигаре. Видела бы это бабушка, я даже подумать боялся, как бы она огорчилась...

Когда мы прощались, сосед протянул мне конверт:

– Держи. Ты их заработал...

Я не стал открывать конверт сразу. Открыл его дома, у себя в комнате, на кровати. Там было двести евро. Четыре оранжевые бумажки... Я обалдел: никогда в жизни я даже не видел столько денег сразу. Мне не хотелось ничего говорить родителям, а то бы они меня достали, чтобы положил деньги на сберегательный счет. Я спрятал их в такое место, где никому не пришлось бы в голову искать, и стал думать, думать, думать...

Что же все-таки мне на них купить? Двигатели для моих макетов? (Стоит это... не скажу, сколько.) Комиксы? Конструктор «Сто необычайных сооружений»? Крутую кожаную куртку? Бошевскую электроножовку?

От этих четырех бумажек у меня голова шла кругом, и, когда 31 июля мы уезжали на каникулы и закрывали дом, я часа полтора не мог успокоиться, все искал тайник понадежнее.

В точности как мама – она тоже металась по комнатам с бабушкиными серебряными подсвечниками в руках. Наверно, на нас обоих смешно было смотреть. А воры, наверно, все равно хитрее нас...

Про тот август ничего особенного я вам не расскажу. Для меня он был длинным и скучным. Родители, как делали каждый год, сняли квартиру в Бретани, а я, как и каждый год, должен был делать задания на лето. Много-много страниц в толстой тетради.

Пропуск в шестой класс. Скоро в школу.

Я часами сидел, грыз ручку и смотрел на чаек. Я мечтал, как превращусь в чайку. Мечтал, как полечу к бело-красному маяку, во-он туда. Мечтал, как подружусь с ласточкой и в сентябре, например, четвертого – вроде бы случайно в день начала занятий! – мы вместе улетим в теплые края. Я мечтал, как мы будем лететь над океаном, как мы...

Тут я тряс головой, чтобы вернуться к действительности.

Я перечитывал задачу из учебника математики, какую-то муть про мешки с известкой, и опять мечтал: что если чайка сядет на условия задачи... Шлеп! И вонючая белая клякса расплывается по странице.

А сколько всего я мог бы сделать с семью мешками известки...

В общем, я мечтал.

Родители за моими занятиями не очень-то следили. У них ведь тоже были каникулы, и им не хотелось портить себе кровь, разбирая мои каракули. Все, что от меня требовалось, – каждое утро садиться за письменный стол и сидеть, приклеившись задом к стулу, до обеда.

Толку от этого был ноль. Я заполнял страницы проклятой тетради рисунками и чертежами один другого бредовее. Мне не было скучно, просто все равно. Быть здесь или где-то еще, думал я, какая разница? И еще я думал: быть или не быть, здесь или нигде, какая разница? (Как видите, в математике я дуб дубом, зато с философией дела обстоят получше!)

После обеда я ходил на пляж с мамой или с отцом, но никогда с обоими вместе. Это тоже входило в их каникулы: отдыхать друг от друга. Вообще, что-то не то происходило между моими родителями. То и дело какие-то намеки, замечания, подковырки, после которых в доме воцарялось гробовое молчание. Наша семейка каждое утро вставала не с той ноги. А я мечтал, чтобы за завтраком было весело, как в рекламе: «Йо-о-огур-ты «Э-э-эрман!» Но, как говорится, мечтать не вредно.

Когда пришло время паковать чемоданы и прибираться дом, мне почудился вздох облегчения. Идиотизм. Потратить кучу деньжищ, ехать в такую даль, чтобы всю дорогу рваться домой... Скажете, не идиотизм?

Мама извлекла из тайника свои подсвечники, а я – свои деньги. (Теперь могу сказать: я скатал их в трубочку и засунул в ствол автомата моего старого «экшн-мена»!) Бумажки пожелтели, и в животе у меня опять заныло.

В общем, пошел я в коллеж Жан-Мулен.

Я оказался не самым старшим в классе и даже не самым тупым. Особо я не напрягался. Сидел в уголке, помалкивал и избегал попадаться здоровенным лбам-заправилам. Про кожаную куртку пришлось забыть: вряд ли я долго пронесил бы ее здесь... Меня больше не воротило так от школы – по той простой причине, что я вроде и не в школу ходил. Мне казалось, я хожу на площадку молодняка, где с утра до вечера резвятся две тысячи зверенышей. Я погружался в спячку. Приходил в ужас от того, как некоторые одноклассники разговаривали с учителями. Старался поменьше высывываться. Считал дни.

В середине октября мамино терпение лопнуло. Она не могла больше выносить отсутствия в моем классе учителя французского (или учительницы, я так и не узнал!). Не могла больше выносить моего словарного запаса, говорила, что я глупею день ото дня. Что мне впору сено жевать. Она не понимала, почему мне никогда не ставят отметок, и впадала в истерику, когда приходила за мной в пять вечера и видела, как мои ровесники курят травку под аркадами торговой галереи.

Короче, в доме опять скандал. Скандалище.

Слезы, вопли и сопли рекой.

И как итог – пансион.

Проругавшись целый вечер, мои родители по обоюдному согласию решили отправить меня в пансион. Супер.

Всю ночь я стискивал зубы.

Назавтра была среда. Я пошел к бабушке и деду. Бабушка пожарила молодую картошку, как я люблю, а дед Леон все хотел мне что-то сказать и не решался. Обстановочка была как на похоронах. После кофе мы пошли к нему в закуток. Дед сунул в рот сигарету, но не зажег.

– Я бросаю, – сказал он. – Не ради своего здоровья, сам понимаешь, токмо ради моей зануды жены...

Я улыбнулся.

Потом дед попросил меня помочь ему привинтить петли к дверцам; и вот тогда-то, когда у меня наконец были заняты руки и голова, он заговорил со мной, мягко так, ласково:

– Грегуар?

– Да.

– Тебя, я слышал, в пансион отправляют?

– ...

– Тебе не хочется?

– ...

Я молчал. Не хотел распускать нюни, как в тот раз, не маленький уже.

Он забрал из моих рук створку, которую я держал, отложил ее в сторонку и взял меня за подбородок, чтобы я посмотрел на него.

– Послушай меня, Тотоша, послушай хорошенько. Я ведь знаю больше, чем ты думаешь. Я знаю, как ты ненавидишь школу, и, что творится у тебя дома, тоже знаю. То есть не то чтобы знаю, но догадываюсь. Я имею в виду твоих родителей...

Представляю, каково тебе приходится...

Я кусал губы.

– Грегуар, поверь, я хочу тебе добра, это ведь была моя идея с пансионом, это я заронил ее в голову твоей мамы... Не смотри на меня так. Для тебя же будет лучше на время уехать, развеяться, увидеть что-то новое. А то родители тебе совсем дышать не дают. Ты их единственный сын, все, что у них в жизни есть, свет в окошке. Они сами не понимают, как сильно тебе вредят тем, что слишком многого от тебя ждут. Нет, не понимают. И думаю, все еще сложнее... Им бы сначала собственные проблемы решить, прежде чем на тебя набрасываться. Я... Ох, нет, Грегуар, вот этого не надо! Не надо, малыш, я не хотел тебя огорчать, я только хотел, чтобы ты... Да что же это такое, черт возьми! Я даже не могу посадить тебя на колени, такого большого! Пстой, убери-ка руки, давай я сам сяду к тебе на колени... Ну не надо, не плачь. А то я сам заплачу...

– Я не плачу, дедушка, это просто вода выливается...

– Ах ты, мой малыш, мой большой малыш... Ну все, все. Успокойся, давай успокоимся. Надо закончить этот шкафчик для Жозефа, мы же хотим отведать деликатесов... На, держи отвертку.

Я высморкался в рукав.

А потом, после долгого молчания, когда я уже привинчивал вторую дверцу, дед добавил:

– И вот еще что, последнее, больше я с тобой об этом говорить не буду. Это очень важно, что я хочу тебе сказать... Я хочу тебе сказать, что цапаются-то твои родители не из-за тебя, нет. Дело в них самих и только в них. Ты не виноват, ты тут ни при чем, слышишь? Совершенно ни при чем. Скажу тебе больше: даже будь ты круглым отличником и первым учеником в классе, они все равно бы цапались. Им только пришлось бы найти другой повод, вот и все.

Я ничего не ответил. Взял кисточку и нанес первый слой лака на Жозефов шкафчик.

Когда я пришел домой, родители сидели, обложившись проспектами, и что-то подсчитывали на машинке. Если бы в жизни было как в комиксах, я увидел бы над их головами клубы черного дыма. Я выдавил из себя «Здрасьте» и хотел прошмыгнуть в свою комнату, но меня остановили:

– Грегуар, поди сюда.

По голосу я понял, что отец не расположен шутить.

– Сядь.

Я сел, думая, под каким соусом меня на этот раз будут есть...

– Как ты знаешь, мы с мамой решили отправить тебя в пансион.

Я опустил глаза. В голове мелькнуло: «В кой-то веки вы хоть в чем-то согласны! Наконец-то. Жаль только, что в этом, могли бы придумать что-нибудь получше...»

– Я понимаю, тебя эта идея не вдохновляет, но вопрос не обсуждается. Мы зашли в тупик. Ты бьешь баклуши, тебя исключили из школы, тебя никуда не принимают, а муниципальный коллеж – не вариант. Выбирать не приходится... Но ты вряд ли знаешь, как дорого это стоит. Ты должен понимать, что нам придется напрячься ради тебя, очень сильно напрячься...

Я усмехнулся про себя: «О что вы... не стоит! Вот спасибо-то! Спасибо, Ваша щедрость. Вы так добры. Позвольте, Ваша щедрость, припасть к вашим ногам!»

А отец продолжал:

– Ты не хочешь узнать, где будешь учиться?

– ...

– Тебе все равно?

– Нет.

– Так вот, представь себе, мы сами пока не знаем. Задача, скажу я тебе, впору голову сломать. Мама полдня просидела на телефоне – и все без толку. Нужно найти такую школу, куда тебя согласились бы принять посреди учебного года, и...

– Я вот здесь хочу учиться, – перебил я отца.

– Где это «здесь»?

Я пододвинул ему буклетик, тот, где на фотке ученики работали за верстаком. Мама надела очки:

– Где это? Тридцать километров к северу от Баланса... Технический лицей

Граншан... Но нам-то нужен коллеж...

– Коллеж при нем тоже есть.

– Откуда ты знаешь? – удивился отец.

– Я туда звонил.

– Ты?!

– Ну да, я.

– Когда?

– Еще перед каникулами.

– Ты?! Ты туда звонил? Зачем?

– Так просто... хотел узнать.

– И что?

– Ничего.

– Почему же ты нам не сказал?

– Потому что все равно ничего не получится.

– Почему это не получится?

– Потому что они принимают по успеваемости, а какая у меня успеваемость?

Моим табелем только что печку топить...

Родители молчали. Папа изучал программу лицея Граншан, а мама вздыхала.

На следующий день я пошел в школу, как обычно, и через день тоже, и через два.

Теперь я понимал, что значит «перегореть». Именно это со мной произошло. Я перегорел. Что-то во мне погасло, и все стало безразлично.

Я ничего не делал. Ни о чем не думал. Ничего не хотел. Ни-че-го. Я сгреб все свои «Лего» в картонную коробку и отдал их Габриэлю, двоюродному братишке. Дома я только и делал, что смотрел телевизор. Километры и километры клипов. Я часами лежал на кровати. Ничего не мастерил. Мои руки висели плетьюми по обе стороны от

тощего туловища. Иногда мне казалось, что они мертвые. Переключать каналы да открывать бутылки – разве что на это они еще годились.

Я сам себе опротивел, я превращался в идиота. Мама права: еще немного, и я начну жевать за обедом сено.

Даже к деду с бабушкой мне не хотелось. Они хорошие, но ничего не понимают.

Старые слишком. И потом, где деду просечь мои проблемы? Он-то всегда был отличником. Проблемы – он даже не знает, что это такое. О родителях я вообще молчу. Они даже не разговаривали друг с другом. Зомби да и только.

Меня так и подмывало встряхнуть их хорошенько, авось вытрясу... Что? Не знаю. Слово, улыбку, жест? Что-нибудь.

Я валялся, уставясь в телевизор, как вдруг зазвонил телефон.

– Что это ты. Тотоша, забыл меня?

– Э-э... Я, наверно, не приду сегодня, что-то не хочется...

– Как так? А Жозеф? Ты обещал, что поможешь мне отвезти ему шкафчик!

Упс! Совсем из головы вылетело.

– Я сейчас, уже иду. Извини!

– Нет проблем, Тотоша, нет проблем. Шкафчик никуда не убежит.

Жозеф в благодарность угостил нас по-королевски. Я съел бифштекс по-татарски величиной с Везувий и к нему целую гору всякой вкуснятины: там были каперсы¹²⁸, лук, травы, красный перец... Умм... Дед Леон поглядывал на меня и улыбался:

– Одно удовольствие на тебя смотреть, Тотоша. Скажи спасибо своему старому деду, что он время от времени тебя эксплуатирует: хоть наешься до отвала.

– А ты? Почему ты ничего не ешь?

– Я-то?... Да я, знаешь, не успел проголодаться... Твоя бабушка меня обкорила за завтраком...

Я знал, что он врет.

А потом нам показали кухню. Я обалдел, увидев, какие там кастрюли и сковородки – огромные! И здоровенные половники, и деревянные ложки, больше похожие на катапульты, и десятки ножей, разложенных по ранжиру, остро-преостро наточенных.

Жозеф подозвал нас:

– Познакомьтесь-ка! Это Тити! Наш новенький... Славный мальчуган. Уж я его вышколю, а потом, через годик-другой, эти мишленовские олухи набегут сюда как мухи на мед, это я вам говорю! Ты что не здороваешься, Тити?

– Здравсьте.

Он чистил картошку – наверно, миллион килограммов. Вид у него был довольный.

Ног не видно под горой очисток. Я смотрел на него и думал: «Шестнадцать лет... Ему-то наверняка уже исполнилось...»

Высаживая меня у дома, дед Леон еще раз повторил:

– Ну так сделаешь, как договорились?

– Угу.

– Наплюй на ошибки, на стиль, на свой безобразный почерк – на все наплюй.

Просто что на душе, то и напиши, ладно?

– Угу...

Я сел за письмо в тот же вечер. Хоть он и говорил «наплюй», я все-таки порвал одиннадцать черновиков. А письмо-то получилось совсем короткое...

Вот оно, я переписал его для вас.

¹²⁸ Каперсы – почки одноименного кустарника, приготовленные с уксусом и солью и употребляемые в качестве приправы к еде.

«Уважаемый директор школы Граншан!

Я очень хотел бы учиться в Вашей школе, но знаю, что это невозможно, потому что у меня очень плохая успеваемость.

Я видел в рекламе Вашей школы, что у Вас есть слесарные и столярные мастерские, кабинет информатики, теплицы и все такое.

Я думаю, что отметки – не самое главное в жизни. По-моему, важнее знать, чего ты в жизни хочешь.

Мне хочется учиться у Вас, потому что в Граншане мне будет лучше всего, – так я думаю. Я не очень упитанный, во мне 35 кило надежды.

Всего хорошего, Грегуар Дюбоск

P. S. № 1: Я первый раз в жизни прошусь в школу, сам не пойму, что это со мной, наверно, заболел.

P. S. № 2: Посылаю Вам чертежи машинки для чистки бананов, которую я сам сделал, когда мне было семь лет».

Я перечитал письмо, вышло глуповато, но у меня не хватило духу переписывать в тринадцатый раз.

Я представил себе, с каким лицом директор будет его читать... «Откуда только взялся такой дурачок?» – наверно, подумает он, скомкает листок и запустит бумажный шарик в мусорную корзину. Мне и отсылать-то письмо уже не очень хотелось, но я обещал деду, в общем, отступить было некуда.

Я опустил его в ящик, возвращаясь из школы, а потом, когда сел обедать, перечитал буклетик и тут обнаружил, что директор был на самом деле директрисой! Вот осел-то! Это я так подумал про себя, закусив изнутри щеку. Осел, болван, трижды идиот!...

35 кило кретинства, это точно...

Потом наступили осенние каникулы. Я гостил в Орлеане у тети Фанни, маминой сестры. Играл на дядином компьютере, ложился не раньше двенадцати, а встать норовил как можно позже. Валялся до тех пор, пока двоюродный братишка не запрыгивал ко мне на кровать с кличем:

– Йего! Давай иг'ять в йего! Гьегуар, вставай, пойдём иг'ять в йего!

Четыре дня я строил ему из «Лего» то гараж, то деревню, то корабль. Когда я заканчивал, он улыбался до ушей, довольный-предовольный, а потом брал мою конструкцию и – бац! – со всей силы швырял ее на пол и смотрел, как она разлетается на тысячу кусочков. В первый раз я, честно говоря, разозлился, но когда услышал, как он смеется, сразу забыл о потраченных впустую двух часах. Братишкин смех я просто обожал. Он заряжал меня своим восторгом.

На Аустерлицком вокзале меня встречала мама. Когда мы сели в машину, она сказала:

– У меня для тебя две новости – хорошая и плохая. С какой начать?

– С хорошей.

– Вчера звонила директриса Граншана. Она готова принять тебя, только придется сдать что-то вроде экзамена...

– Пффф... Ничего себе, хорошая новость... Экзамен! Как я, по-твоему, сдам экзамен? Ха-ха! А какая же плохая?

– Твой дедушка в больнице.

Я так и знал. Совершенно точно знал. Я это чувствовал.

– С ним что-то серьезное?

– Трудно сказать. У него был приступ, сейчас его обследуют. Он очень слаб.
– Я хочу его навестить.
– Нет. Пока нельзя. К нему сейчас никого не пускают. Ему надо восстановить силы...

Мама плакала.

Я взял с собой учебник, чтобы в поезде повторять грамматику, но так и не открыл его. Даже не пытался сделать вид, будто читаю. Поезд мчался вдоль бесконечных электрических проводов, километр за километром, и я отсчитывал столбы, повторяя шепотом: «Дедушка.., дедушка... дедушка... дедушка... дедушка... дедушка... дедушка... дедушка... дедушка...», а между столбами думал: «Не умирай. Остайся. Ты так нужен мне. И бабушке Шарлотте ты тоже нужен. Как же она без тебя?

Ей будет очень плохо. А как же я? Не умирай. Ты не имеешь права умереть. Я еще маленький. Я хочу, чтобы ты увидел, как я вырасту. Хочу, чтобы ты успел погордиться мной. Я ведь только-только начинаю жить. Ты мне нужен. И потом, если я когда-нибудь женюсь, я хочу, чтобы ты познакомился с моей женой, увидел моих детей.

Я хочу, чтобы мои дети ходили к тебе в закуток. Хочу, чтобы они полюбили твой запах.

Я хочу, чтобы...»

В Балансе меня встретил на перроне какой-то дядька. По дороге я узнал, что он в Граншане садовник, то есть, вернее... в общем, «управляющий» – это он сам так сказал...

Мне нравилось ехать в его грузовичке, в нем хорошо пахло бензином и сухими листьями.

Я пообедал в школьной столовой вместе со всеми. Сколько же здесь было здоровенных силачей! Меня приняли по-доброму, старожилы надавали уйму ценных советов: где лучше курить, чтобы не засекали, как подлизаться к буфетчице, чтобы давала добавку, как проводить в спальню девчонок после отбоя по пожарной лестнице, какие пунктики у учителей и еще много чего...

Они громко смеялись. Глупые. Но это была хорошая глупость. Мальчишки такими и должны быть.

Мне нравились их руки, все в мелких порезах, с чернотой под ногтями. Кто-то спросил меня, почему я здесь.

– Потому что меня больше никуда не принимают.

Они заржали.

– Так-таки никуда?

– Совсем никуда.

– Даже в школу для дураков?

– Да, – ответил я, – в школе для дураков сказали, что я плохо повлияю на остальных учеников.

Один парень хлопнул меня по спине:

– Наш человек!

Потом я сказал им, что завтра мне сдавать экзамен.

– Так чего же ты здесь торчишь? Марш на боковую, тебе утром надо быть в форме!

Спал я плохо. Мне снился странный сон. Как будто я гуляю с дедом Леоном по обалденно красивому парку, а он все дергает меня за рукав и говорит: «Где тут покурить, чтобы не засекали? Спроси у них где...»

За завтраком я не мог ничего есть. В животе – железобетон. Никогда в жизни мне не было так плохо. Я не мог вздохнуть и обливался холодным потом. Меня кидало то в жар, то в озноб.

Меня посадили в маленькой классной комнате и надолго оставили одного. Я уж подумал, что обо мне забыли.

Наконец пришла какая-то женщина и дала мне толстую тетрадь с вопросами.

Строчки так и плясали у меня перед глазами. Я ничегошеньки не понимал. Я положил локти на стол и уткнулся головой в ладони. Мне надо было перевести дух, успокоиться, отвлечься. Вдруг я чуть не уперся носом в надписи на столе. Одна была такая: «Я люблю большие сиськи». И еще: «А мне больше нравятся разводные ключи». Я улыбнулся – и принялся за работу.

Сначала дело пошло неплохо, но чем дальше я переворачивал страницы, тем меньше находил ответов. Я запаниковал. Хуже всего оказался абзац в несколько строчек, под которым стояло задание: «Найдите и исправьте все ошибки в этом тексте». Ужас – я не нашел ни одной. Я действительно последний тупица. Полно ошибок, а я их даже не вижу! В горле у меня понемногу набухал ком, в носу защипало. Я широко раскрыл глаза. Только не плакать. Я не хотел плакать.

Я НЕ ХОТЕЛ, понимаете?

И все-таки капнула большущая слеза, я не успел ее удержать, и она расплылась по тетрадной странице... Сволочь. Я изо всех сил стиснул зубы, но уже чувствовал, что не сдержусь. Что плотину сейчас прорвет.

Слишком давно я не позволял себе плакать и старался просто не думать кое о чем... Но все равно однажды наступит такой момент, когда она выплеснется наружу, вся эта пакость, которую вы норовите запрятать в мозгах подальше, глубоко-глубоко... Я знал, что если заплачу, то уже не смогу остановиться, потому что все вспомнится сразу: Гродуду, Мари, все эти годы в школе, когда я был вечно последним. Дежурным идиотом. И мои родители, которые разлюбили друг друга, и унылые дни дома, и дед Леон в больничной палате с трубками в носу, его жизнь, мало-помалу уходящая...

Я чувствовал, что вот-вот разревусь, до крови кусал губы и вдруг услышал голос. «Кто это тут разводит сырость, Тотоша? – сказал он мне. – Это еще что такое? А ну-ка подбери сопли, поросенок! Смотри, как ручку замочил».

Ну все, крыша поехала... Уже голоса слышу! Эй! Бы ошиблись адресом, я не Жанна д'Арк¹²⁹. Я просто бездарь и тупица, я тут плаваю...

– Ладно, рева-корова, скажи, когда закончишь, чтоб можно было вместе заняться делом.

Что такое? Я обшарил глазами весь класс: нет ли где микрофона или камеры? Да что же это такое? Я провалился в четвертое измерение что ли?

– Дед Леон, это ты?

– А ты думал кто, балда? Папа римский?

– Но... этого же не может быть.

– Чего?

– Ну... что ты здесь, что ты со мной разговариваешь...

– Не говори глупостей. Я всегда был с тобой, и ты сам это знаешь. Ну все, пошутили и будет. Давай, соберись. Возьми карандаш и подчеркни все спрягаемые глаголы... Нет, этот не надо, ты же видишь, он оканчивается на «ить». Так, это у нас сказуемые, теперь найди к ним подлежащие... Вот... Пометь стрелочками... Молодец.

Подумай хорошенько, как они согласуются. Вот, смотри, что здесь подлежащее? Правильно, «ты», значит, на конце мягкий знак, молодец. Теперь подчеркни существительные... Найди определения к ним и проверь. Все проверяй. А прилагательные? Смотри, тебя не смущает «отбеленный скатерть»? «Отбеленная», верно, вот видишь, можешь, если постарайся. Теперь вернись немного назад, я видел безобразия в примерах... У меня даже волосы на ушах встали дыбом. Ну-ка, подели снова... Нет, еще раз... Еще! Ты кое-что забыл. Два в уме, верно, молодец. Теперь посмотри на четвертую страницу...

Я как будто спал наяву, чувствовал себя собранным и раскованным одновременно. Рука писала сама собой. Очень странное было ощущение.

– Ну вот. Тотоса, дальше сам. Осталось изложение, а в этом ты куда сильнее меня, уж я-то знаю... Да-да. Не спорь. Давай сам, только следи за орфографией, ладно? Делай как в упражнении: стрелочки и проверка. Представь себе, что ты полиция слов. Спрашивай у каждого документы: «Стоп! Проверка! Назовитесь!» «Прилагательное». – «С кем склоняетесь, милейшее?» – «С "собаками"». – «Стало быть, в каком вы числе?» – «Во множественном». – «Хорошо, свободны». Понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, – кивнул я.

– Не разговаривайте, молодой человек! – взвилась наблюдавшая за мной церберша. – Работайте молча. Чтобы я вас не слышала!

Я все внимательно перечитал. Пятьдесят семь раз, а может, и больше. И отдал ей тетрадь. Выйдя в коридор, я прошептал:

– Дед Леон, ты еще здесь?

Ответа не было.

В поезде на обратном пути я попробовал еще раз. Опять ничего – абонент недоступен.

Я увидел родителей на перроне и по их лицам понял: что-то случилось.

– Он умер? – закричал я. – Он умер, да?

– Нет, – сказала мама, – он в коме.

– Давно?

– С сегодняшнего утра.

– Он очнется?

Отец сморщился, а мама осела и ухватилась за мое плечо, чтобы не упасть.

Я так и не навещил деда в больнице. Его никто не навещал. К нему не пускали, потому что любой микроб мог его убить. Зато я навещил бабушку и был в шоке, когда ее увидел, такой она выглядела маленькой и щуплой. Как мышка, ее и не видно было в широком синем халате. Я стоял посреди кухни дурак дураком, а она вдруг сказала:

– Иди поработай немного, Грегуар. Запусти механизмы. Возьми в руки инструменты. Погладь доски. Поговори с ними со всеми, скажи им, что он скоро вернется.

Бабушка беззвучно плакала.

Я вошел. Сел. Положил руки на верстак и вот тогда наконец расплакался.

Я выплакал все слезы, которые копил в себе так долго. Сколько времени я просидел там? Час? Два часа? Может быть, три?

Когда я поднялся, было полегче, все слезы вышли, и горя как будто тоже больше не было. Я высморкался в старую, заляпанную клеем тряпку, валявшуюся на полу, и вот тут-то увидел свою надпись... «ПОМОГИ МНЕ», – было нацарапано на верстаке.

Меня приняли в Граншан. Мне от этого было ни жарко ни холодно. Правда, я рад был уехать, «развеемся», как сказал бы дед Леон. Я собрал вещи в рюкзак и даже не оглянулся, закрывая за собой дверь своей комнаты. Перед отъездом я попросил маму

положить деньги месье Мартино на книжку. Мне больше не хотелось их тратить. Мне вообще ничего не хотелось, кроме невозможного. И я уже понял, что не все в этой жизни можно купить.

Отец сам отвез меня в новую школу – ему надо было по делам в те края. По дороге мы с ним почти не разговаривали. Мы оба знали, что наши пути расходятся.

– Вы позвоните мне, если будут новости, ладно?

Он кивнул, потом наклонился и неловко поцеловал меня.

– Грегуар?

– Да.

– Нет, ничего. Будь счастлив, уж постарайся, ты этого заслуживаешь. Знаешь, я никогда тебе не говорил, но думаю, ты хороший парень... Очень хороший.

И он крепко-крепко сжал мой локоть, перед тем как сесть в машину.

Я не стал первым учеником, до отличников мне было далеко: если честно, я, наверно, был последним в классе. Но учителя меня почему-то любили.,.

Например, однажды мадам Верну, учительница французского, раздала нам письменные работы. Я получил 6 из 20.

– Надеюсь, ваша машинка для чистки бананов удалась лучше, – сказала она и улыбнулась мне.

Думаю, все дело было в этом, ко мне хорошо относились из-за того моего письма. Все знали, что я абсолютно бездарен, но хотя бы стараюсь с этим бороться.

Зато по рисованию и труду я был вне конкуренции. Особенно по труду. Я умел больше учителя, честное слово. Когда у кого-то на уроке что-то не получалось, то в первую очередь обращались ко мне. Сначала месье Жугле это не нравилось, а теперь он берет пример со своих учеников: то и дело спрашивает у меня совета. Умора.

Больше всего я ненавидел физкультуру. В спорте я с детского сада ноль, но здесь это особенно бросалось в глаза, потому что ребята все подобрались крепкие, ловкие и любили это дело. А у меня ничего не получалось: я ведь не умею ни бегать, ни прыгать, ни нырять, ни ловить мяч, а уж бросать-то и подавно... Ни-че-го. Полный ноль. Пустое место.

Ребята надо мной смеялись, но не зло.

– Эй, Дюбоск, – говорили мне, – когда ты соорудишь машинку для наращивания мускулов?

Или:

– Берегись! Прыгает Дюбоск, готовьте повязки!

Раз в неделю я говорил по телефону с мамой и первым делом спрашивал ее, есть ли новости. Однажды она сказала:

– Слушай, Грегуар, хватит. Ты же знаешь, если будут новости, я сразу тебе скажу.

Расскажи лучше, как ты живешь, что делаешь, какие у тебя учителя, какие друзья...

А мне нечего было ей сказать. Я что-то выдавливал из себя и поскорее закруглял разговор. Все, что не касалось дедушки, стало мне по фигу.

Мне жилось неплохо, но счастлив я не был. Я мучился оттого, что ничем не могу помочь деду Леону. Я бы горы свернул для него, я бы дал, если надо, разрезать себя на кусочки и поджарить на медленном огне. Я готов был нести его на руках через всю землю, прижимая к груди, я бы все что угодно стерпел, лишь бы спасти его, но что толку, если все равно сделать ничего было нельзя. Только ждать.

Это было невыносимо. Он-то пришел мне на помощь в самый трудный момент, когда мне это было позарез нужно, а я что? Никакого от меня проку.

Так я думал до того урока физкультуры.

В меню на сей раз был канат с узлами. Жуть. С шести лет пытаюсь, но так ни разу и не исхитрился на него залезть. Никак. Канат с узлами – мой вечный позор.

Когда подошла моя очередь, Момо гаркнул: – Внимание, внимание, сейчас инспектор Гаджет продемонстрирует нам свои носки!

Я посмотрел на верхушку столба, к которому был привязан канат, и прошептал: «Дедушка, послушай! У меня получится. Я это сделаю для тебя. Для тебя, слышишь?»

На третьем узле я понял, что больше не могу, но только покрепче стиснул зубы и напряг свои дохлые руки, полные сырковой массы. Четвертый узел. Пятый. Все, сейчас выпущу. Мне это не под силу. Нет, нельзя, я ведь обещал! Я крикнул и посильнее уперся ногами. Нет, все, не могу. Руки уже разжимались. И тут я увидел ребят – весь класс стоял вокруг столба, далеко внизу. Кто-то крикнул:

– Держись, Дюбоск! Давай!

Пришлось еще поднатужиться. Пот заливал глаза, руки горели.

– Дю-боск! Дю-боск! Дю-боск! – надрывались ребята, поддерживая меня.

Седьмой узел. Больше не могу. Сейчас потеряю сознание.

А они там, внизу, скандировали титры из мультика:

– Кто идет, кто идет?... Инспектор Гаджет! Это он, это он!... Инспектор Гаджет!

Они подбадривали меня, но этого было мало.

Осталось всего два узла. Я поплевал на руку потом на другую. «Дедушка, вот он я, смотри! Я посылаю тебе мою силу. Я посылаю тебе мою волю. Возьми их. Возьми! Они тебе нужны. Ты в тот раз помог мне своим знанием, а я помогу тебе тем, что у меня есть: возьми мою молодость, мой задор, мое дыхание, мои мускулы, они маленькие, да удаленькие. Возьми их, дедушка! Возьми все... Пожалуйста!»

Ляжки у меня уже кровоточили, я не чувствовал ни рук, ни ног. Остался последний узел.

– Давай! Да-вай! Да-вааай! – бесновались ребята. А громче всех кричал учитель. Я рывкнул сам на себя: «НЕ СПАТЬ!» – и ухватился за верхушку столба. Внизу творилось что-то неопишное. Я плакал. От радости и от боли, все вместе. Я соскользнул вниз как куль. Момо и Самюэль подхватили меня и стали качать.

– Это он, это он! Инспектор Гаджет! – пели все.

Я отрубился.

С этого дня меня как подменили. Я стал решительным. Злым на работу. Целеустремленным. Откуда только силы взялись?

По вечерам, вместо того чтобы смотреть со всеми телек, я уходил. Далек, через поля, леса, деревни. Я шагал долго-долго. Дышал медленно и глубоко. И повторял про себя всегда одно и то же: «Возьми все это, дедушка. Дыши этим чистым воздухом. Дыши. Вдыхай этот запах земли и тумана. Я здесь. Я – твои легкие, твое дыхание, твое сердце. Я помогу тебе. Возьми». Это было как искусственное дыхание рот в рот, только на расстоянии.

Я сытно ел и много спал, я трогал кору деревьев и ходил гладить соседских лошадей. Запуская руку в теплую гриву, я шептал: «Возьми. Это тебе полезно».

Однажды вечером позвонила мама. Когда за мной пришел дежурный, сердце у меня так и упало.

– Новости неважные, сынок. Врачи прекращают лечение. Оно ничего не дает.

– Но он же умрет!

Я выкрикнул это в пустом коридоре.

– Тогда уж отключите его сами, быстрее будет!

И я бросил трубку.

После этого я на все плюнул. Стал опять играть в настольный футбол с ребятами, работал спустя рукава и почти перестал разговаривать. Жизнь мне опротивела. Для меня дедушка как будто уже умер. Когда звонили родители, я им просто не отвечал.

И вот вчера парень из старшего класса пришел за мной в спальню. Я дрых без задних ног. Он тряс меня так и эдак:

– Эй! Эй! Просыпайся! Подъем!

Я выговорил, еле ворочая языком:

– Шшшто... што шлушилось?

– Это ты, что ли, Тотоша?

– Почему ты спрашиваешь?

Я протер глаза.

– Потому что внизу какой-то дед в инвалидной коляске разоряется: вынь да положи ему Тотошу... Так это, часом, не ты?

Кое-как натянув штаны, я кубарем скатился с четвертого этажа. Бежал и плакал в три ручья, как маленький.

Он был там, у дверей столовой, и с ним парень в белом халате. Парень возился с трубками капельницы, а мой дед Леон сидел и улыбался мне.

Я так плакал, что даже улыбнуться в ответ не мог.

Он сказал:

– Ты застегнул бы ширинку, Тотоша, простудишься.

И тогда я улыбнулся.

А. С. Пушкин

Капитанская дочка

Глава II

Вожатый

*Сторона ль моя, сторонушка.
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.
Старинная песня*

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в Симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке¹³⁰, отворотясь от меня, и молчал, изредка только побрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

– Эх, батюшка Петр Андреич! – отвечал он с глубоким вздохом. – Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

– Это зачем?

– Время ненадежно: ветер слегка подымается; – вишь, как он сметает порошу.

– Что ж за беда!

– А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

– Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

– А вон – вон: это облачко.

¹³⁰ Облучок – гнутая жердь или доска, образующая край кузова или телеги. На таком облучке сидели боком, свесив ноги. Впоследствии облучком стали называть козлы – сидение для кучера.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали. «Что же ты не едешь?» – спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? – отвечал он, слезая с облучка; – невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: «И охота было не слушаться, – говорил он сердито, – воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное. «Эй, ямщик! – закричал я, – смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А бог знает, барин, – сказал он, садясь на свое место; – воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек».

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком. «Гей, добрый человек! – закричал ему ямщик. – Скажи, не знаешь ли, где дорога?»

– Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, – отвечал дорожный, – да что толку?

– Послушай, мужичок, – сказал я ему, – знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

– Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да вишь какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жильё недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

– А почему ехать мне вправо? – спросил ямщик с неудовольствием. – Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. – Ямщик казался мне прав. «В самом деле, – сказал я, – почему думаешь ты, что жило недалече?» – «А потому, что ветер оттоле потянул, – отвечал дорожный, – и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич

охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку¹³¹, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо вероятно знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным слушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с черной бороною, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» – «Всё равно, Петруша, – отвечала мне матушка, – это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дергал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

– Куда приехали? – спросил я, протирая глаза.

– На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак¹³², казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец¹³³, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

– Где же вожатый? – спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», – отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» – «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке!¹³⁴ Был тулуп, да что греха таить? заложил вчор у целовальника¹³⁵: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошел с кипящим

¹³¹ Циновка – плотное плетеное изделие из соломы, тростника и т.п.

¹³² Яицкий казак – название происходит от реки Урал, которая до 1775 года называлась Яик. Начиная с 16 века на Яике селились беглые крестьяне, из которых и сформировалось яицкое казачество.

¹³³ Погребец – дорожный сундучок для еды и посуды.

¹³⁴ Армяк – верхняя долгополая распашная одежда в виде халата из толстой грубой шерстяной ткани или сукна, употреблявшаяся в прошлом (с 15–16 вв.) русскими крестьянами (особенно Урала и Поволжья).

¹³⁵ Целовальник – должностное лицо в Русском государстве 15–18 вв. Избирался из посадских людей или черносошных крестьян для выполнения различных финансовых или судебных обязанностей.

самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары¹³⁶. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, – прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца¹³⁷ штоф¹³⁸ и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши?»

– Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечерне¹³⁹ звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. – «Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» – При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати¹⁴⁰.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска¹⁴¹, в то время только что усмиреного после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умет*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку! – сказал он, – за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, – сказал я хладнокровно; – если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

– Помилуй, батюшка Петр Андреич! – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.

¹³⁶ Шаровары – мужские или женские штаны.

¹³⁷ Ставец (поставец) – невысокий шкафчик для посуды.

¹³⁸ Штоф – четырехгранная бутылка для вина (водки) по вместимости равная 1/10 ведра.

¹³⁹ Вечерня – у православных: вечерняя церковная служба.

¹⁴⁰ Полати – лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью.

¹⁴¹ Восстание в Яицком городке вспыхнуло 12 января 1772 г., а подавлено было в том же году летом.

– Это, старинушка, уж не твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

– Бога ты не боишься, разбойник! – отвечал ему Савельич сердитым голосом. – Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища.

– Прошу не умничать, – сказал я своему дядьке; – сейчас неси сюда тулуп.

– Господи владыко! – простонал мой Савельич. – Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». – Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» – Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания. «"Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство"... Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?... "ваше превосходительство не забыло"...гм... "и... когда... покойным фельдмаршалом Мин... походе... также и... Каролинку"... Эхе, брудер! так он еще помнит стары наши проказ? "Теперь о деле... К вам моего повесу"¹⁴²...гм... "держат в ежовых рукавицах"... Что такое ешовы рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое "дершат в ешовых рукавицах"?» – повторил он, обращаясь ко мне.

– Это значит, – отвечал я ему с видом как можно более невинным, – обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

«Гм, понимаю... "и не давать ему воли" нет, видно ешовы рукавицы значит не то... "При сем... его паспорт"... Где ж он? А, вот... "отписать в Семеновский"... Хорошо, хорошо: всё будет сделано... "Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом" – а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, – сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, – всё будет сделано: ты будешь офицером переведен в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня».

«Час от часу не легче! – подумал я про себя, – к чему послужило мне то, что еще в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!¹⁴³...» Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала

¹⁴² Повеса – бездельник, шалун, проводящий время в проказах.

¹⁴³ Киргиз-кайсацкие степи – находились к востоку от реки Урала, на месте нынешнего Казахстана.

за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава VI

Пугачевщина

*Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать.
Песня*

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и наконец усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника¹⁴⁴. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочел следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости
капитану Миронову.

По секрету.

¹⁴⁴ Урядник – унтер-офицерское звание в казачьих войсках.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник¹⁴⁵ Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

– Принять надлежащие меры! – сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. – Слышь ты, легко сказать. Злодей-то видно силен; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуше всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе со Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. «Как ты думаешь, чем это кончится?» – спросил я его. «Бог знает, – отвечал он; – посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачева разнеслась по крепости. Иван Кузмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не могла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время ее отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он ни мало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а как от того может произойти несчастье, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником».– «А для чего ж было тебе запирать Палашку? – спросила комендантша. – За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузмич не был приготовлен к такому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьется, прекратила свои вопросы и завела речь о соленых огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове ее мужа, о чем бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камушки, щепки, бабки¹⁴⁶ и сор всякого рода,

¹⁴⁵ Раскольник – здесь: человек, который вносит раскол, сеет смуту.

¹⁴⁶ Бабки – специально обработанные кости нижних надкопытных суставов ног коров, свиней, овец, используемые для игры. Игра в бабки – старинная русская народная игра.

запиханный в нее ребятишками. «Что? бы значили эти военные приготовления? – думала комендантша, – уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича, с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судья, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою: «Господи боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?»

– И, матушка! – отвечал Иван Игнатьич. – Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!

– А что за человек этот Пугачев? – спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всем признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Посланы были к ним лазутчики. Юлай, крещеный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны: по возвращении своем лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, – сказал он ей покашливая. – Отец Герасим получил, говорят, из города...» – «Полно врать, Иван Кузмич, – перервала комендантша; – ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; да лих не проведешь!» Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, – сказал он, – коли ты уже всё знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». – «То-то, батька мой, – отвечала она; – не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о

своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

– Каков мошенник! – воскликнула комендантша. – Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамена! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

– Кажется, не должно бы, – отвечал Иван Кузмич. – А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

– Видно, он в самом деле силен, – заметил Швабрин.

– А вот сейчас узнаем настоящую его силу, – сказал комендант. – Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатъич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

– Постой, Иван Кузмич, – сказала комендантша, вставая с места. – Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, – мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатъич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! – сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. – Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что? же ты молчишь? – продолжал Иван Кузмич, – али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

– Якши¹⁴⁷, – сказал комендант; – ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

¹⁴⁷ Якши – хорошо (татарск.).

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, – тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра¹⁴⁸, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены. «Ну, – сказал комендант, – видно нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем».

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

– Что это с тобою сделалось? – спросил изумленный комендант.

– Батюшки, беда! – отвечала Василиса Егоровна. – Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

– Послушайте, Иван Кузмич! – сказал я коменданту. – Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей: «А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?»

– И, пустое! – сказала комендантша. – Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!

– Ну, матушка, – возразил Иван Кузмич, – оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса¹⁴⁹; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

– Ну, тогда... – Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом необычайного волнения.

– Нет, Василиса Егоровна, – продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. – Маше здесь оставаться не гоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

¹⁴⁸ Александр I – правил с 1801 по 1825 год. Период правления императора Александра (особенно первая его половина) характеризовался послаблениями во многих областях жизни.

¹⁴⁹ Сикурс (фр.) – помощь.

– Добро, – сказала комендантша, – так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

– И то дело, – сказал комендант. – Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет ее и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

– У Акулины Памфиловны, – отвечала комендантша. – Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался; но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застаю Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Петр Андреич! – сказала она мне со слезами. – Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, господь приведет нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял ее. «Прощай, ангел мой, – сказал я, – прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VIII

Незванный гость

Незванный гость хуже татарина.

Пословица

Площадь опустела. Я всё стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом... Всё было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; всё растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен; лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной, девической кельи? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной... В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

– Ах, Петр Андреич! – сказала она, сплеснув руками. – Какой денек! какие страсти!..

– А Марья Ивановна? – спросил я нетерпеливо, – что Марья Ивановна?

– Барышня жива, – отвечала Палаша. – Она спрятана у Акулины Памфиловны.

– У попадьи! – вскричал я с ужасом. – Боже мой! да там Пугачев!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни...

Пугачев пировал с своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

– Ради Бога! где Марья Ивановна? – спросил я с неизъяснимым волнением.

– Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, – отвечала попадья. – Ну, Петр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава богу, всё прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». – «А молода твоя племянница?» – «Молода, государь». – «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». – У меня сердце так и екнуло, да нечего было делать. – «Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и прийти к твоей милости». – «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами! – и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иванович? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то. – В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась. – Ступайте себе домой, Петр Андреич, – сказала она; – теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андреич! Что? будет, то будет; авось Бог не оставит!

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! – вскричал он, увидя меня. – Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду – ничего не оставили. Да что уж! Слава богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

– Нет, не узнал; а кто ж он такой?

– Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

– Не изволишь ли покушать? – спросил Савельич, неизменный в своих привычках. – Дома ничего нет; пойду, пошарю, да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Остаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна

отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность ее положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, что-де «великий государь требует тебя к себе». – «Где же он?» – спросил я, готовясь повиноваться.

– В комендантском, – отвечал казак. – После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почел нужным оспаривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачевым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришел я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё еще валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожам и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! – сказал Пугачев, увидя меня. – Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, – сказал Пугачев, – затайдем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» – Сосед мой затянул тонким голосом заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,

Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа прав ославный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, – всё потрясло меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать, но Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». – Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

– Что, ваше благородие? – сказал он мне. – Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинута тебе веревку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, – продолжал он; – но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

– Чему ты усмехаешься? – спросил он меня нахмурясь. – Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком – было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленый: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

– Кто же я таков, по твоему разумению?

– Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, – сказал он, – чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев¹⁵⁰ не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иноного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

– Нет, – отвечал я с твердостью. – Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, – сказал он, – так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

– Как могу тебе в этом обещаться? – отвечал я. – Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя – пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня – спасибо; казнишь – Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, – сказал он, ударя меня по плечу. – Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит».

Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, всё в нем было тихо.

Я пришел к себе на квартиру и нашел Савельича, горюющего по моему отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава тебе, владыко! – сказал он перекрестившись. – Чем свет оставим крепость и пойдем куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный душевно и физически.

Глава X

Осада города

*Заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат
И, в нем перуны¹⁵¹ скрыв, в ноци привесть под град.
Херасков*

¹⁵⁰ Гришка Отрепьев – беглый монах, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича (Лжедмитрий I).

¹⁵¹ Перун – бог-громовержец в славянской мифологии, покровитель князя и дружины, *перуны* употребляется как поэтический символ воинов или сражения.

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников¹⁵² с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпич и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то и повел меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнаженные дыханием осени, и с помощью старого садовника бережно их укутывал теплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим я был свидетель. Я рассказал ему всё. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! – сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. – Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи. «Ай, ай, ай! – заметил генерал. – Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкой?» Я отвечал, что до Белогорской крепости недалеко и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных ее жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, – сказал он. – Об этом мы еще успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачеве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошел на квартиру, мне отведенную, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не преминул явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможни, толстого и румяного старичка в глазетовом¹⁵³ кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые если и не обличали в нем человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашенные. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чем состояло дело: «Теперь, господа, – продолжал он, – надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: *наступательно* или *оборонительно*? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнем собирать голоса по законному порядку, то есть, начиная с младших по чину. Г-н прапорщик! – продолжал он, обращаясь ко мне. – Извольте объяснить нам ваше мнение».

Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия.

Мнение мое было принято чиновниками с явною неблагоклонностию. Они видели в нем опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово: *молокосос*, произнесенное кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Г-н прапорщик! Первые голоса на военных

¹⁵² Колодник – арестант, узник в колодках.

¹⁵³ Глазет – шелковая ткань с золотым и серебряным узором, гладкая или с крупным рисунком.

советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных; это законный порядок. Теперь станем продолжать собирание голосов. Г-н коллежский советник¹⁵⁴! скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно».

– Как же так, господин коллежский советник? – возразил изумленный генерал. – Других способов тактика не представляет: движение оборонительное или наступательное...

– Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

– Э-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактику допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

– И тогда, – прервал таможенный директор, – будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и ногам.

– Мы еще об этом подумаем и потолкуем, – отвечал генерал. – Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадежности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек, за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнес следующую речь:

– Государи мои! должен я вам объявить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие основано на всех правилах здоровой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие мое торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собою перешептывались с видом неудовольствия и беспокойства.

– Но, государи мои, – продолжал он, выпустив, вместе с глубоким вздохом, густую струю табачного дыму, – я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идет о безопасности вверенных мне провинций ее императорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками – отражать.

Чиновники в свою очередь насмешливо поглядели на меня. Совет разошелся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решался следовать мнениям людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета, узнали мы, что Пугачев, верный своему обещанию, приблизился к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных. Вспомня решение совета, я

¹⁵⁴ Коллежский советник – гражданский чин VI класса в Табели о рангах, введенной Петром I и распределившим всех служащих на 14 классов. Соответствовал чинам армейского полковника и флотского капитана I ранга.

предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была губительна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачева уж не привлекали общего любопытства. Я умирал со скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны.

Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о ее судьбе меня мучила. Единственное развлечение мое состояло в наездничестве. По милости Пугачева, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городская конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Петр Андреич! Как вас Бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, – сказал я ему. – Давно ли из Белогорской?»

– Недавно, батюшка Петр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

– Где ж оно? – вскричал я, весь так и вспыхнув.

– Со мною, – отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. – Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. – Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул ее и с трепетом прочел следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережете и не думаете о тех, которые за вас со слезами бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачевым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозит, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную. Упросите генерала и всех командиров

прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошел. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал.

Генерал ходил взад и вперед по комнате, куря свою пенковую трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

– Ваше превосходительство, – сказал я ему, – прибегаю к вам, как к отцу родному; ради Бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идет о счастье всей моей жизни.

– Что такое, батюшка? – спросил изумленный старик. – Что я могу для тебя сделать? Говори.

– Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошел (в чем почти и не ошибался).

– Как это? Очистить Белогорскую крепость? – сказал он наконец.

– Ручаюсь вам за успех, – отвечал я с жаром. – Только отпустите меня.

– Нет, молодой человек, – сказал он качая головою. – На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация...

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения, и спешил его прервать.

– Дочь капитана Миронова, – сказал я ему, – пишет ко мне письмо: она просит помощи; Швабрин принуждает ее выйти за него замуж.

– Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm¹⁵⁵, и если попадетя ко мне в руки, то я велю его судить в 24 часа, и мы расстреляем его на парапете крепости! Но покамест надобно взять терпение...

– Взять терпение! – вскричал я вне себя. – А он между тем женится на Марье Ивановне!..

– О! – возразил генерал. – Это еще не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина: он теперь может оказать ей протекцию; а когда его расстреляем, тогда, Бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят; то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели девица.

– Скорее соглашусь умереть, – сказал я в бешенстве, – нежели уступить ее Швабрину!

– Ба, ба, ба, ба! – сказал старик. – Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблен. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоприятна; я не могу взять ее на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

¹⁵⁵ плут. (нем.)

Глава XII

Сирота

*Как у нашей у яблонки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.
Свадебная песня*

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился; но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» – Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошел ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостью. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее».

Швабрин побледнел как мертвый. «Государь, – сказал он дрожащим голосом... – Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», – сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! – сказал он. – Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» – сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

– Тише! – прервал меня Пугачев. – Это мое дело. А ты, – продолжал он, обращаясь к Швабрину, – не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы¹⁵⁶ Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

– Отворяй! – сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

¹⁵⁶ Светлица – чистая, светлая, парадная комната в доме.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало – не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» – Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?»

– Мой муж! – повторила она. – Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрина: «И ты смел меня обманывать! – сказал он ему. – Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился. «Милую тебя на сей раз, – сказал он Швабрину; – но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

– Что, ваше благородие? – сказал смеясь Пугачев. – Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом¹⁵⁷, Швабрин дружкою; закутим, запьем – и ворота запрем!

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя. «Государь! – закричал он в исступлении. – Я виноват, я вам солгал; но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости».

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» – спросил он меня с недоумением.

– Швабрин сказал тебе правду, – отвечал я с твердостью.

– Ты мне этого не сказал, – заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

– Сам ты рассуди, – отвечал я ему, – можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

– И то правда, – сказал смеясь Пугачев. – Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

– Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ин быть по-твоему! – сказал он. – Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее, куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

¹⁵⁷ Посажённый отец – по русской традиции, на свадьбе родителей жениха и невесты заменяют посаженный отец и посаженная мать. Посажённый отец – человек, исполняющий роль родителя жениха или невесты при свадебном обряде.

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остоленелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» – спросила Палаша. Я назвал. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Петр Андреич. Я передеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне: я сейчас туда же буду».

Я повиновался и пошел в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Петр Андреич, – говорила попадья. – Привел Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили? Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за то». – «Полно, старуха, – прервал отец Герасим. – Не всё то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании. Батюшка Петр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем Бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расстаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман. «С нами сила крестная! – говорила Акулина Памфиловна. – Промчи бог тучу мимо. Ай-да Алексей Иваныч; нечего сказать: хорош гусь!» – В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила свое крестьянское платье и одета была по-прежнему просто и мило.

Я схватил ее руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас ее положения, все испытания, которым подвергал ее гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевавшем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагоприятное положение отца моего ее пугало. Я ее успокоил. Я знал, что отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! – сказал я наконец. – Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противуречил. Мы поцеловались горячо, искренно – и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени. Я нашел его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное

сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было мое сердце.

Мы расстались дружески. Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь».— Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошелся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Всё было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше всё было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроем: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный! – говорила добрая попадья. – Счастливым путем, и дай Бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Вильям Шекспир

Ромео и Джульетта

Трагедия в V актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, князь веронский

Граф Парис, молодой человек, родственник князя

Главы двух враждующих домов:

Монтекки

Капулетти

Дядя Капулетти

Ромео, сын Монтекки

Меркуцио, родственник князя, друг Ромео

Бенволио, племянник Монтекки, друг Ромео

Тибальт, племянник леди Капулетти

Францисканские монахи:

Брат Лоренцо

Брат Джованни

Балтазар, слуга Ромео

Слуги Капулетти:

Самсон

Грегорио

Петр, слуга кормилицы

Абрам, слуга Монтекки

Аптекарь

Три музыканта

Паж Париса

Первый горожанин

Леди Монтекки, жена Монтекки

Леди Капулетти, жена Капулетти

Джульетта, дочь Капулетти

Кормилица Джульетты.

Горожане Вероны, мужская и женская родня обоих домов, ряженые, стража, слуги

Хор

Место действия – Верона и Мантуя.

ПРОЛОГ

Входит хор.

Хор

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются нас события,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролития.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.
Их жизнь, любовь и смерть и, сверх того,
Мир их родителей на их могиле
На два часа составят существо
Разыгрываемой пред вами были.
Помилостивей к слабостям пера –
Их сгладить постарается игра.

АКТ I

СЦЕНА 1

Верона. Площадь.

Входят Самсон и Грегорио, слуги Капулетти, с мечами и щитами.

Самсон .

Грегорио, уговор: перед ними не срамиться.

Грегорио .

Что ты! Наоборот. Кого ни встречу, сам осрамлю.

Самсон .

Зададим им баню!

Грегорио .

Самим бы выйти сухими из воды.

Самсон .

Я скор на руку, как раскипачусь.

Грегорио .

Раскипятить-то тебя – не скорое дело.

Самсон .

При виде монтекковских шавок, я вскипаю, как кипяток.

Грегорио .

Кипеть – уйдешь. Вскипишь – и наутек, как молоко. А смелый упрется – не сдвинуть.

Самсон .

Перед шавками из дома Монтекки я упрусь – не сдвинуть. Всех сотру в порошок: и молодых и девок.

Грегорио .

Подумаешь, какой ураган!

Самсон .

Всех до одного. Молодцов в сторону, а девок по углам и в щель.

Грегорио .

Ссора-то ведь господская и между мужской прислугой.

Самсон .

Все равно. Слажу с мужской, примусь за женскую. Всем покажу свою силу.

Грегорио .

И бедным девочкам?

Самсон .

Пока хватит мочи, и девочкам. Я, слава Богу, кусок мяса не малый.

Грегорио .

Хорошо, что ты не рыба, а то был бы ты соленой трескою. Скорей, где твой меч? Вон двое монтекковских.

Самсон .

Готово, меч вынут. Задери их. Я тебя не оставлю.

Грегорио .

Это еще что за разговор? Как! Струсить и показать пятки?

Самсон .

Обо мне не беспокойся.

Грегорио .

Есть о ком беспокоиться!

Самсон .

Выведем их из себя. Если они начнут драку первыми, закон будет на нашей стороне.

Грегорио .

Я скорчу злое лицо, когда пройду мимо. Посмотрим, что они сделают.

Самсон .

Я буду грызть ноготь по их адресу. Они будут опозорены, если смолчат.

Входят Абрам и Балтазар.

Абрам .

Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

Самсон .

Грызу ноготь, сэр.

Абрам .

Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

Самсон

(*вполголоса Грегорио*). Если это подтвердить, закон на нашей стороне?

Грегорио

(*вполголоса Самсону*). Ни в коем случае.

Самсон .

Нет, я грызу ноготь не на ваш счет, сэр. А грызу, говорю, ноготь, сэр.

Грегорио .

Вы набиваетесь на драку, сэр?

Абрам .

Я, сэр? Нет, сэр.

Самсон .

Если набиваетесь, я к вашим услугам. Я проживаю у господ ничуть не хуже ваших.

Абрам .

Но и не у лучших.

Грегорио .

(*в сторону, Самсону, заметив вдали Тибальта*). Говори – у лучших. Вон один из хозяйской родни.

Самсон .

У лучших, сэр.

Абрам .

Вы лжете!

Входит Бенволио.

Самсон .

Деритесь, если вы мужчины! Грегорио, покажи-ка им свой молодецкий удар.

Дерутся.

Бенволио
Оружье прочь – и мигом по местам!
Не знаете, что делаете, дурни.
(Выбивает у них мечи из рук.)

Входит Тибальт.

Тибальт
Как, ты сцепился с этим мужичьем?
Вот смерть твоя – оборотись, Бенволио!

Бенволио
Хочу их помирить. Вложи свой меч,
Или давай их сообща разнимем.

Тибальт
Мне ненавистен мир и слово «мир»,
Как ненавистен ты и все Монтекки.
Постой же, трус!

Дерутся.

Входят приверженцы обоих домов и присоединяются к дерущимся; затем горожане с дубинками и алебардами¹⁵⁸.

Первый горожанин
Сюда с дубьем и кольями! Лупи!
Долой Монтекки вместе с Капулетти!

Входят Капулетти в халате и леди Капулетти.

Капулетти
Что тут за шум? Где меч мой боевой?

Леди Капулетти
Костыль ему! Меча не доставало!

Капулетти
Подать мне меч! Монтекки – на дворе
И на меня свое оружие поднял.

Входят Монтекки и леди Монтекки.

Монтекки
Ты, Капулетти, плут! Пусти, жена!

Леди Монтекки
К дерущимся не дам ступить ни шагу!

¹⁵⁸ Алебарда – колюще-рубящее холодное оружие в виде копья, на конце которого крепится топор или секира.

Входит князь со свитой.

Князь

Изменники, убийцы тишины,
Грязнящие железо братской кровью!
Не люди, а подобия зверей,
Гасящие пожар смертельной розни
Струями красной жидкости из жил!
Кому я говорю? Под страхом пыток
Бросайте шпаги из бесславных рук
И выслушайте княжескую волю.
Три раза под влияньем вздорных слов
Вы оба, Капулетти и Монтекки,
Резней смущали уличный покой.
Сняв мантии, советники Вероны
Сжимали трижды в старческих руках
От ветхости тупые алебарды,
Решая тяжбу дряхлой старины.
И если вы хоть раз столкнетесь снова,
Вы жизнью мне запатите за все.
На этот раз пусть люди разойдутся.
Вы, Капулетти, следуйте за мной,
А вас я жду, Монтекки, в Виллафранке¹⁵⁹
По делу этому в течение дня.
Итак, под страхом смерти – разойдитесь!

Все уходят, кроме Монтекки, леди Монтекки и Бенволио.

Монтекки

Кто сызнова затеял этот спор?
Скажи, племянник, ты ведь был при этом?

Бенволио

Я нашу дворню с челядью¹⁶⁰ врага
Уже застал в разгаре рукопашной.
Едва я стал их разнимать, как вдруг
Неистовый Тибальт вбежал со шпагой
И ею стал махать над головой.
Он вызывал меня на бой, а ветер
Насмешливо свистел ему в ответ.
Пока чередовали мы удары,
С толпой людей, сбежавшихся на зов,
Явился князь и рознял драчунов.

Леди Монтекки

А где Ромео? Виделись вы с ним?
Он не был тут? Он правда невредем?

¹⁵⁹ Виллафранка – Виллафранка – город близ Вероны.

¹⁶⁰ Челядь – прислужники, рабы.

Бенволио

Сударыня, за час пред тем, как солнце
Окно востока золотом зажгло,
Я в беспокойстве вышел на прогулку.
Пересекая рощу сикомор¹⁶¹,
У западных ворот я натолкнулся
На сына вашего. Он там гулял
В такую рань. Я зашагал вдогонку.
Узнав меня, он скрылся в глубине,
И так как он искал уединенья,
То я его оставил одного.

Монтекки

Его там часто по утрам видали.
Он бродит и росистый пар лугов
Парами слез и дымкой вздохов множит.
Однако только солнце распахнет
Постельный полог в спальне у Авроры¹⁶²,
Мой сын угрюмо тащится домой,
Кидается в свой потаенный угол
И занавесками средь бела дня
Заводит в нем искусственную полночь.
Откуда этот неотступный мрак?
Хочу понять и не пойму никак.

Бенволио

Вы знаете причину, милый дядя?

Монтекки

Не ведаю и не могу узнать.

Бенволио

С расспросами к нему вы обращались?

Монтекки

А как же! Я и лучшие друзья.
Но он непроницаем для расспросов
И отовсюду так же защищен,
Как червяком прокушенная почка,
Которая не выгонит листа
И солнцу не откроет сердцевины.
Ты спрашиваешь, знаю ль я причину?
Когда б я знал печали этой суть,
Я б излечил больного чем-нибудь.

Входит Ромео.

¹⁶¹ Сикомор – вечнозелёное дерево, обликом размером и прочностью напоминает дуб.

¹⁶² Аврора – в древнегреческой мифологии богиня утренней зари.

Бенволио
А вот и он. Вы здесь как бы случайно.
Увидите, я доберусь до тайны.

Монтекки
Пойдем жена. Оставим их вдвоем,
Как исповедника с духовником.

Монтекки и леди Монтекки уходят.

Бенволио
Ромео, с добрым утром!

Ромео
Разве утро?

Бенволио
Десятый час.

Ромео
Как долог час тоски!
Что это, не отец мой удалился?

Бенволио
Да, твой отец. Какая же тоска
Тебе часы, Ромео, удлиняет?

Ромео
Тоска о том, кто б мог их сократить.

Бенволио
Ты по любви тоскуешь

Ромео
Нет.

Бенволио
Ты любишь?

Ромео
Да, и томлюсь тоскою по любви.

Бенволио
О, эта кроткая на вид любовь
Как на поверку зла, неумолима!

Ромео
Как сразу, несмотря на слепоту,
Находит уязвимую пята! –
Где мы обедать будем? – Сколько крови!

Не говори о свалке¹⁶³. Я слышал.
И ненависть мучительна и нежность.
И ненависть и нежность - тот же пыл
Слепых, из ничего возникших сил,
Пустая тягость, тяжкая забава,
Нестройное собранье стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.
Вот какова, и хуже льда и камня,
Моя любовь, которая тяжка мне.
Ты не смеешься?

Бенволио
Нет, скорее плачу.

Ромео
О чем, дружок?

Бенволио
В ответ слезам твоим.

Ромео
Какое зло мы добротой творим!
С меня и собственной тоски довольно,
А ты участием делаешь мне больно.
Заботами своими обо мне
Мою печаль ты растравил вдвойне.
Что есть любовь? Безумье от угара.
Игра огнем, ведущая к пожару.
Воспламенившееся море слез,
Раздумье – необдуманности ради,
Смешенье яда и противоядия.
Прощай, дружок.

Бенволио
Постой, ты слишком скор.
Пойду и я, но кончим разговор.

Ромео
Я потерял себя, и я не тут.
Ромео нет, Ромео не найдут.

Бенволио
Нет, не шутя скажи: кого ты любишь?

Ромео
А разве шутки были до сих пор?

Бенволио

¹⁶³ Здесь: схватка.

Конечно, нет. Но кто она, без шуток?

Ромео

Скажи больному у его одра,
Что не на шутку умирать пора.
Она не в шутку женщина, приятель.

Бенволио

Я так и знал, и бью не в бровь, а в глаз.

Ромео

Лихой стрелок, но дева не про нас.

Бенволио

Чем лучше цель, тем целимся мы метче.

Ромео

Сюда неприложимы эти речи.
У ней душа Дианы¹⁶⁴, Купидон¹⁶⁵
Не страшен девственнице и смешон.
Она не сдастся на умильность взора
Ни за какие золотые горы.
Красавица, она свой мир красот
Нетронутым в могилу унесет.

Бенволио

А что, она дала обет безбрачья?

Ромео

Увы, дала и справится с задачей.
От этой девы и ее поста
Останется в потомстве пустота.
Она такая строгая святая,
Что я надежд на счастье не питаю,
Ей в праведности жить, а мне конец:
Я не жилец на свете, я мертвец.

Бенволио

Советую, брось помыслы о ней.

Ромео

Так посоветуй, как мне бросить думать.

Бенволио

Дай волю и простор своим глазам –
Другими полюбуйся.

¹⁶⁴ Диана – в римской мифологии богиня растительности.

¹⁶⁵ Купидон – в мифах древних римлян божество любви. Соответствует римскому Амуру и греческому Эроту.

Ромео
Это способ
Признать за ней тем больше совершенств.
В разрезах черных масок с большей силой
Сверкают лица женщин белизной.
Ослепший вечно помнит драгоценность
Утраченного зренья. А в чертах
Красавиц я прочту напоминанье
О той, кто без сравненья лучше всех.
Забвенью все же я не научился.

Бенволио
Я научу, как ты бы ни крепился.

Уходят.

Сцена 2

Улица.

Входит Капулетти, Парис и слуга.

Капулетти
Монтекки и меня оштрафовали.
А разве трудно было б жить в ладу?

Парис
Да, это странно. Два почтенных старца –
И почему-то вечно на ножах.
Однако вы мне не дали ответа.

Капулетти
Я повторю, что я уже сказал:
Ведь дочь моя совсем еще ребенок,
Ей нет еще четырнадцати лет.
Еще повремените два годочка,
И мы невестою объявим дочку.

Парис
Вступают в брак моложе, чем она.

Капулетти
Но эта зрелость ранняя вредна.
Мои надежды пожрала могила,
И небо только дочь мне сохранило.
Столкуйтесь с нею, дорогой Парис, –
Вот все, что надо, чтобы мы сошлись.
Узнайте наперед ее желанья,

А я благословляю вас заранее.
Сегодня вечером у нас прием –
Мы ежегодный праздник задаем.
Тут соберется множество народа.
Мы будем рады вашему приходу.
Вы попадете на богатый съезд,
Как звезды ночи, блестящих невест
И будете свидетелем веселья,
Подобного разливу вод в апреле,
Когда вас окружит их хоровод
И вы очутитесь среди красот,
Решите вы, какая с большей силой
Воображенья ваше поразила.
Без права на такую похвалу
Дочь будет тоже ночью на балу.
Пойдемте, граф.
(Слуге, отдавая ему записку.)
А ты, мошенник низкий,
Всех приглашенных обойди по списку.
Скажи гостям, чье имя здесь стоит,
Что вход для них широко к нам открыт.

Капулетти и Парис уходят.

Слуга .
«Обойди по списку, обойди по списку»! А кто поймет этот список? А может, тут написано, что дело сапожника – аршин, а дело портного – колодка. «Обойди по списку»! А может, тут написано, что рыбу ловят кистью, а крыши красят неводами. «Скажи гостям, чье имя здесь стоит»! А ты мне скажи, чье здесь стоит имя? Для этого есть некоторые умеющие. Да вот они! Легки на помине.

Входят Бенволио и Ромео.

Бенволио
Молчи, мой друг. Огонь огнем встречают,
Беду – бедой и хворью лечат хворь,
Круженьем вспять круженья прекращают,
И ты с бедою точно так же спорь.
Схватить старайся новую заразу,
И прежняя не вспомнится ни разу.

Ромео
Хорош при этом также подорожник.

Бенволио
При чем, дружок?

Ромео
При переломе ног.

Бенволио
Да ты не спятил?

Ромео
Нет, совсем не спятил,
Но на цепи, как спятивший с ума,
Замучен и в смирительной рубашке.

Слуга
Здорово, сэра. Вы мастер ли читать?

Ромео
О да! Свой жребий по складам несчастий.

Слуга
Спасибо за откровенность. А нам надо, которые по писаному.

Ромео
Куда ты? Я пошутил. Дай я прочту. (*Читает.*) «Позвать синьора Мартино с супругой и дочерьми; графа Ансельмо с его прекрасными сестрами; вдовствующую госпожу Витрувио; синьора Плаченцо и его милых племянниц; Меркуцио с его братом Валентином; дядю Капулетти с женой и дочерьми; прелестную племянницу Розалину; Ливию; синьора Валенцио с его братом Тибальтом; Лючио и его резвущку Елену». Прекрасный выбор! А куда их ждут?

Слуга
Вон в тот конец.

Ромео
Куда?

Слуга
К нам в дом на ужин.

Ромео
В чей дом?

Слуга
Хозяйский дом.

Ромео
Об этом всем
Я должен был спросить тебя сначала.

Слуга .
Это я вам сам скажу. Мой хозяин – богач Капулетти. Может, слышали? Если вы не родня Монтеки, пожалуйста к нам на чарочку. (*Уходит.*)

Бенволио
У Капулетти, кроме Розалины,

Твоей зазнобы, будут на балу
Виднейшие красавицы Вероны.
Пойдем туда. Когда ты их сравнишь
С твоею павой¹⁶⁶ непредубежденно,
Она тебе покажется вороной.

Ромео

О, если вы такие святотатцы¹⁶⁷,
Богоотступных глаз моих зрачки,
Пусть ваши слезы в пламя обратятся
И вы сгорите, как еретики¹⁶⁸!
Неужто зреньем бог меня обидел,
Чтоб я на небе солнца не увидел?

Бенволио

Но ты ведь солнца этого красы
Еще не клал ни разу на весы.
Взгляни кругом на тех, что попригожей,
И вряд ли будешь петь одно и то же.
Быть может, твой единственный алмаз
Простым стеклом окажется на глаз.

Ромео

Пойдем на бал, но не на смотр собранья,
А ради той, кто выше описаний.

Уходят.

Сцена 3

Комната в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

Леди Капулетти

Кормилица, скорее: где Джульетта?

Кормилица

Клянись былой невинностью, звала.
Джульетта, где ты? Что за непоседа!
Куда девалась ярочка моя?

Входит Джульетта.

¹⁶⁶ Пава – самка павлина. || перен. женщина с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой (разг).

¹⁶⁷ Святотатцы – кощунствующие люди, богохульники.

¹⁶⁸ Еретик – человек, отклоняющийся от общепризнанных религиозных правил и норм, приверженец ереси.

Джульетта
Ну, что еще?

Кормилица
Тебя зовет мамаша.

Джульетта
Я здесь. Что, матушка, угодно вам?

Леди Капулетти
Сейчас. Кормилица, выйди на минуту, мы поговорим. Впрочем, стой, не уходи, тебе лучше послушать. Моя дочь порядком подросла.

Кормилица
Помилуйте, я ее лета сочту до часочка.

Леди Капулетти
Ей нет четырнадцати лет¹⁶⁹.

Кормилица
Я прозакладую своих четырнадцать зубов, даром что их только четыре, что нету. Сколько до Петрова дня?

Леди Капулетти
Две недели с лишним.

Кормилица
С лишним или без лишнего, не об этом спор, а четырнадцать ей минет на Петров день¹⁷⁰, я вам верно говорю. Она и Сусанна – упокой ее, господи! – были ровесницы. Но я ее не стоила, и ее господь прибрал. А четырнадцать ей минет на Петров день, это вы не сомневайтесь, я хорошо помню. Этому трясенью земли, вы теперь сосчитайте, полных одиннадцать годов. А в самое трясенье, как сейчас помню, я ее отлучила. Натерла я себе соски полынью и села у голубятни на солнечный припек. Вы с их милостью были в Мантуе, ну скажите, какова память! Хватила она, родимая, с соска полыни и закатилась – не приведи Бог! В это самое время голубятня передо мною кувырк, и я, само собой, оттуда давай Бог ноги. А этому делу теперь полных одиннадцать годов. Она уже тогда на ножки становилась – да что я, на ножки! – бегала уже и ходила, ей-богу, правда, истинный Господь! Теперь я вам скажу, расшибла она себе в то время лобик. И вот мой муж... царство ему небесное, ужасный был шутник!.. взял он ребенка на руки и говорит: «Лицом, говорит, Джулинька, падать не годится. Вырастешь, будешь, говорит, норовить упасть на спину. Будешь?» – говорит. И что же вы думаете? Утерла моя крошка слезы и отвечает ему: «Да». Вы подумайте, что за смехота! Тысячу лет проживу и никогда не забуду. «Будешь, говорит, на спину, Джулинька?» И она, как ни в чем не бывало, отвечает ему: «Да».

Леди Капулетти
Довольно болтать! Замолчи, пожалуйста!

¹⁶⁹ В ту эпоху не только в Италии, но и в Англии девочка четырнадцати лет считалась уже невестой.

¹⁷⁰ Петров день – отмечается 12 июля, праздник святых апостолов Петра и Павла. В этот день заканчивается Петров пост, который наши предки называли постом Пятидесятницы.

Кормилица

Слушаю, сударыня. Но скажите, разве не умора? Угомонилась в минуту и, не задумываясь, отвечает ему «да», а ведь шишка-то была здоровенная, с голубиное яйцо, и плакала она горячими слезами. «Лицом, говорит, падать не годится. Вырастешь, будешь, говорит, на спину? Будешь?» – говорит. И эта крошка отвечает ему «да» и разом угомонилась.

Джульетта

Угомонись, кормилица, и ты.

Кормилица

Слушаюсь, больше не буду. Из моих питомиц ты была самая хорошенькая. Дожить бы мне до твоей свадьбы, то-то была бы радость!

Леди Капулетти

До свадьбы? А о свадьбе-то и речь.
Затем пришла. Скажи-ка мне, Джульетта,
К замужеству как ты бы отнеслась?

Джульетта

Об этой чести я не помышляла.

Кормилица

Об этой чести? Вы подумайте! Жаль, я твоя кормилица, а то можно было бы сказать, что ты ум с молоком всосала.

Леди Капулетти

Так вот подумай. Меньших лет, чем ты,
Становятся в Вероне матерями,
А я тебя и раньше родила.
Итак, покуда второпях и вкратце:
К нам за тебя посватался Парис.

Кормилица

Ну, это, барышня моя, мужчина на славу! Такой мужчина, что объедешь целый свет – лучшего не сыщешь. Не человек, а картинка.

Леди Капулетти

Цветок, каких Верона не видала.

Кормилица

Цветок, нет слова. Слова нет, цветок.

Леди Капулетти

Что скажешь? По сердцу ли он тебе?
Сегодня на балу его изучишь.
Прочти, как в книге, на его лице
Намеки ласки и очарованья.
Сличи его черты, как письмена,

Измерь, какая в каждой глубина,
А если что останется в тумане,
Ищи всему в глазах истолкованья.
Вот где тебе блаженства полный свод,
И переплета лишь недостает.
Как рыба – глубли, с той же силой самой
Картина требует красивой рамы,
И золотое содержание книг
Нуждается в застежках золотых,
Вот так и ты, подумавши о муже,
Не сделаешься меньше или хуже.

Кормилица
Не сделаешься меньше! Больше, сударыня, больше. От мужчин женщины полнеют.

Леди Капулетти
Ну, как, займешься ль ты его особой?

Джульетта
Еще не знаю. Надо сделать пробу.
Но это лишь единственно для вас.
Я только исполняю ваш приказ.

Входит слуга.

Слуга
Сударыня, гости пришли, кушать подано, вас кличут не докличутся, каждый спрашивает барышню, в кладовой на чем свет стоит ругают кормилицу, и все вверх дном. Побегу к гостям. Сделайте милость, пожалуйста безотлагательно.

Леди Капулетти
Идем.

Слуга уходит.

Скорей, Джульетта! Граф уж там.

Кормилица
Благих ночей в придачу к добрым дням!

Уходят.

Сцена 4

Улица.

Входят Ромео, Меркуцио и Бенволио с пятью или шестью ряжеными, факельщики и мальчик с барабаном.

Ромео

Прочеть ли нам приветствие в стихах
Или войти без лишних предисловий?

Бенволио

Нет, в наше время это не в ходу.
Мы сможем обойтись без Купидона
С повязкой шерстяною на глазах,
С татарским луком из линючей дранки,
Который видом так бывал нелеп,
Что дамам был страшней вороньих пугал.
Нам не придется никого томить
Экспромтами при помощи суфлера.
Под дудку их не будем мы плясать,
А спляшем под свою и удалимся.

Ромео

Тогда дай факел мне. Я огорчен
И не плясун. Я факельщиком буду.

Меркуцио

Ромео, нет, от танцев не уйдешь.

Ромео

Уволь меня. Вы в легких бальных туфлях,
А я придавлен тяжестью к земле.

Меркуцио

Ведь ты влюблен, так крыльями амура
Решительней взмахни и оторвись.

Ромео

Он пригвоздил меня стрелой навывлет.
Я ранен так, что крылья не несут.
Под бременем любви я подгибаюсь.

Меркуцио

Повалишься, ее не придави:
Она нежна для твоего паденья.

Ромео

Любовь нежна? Она груба и зла.
И колется и жжется, как терновник.

Меркуцио

А если так, будь тоже с ней жесток,
Коли и жги, и будете вы квиты.
Однако время маску надевать.
Ну, вот и все, и на лице личина.
Теперь пусть мне что знают говорят:

Я ряженный, пусть маска и краснеет.

Бенволио

Стучитесь в дверь, и только мы войдем –
Все в пляс, и пошевеливай ногами.

Ромео

Дай факел мне. Пусть пляшут дураки.
Половики не для меня стелили.
Я ж со свечой, как деда говорили,
Игру понаблюдаю из-за плеч,
Хоть, кажется, она не стоит свеч.

Меркуцио

Ах, факельщик, своей любовью пылкой
Ты надоел, как чадная коптилка!
Стучись в подъезд, чтоб не истлеть живьем.
Мы днем огонь, как говорится, жжем.

Ромео

Таскаться в гости – добрая затея,
Но иск добру.

Меркуцио

А чем, спросить посмею?

Ромео

Я видел сон.

Меркуцио

Представь себе, и я.

Ромео

Что видел ты?

Меркуцио

Что сны – галиматья.

Ромео

А я не ошибался в них ни разу.

Меркуцио

Все королева Маб¹⁷¹. Ее проказы.
Она родоприемница у фей,
А по размерам – с камушек агата
В кольце у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом ездит
Вдоль по носам у нас, пока мы спим.
В колесах – спицы из паучьих лапок,

¹⁷¹ Королева Маб – персонаж английской мифологии, повелительница всех фей, акушерка.

Каретный верх – из крыльев саранчи,
Ремни гужей – из ниток паутины,
И хомуты – из капелек росы.
На кость сверчка накручен хлыст из пены,
Комар на козлах – ростом с червячка,
Из тех, которые от сонной лени
Заводятся в ногтях у мастериц.
Ее возок – пустой лесной орешек.
Ей смастерили этот экипаж
Каретники волшебниц – жук и белка.
Она пересекает по ночам
Мозг любящих, которым снятся нежность
Горбы вельможи, которым снится двор
Усы судей, которым снятся взятки,
И губы дев, которым снится страсть.
Шалунья Маб их сыпью покрывает
За то, что падки к сладким пирожкам.
Подкатит к переносице сутяги¹⁷²,
И он почует тяжбы аромат.
Щетинкой под ноздрею пощекочет
У пастора, и тот увидит сон
О прибыльности нового прихода.
С разбегу ринется за воротник
Солдату, и ему во сне приснятся
Побоища, испанские ножи,
И чары в два ведра, и барабаны.
В испуге вскакивает он со сна
И крестится, дрожа, и засыпает.
Все это плутни королевы Маб.
Она в конюшнях гривы заплетает
И волосы сбивает колтуном,
Который расплестать небезопасно.
Под нею стонут девушки во сне,
Заранее готовясь к материнству.
Вот эта Маб...

Ромео
Меркуцио, молчи.
Ты пустомеля.

Меркуцио
Речь о сновиденьях.
Они плоды бездельницы-мечты
И спящего досужего сознания.
Их вещество – как воздух, а скачки
Как взрывы ветра, рыщущего слепо
То к северу, то с севера на юг
В приливе ласки и порыве гнева.

¹⁷² Сутяга – вздорный, неправедный истец, охотник до придирчивых тяжб, исков.

Бенволио

Не застудил бы этот ветер твой
Нам ужина, пока мы сдуру медлим.

Ромео

Не сдуру медлим, а не в срок спешим.
Добра не жду. Неведомое что-то,
Что спрятано пока еще во тьме,
Но зародится с нынешнего бала,
Безвременно укоротит мне жизнь
Виной каких-то страшных обстоятельств.
Но тот, кто направляет мой корабль,
Уж поднял парус. Господа, войдемте!

Бенволио

Бей в барабан!

Уходят.

Сцена 5

Зал в доме Капулетти.

Музыканты. Слуги с салфетками.

Первый слуга

Где Антон Сотейщик? Отчего не помогает убирать? Так и липнет к обедкам! Так и возит языком!

Второй слуга

Плохо дело, когда вся работа на одном или двух, да и у тех руки невымытые.

Первый слуга

Резные кресла вон, горки с посудой – к стене. Присматривай за серебром. Припрячь мне, дорогой мой, кусок, марципану и, если любишь меня, предупреди внизу у входа, чтобы пропустили Надежду Наждачницу и Нелли.
Антон Сотейщик!

Третий слуга

Здесь я. Об чем крик?

Первый слуга

В большой комнате тебя зовут, кличут, требуют, и уж не знаю, как сказать.

Третий слуга

Всюду не поспеешь, надвое не разорваться. Веселей поворачивайся, ребята! Поживешь дольше – наживешь больше.

Входят Капулетти, леди Капулетти, Джульетта и Тибальт с домашними навстречу гостям и ряженым

Капулетти

Привет, синьоры! Дамам без мозолей
У нас работы хватит до утра.
Что скажете, красавицы? Какая
Не станет после этого плясать?
Сейчас и заподозрим, что мозоли.
Вот видите, у нас вы и в руках.
Привет, синьоры! Дамам, было время,
И я признанья на ухо шептал.
То время миновало, миновало...

Входят Ромео, Меркуцио, Бенволио и другие.

Привет, друзья! Играйте, музыканты!
С дороги все! Танцоры, дамы – в круг!

Музыка. Гости танцуют.

Побольше света! Отодвиньте стулья!
Залейте жар в камине: духота.
(*Дяде Капулетти.*)
Глядишь на танцы, так и разбирает.
Нет, что вы, сядьте, где уж нам плясать!
Когда, скажите, дядя Капулетти,
Плясали в масках мы в последний раз?

Дядя Капулетти

Да, думаю, тому назад лет тридцать.

Капулетти

О нет, не так давно, не так давно!
Считайте, сколько лет женат Люченцо?
Никак не больше двадцати пяти.
На свадьбе у него мы и плясали.

Дядя Капулетти

Да нет, их сыну тридцать с чем-то лет.

Капулетти

Он только год, как вышел из опеки.

Ромео

(*слуге из своей компании*)

Кто эта барышня, с которой в ряд
Стал этот кавалер?

Слуга

Не знаю, сударь.

Ромео

Ее сиянье факелы затмило.
Она, подобно яркому бериллу¹⁷³
В ушах арапки, чересчур светла
Для мира безобразия и зла.
Как голубя среди вороньей стаи,
Ее в толпе я сразу отличаю.
Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.
Любил ли я хоть раз до этих пор?
О нет, то были ложные богини.
Я истинной красы не знал доныне.

Тибальт

Мне показалось, голосом – Монтекки.
Мальчишка, шпагу! Этот негодяй
Осмелился пробраться к нам под маской
В насмешку над семейным торжеством!
Ну что ж, у нас находчивости хватит.
Он жизнью мне за этот шаг заплатит.

Капулетти

Мой дорогой, зачем ты поднял крик?

Тибальт

У нас Монтекки! Как он к нам проник?
Врывается к нам, ни на что не глядя,
Чтобы позорить нас на маскараде!

Капулетти

Ты о Ромео?

Тибальт

О дрянном Ромео.

Капулетти

Приди в себя. Что ты к нему пристал?
Он держится, как должно, и в Вероне
Единогласно признан, говорят,
Примером истинного благородства.
За все богатства мира я не дам
Кому-нибудь у нас его обидеть.
Оставь его, вот мой тебе приказ.
И если для тебя я что-то значу,
Развеселись и больше лба не хмурь.
В гостях надутость эта неуместна.

Тибальт

¹⁷³ Берилл – драгоценный камень.

Нет, к месту, если лишние в гостях.
Я не снесу...

Капулетти
Снесешь, когда прикажут!
Вы слышали? Каков! Он не снесет!
Он не снесет! Не я, а он хозяин!
Он не снесет! Он мне, того гляди,
В моей гостиной общество взбунтует!
Он главный тут! Он все! Он коновод!

Тибальт
Но, дядя, это срам.

Капулетти
Без разговоров!
Угомонись!
(Гостям.)
Так, так. Не может быть!
(Тибальту.)
Он будет мне давать еще советы!
(Гостям.)
Не может быть!
(Тибальту.)
Ты неуч и буян!
Учись манерам.
(Слугам.)
Свету, больше свету!
(Тибальту.)
Добром не хочешь – силой научу.
(Гостям.)
Что за разброд? Дружнее, дорогие!

Тибальт
Уйти, смиреньем победивши злость?
Что ж, и уйду. Но ваш незванный гость,
Которого нельзя побеспокоить,
Еще вам будет много крови стоить!
(Уходит.)

Ромео
(одетый монахом, Джульетте)
Я ваших рук рукой коснулся грубой.
Чтоб смыть кощунство, я даю обет:
К угоднице спаломничают губы
И зацелуют святотатства след.

Джульетта
Святой отец, пожатые рук законно.
Пожатые рук – естественный привет.

Паломники святыням бьют поклоны.
Прикладываться надобности нет.

Ромео
Однако губы нам даны на что-то?

Джульетта
Святой отец, молитвы воссылать.

Ромео
Так вот молитва: дайте нам работу.
Склоните слух ко мне, святая мать.

Джульетта
Я слух склоню, но двигаться не стану.

Ромео
Не надо наклоняться, сам достану.
(Целует ее.)
Вот с губ моих весь грех теперь и снят.

Джульетта
Зато мои впервые им покрылись.

Ромео
Тогда отдайте мне его назад.

Джульетта
Мой друг, где целоваться вы учились?

Кормилица
Тебя зовет мамаша на два слова.

Джульетта уходит.

Ромео
А кто она?

Кормилица
Да вы-то сами где?
Она глава семьи, хозяйка дома.
Я в мамках тут и выходила дочь.
Вы с ней сейчас стояли. Помяните:
Кто женится на ней, тот заберет
Хороший куш.

Ромео
Так это Капулетти?
Я у врага в руках и пойман в сети!

Бенволио

Прощайся. Вижу, шутка удалась.

Ромео

И даже чересчур на этот раз.

Капулетти

О нет, куда вы, господа, так рано?

Вон слуги с прохладительным идут.

Не можете? Торопитесь? Ну что же,

Благодарю. Прощайте. Добрый путь.

Светите им! А я на боковую.

Ах, черт, а ведь и правда поздний час!

Пора в постель.

Капулетти и другие уходят.

Джульетта

Кормилица, послушай:

Кто этот гость у выхода в углу?

Кормилица

Сын и наследник старика Тиберью.

Бенволио уходит.

Джульетта

А этот вот, который стал в дверях?

Кормилица

А это, кажется, Петруччо-младший.

Меркуцио уходит.

Джульетта

А тот, который подошел к нему

И не охотник танцевать?

Ромео уходит.

Кормилица

Не знаю.

Джульетта

Поди узнай-ка.

Кормилица удаляется к расходящимся.

Если он женат,

Пусть для венчанья саван мне кроят.

Кормилица

(возвращаясь)

Его зовут Ромео.

Он Монтекки,

Сын вашего заклятого врага.

Джульетта

Я воплощенье ненавистной силы

Некстати по незнанию полюбила!

Что могут обещать мне времена.

Когда врагом я так увлечена?

Кормилица

Что ты бормочешь?

Джульетта

Так, стихи, пустое.

На танцах в парке кто-то подсказал.

Леди Капулетти

(за сценой) Джульетта!

Кормилица

Слышим, слышим! Знаю, знаю!

Все разошлись. Пойдем и мы, родная.

Уходят. Входит хор.

Хор

Былая страсть лежит на смертном ложе,

И новая на смену ей пришла.

И бывшая Ромео всех дороже

Перед Джульеттой больше не мила.

Хотя любовь их все непобедимей,

Они пока еще разделены.

Исконная вражда семей меж ними

Разрыла пропасть страшной глубины.

В ее семье Монтекки ненавидят,

В глазах родни Ромео не жених.

Когда и где она его увидит

И как спасет от ненависти их?

Но страсть их учит побеждать страданье

И им находит способ для свиданья.

Хор уходит.

АКТ II

СЦЕНА 1

У стены сада Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео
Куда уйду я, если сердце здесь?
Вращайся вокруг планеты, бедный спутник!
(Перелезает через стену сада.)

Входят Бенволио и Меркуцио.

Бенволио
Ромео, стой!

Меркуцио
Ромео не дурак:
Он дома и, наверное, в постели.

Бенволио
Он перелез чрез эту стену в сад.
Погромче позови его, Меркуцио.

Меркуцио
Звать мало – вызову его, как тень.
Ромео! Сумасшедший обожатель!
Стань предо мной, как облачко, как вздох!
Произнеси полстрочки, и довольно.
Скажи «увы». Срифмуй «любовь» и «кровь».
К Венере обратись иль Купидону.
Скажи, что это мерзкий сорванец
С подбитым глазом. Расскажи легенду
О нищей и царе Кофетуа¹⁷⁴.
Не слышит, не колышется, не дышит.
Бедняга, мертв, а я зову его!
Зову тебя во имя Розалины,
Ее горящих глаз и влажных губ,
Крутого лба и стройных ног и бедер
И прочих околичностей, проснись
И выйди к нам.

Бенволио
Он может рассердиться.

¹⁷⁴ Известная легенда о том, как король Кофетуа встретил нищую девушку и, пленившись ее красотой и добродетелью, сделал ее королевой.

Меркуцио

А, собственно, на что? Иной вопрос,
Когда бы я к его любезной вызвал
Другого и оставил их вдвоем.
Но я ведь заклинаю дух Ромео
В его прямом и собственном лице.
Он должен оценить, а не сердиться.

Бенволио

Идем отсюда. Он засел в кустах.
Его слепые чувства одолели.

Меркуцио

Слепая страсть не достигает цели.
Он, верно, тут, под деревом, застыл
И сожалеет, что его царица
Не ягода садовая кизил,
Чтоб в рот к нему без косточки свалиться.
О, если б ягодой она была!
Ну и дурак набитый ты, Ромео!
Прощай, однако. Поспешу в постель.
В твоей походной койке страшный холод.
Идем, Бенволио.

Бенволио

Идем. Зачем
Искать того, кто найден быть не хочет?

Сцена 3

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо с корзиной.

Брат Лоренцо

Ночь сердится, а день исподтишка
Расписывает краской облака.
Как выпившие, кренделя рисуя,
Остатки тьмы пустились врассыпную.
Пока роса на солнце не сошла
И держится предутренняя мгла,
Наполню я свой кузовок плетеный
Целебным зельем и травую сонной.
Земля – праматерь всех пород, их цель.
Гробница и вновь – их колыбель.
Все, что на ней, весь мир ее зеленый
Сосет ее, припав к родному лону.
Она своим твореньям без числа

Особенные свойства раздала.
Какие поразительные силы
Земля в камни и цветы вложила!
На свете нет такого волокна,
Которым не гордилась бы она,
Как не отыщешь и такой основы,
Где не было бы ничего дурного.
Полезно все, что к стати, а не в срок –
Все блага превращаются в порок.
К примеру, этого цветка сосуды:
Одно в них хорошо, другое худо.
В его цветах – целебный аромат,
А в листьях и корнях – сильнейший яд.
Так надвое нам душу раскололи
Дух доброты и злого своеволья.
Однако в тех, где побеждает зло,
Зияет смерти черное дупло.

Ромео
(за сценой) Отец!

Брат Лоренцо
Благословение Господне!
Кому б ко мне в такую рань сегодня?

Входит Ромео.

Ах, это ты? Вполне ли ты здоров,
Что пробудился раньше петухов?
Иное дело старость и заботы:
У них свои с бессоницею счеты.
Но в молодые годы крепкий сон,
Мне кажется, единственный закон.
Ты неспроста горишь усердьем ранним,
А по каким-то важным основаниям.
Ты должен был по нездоровью встать,
А то и вовсе не ложился спать?

Ромео
Ты прав. Об этом не было помину.

Брат Лоренцо
Прости, Господь! Ты был у Розалины?

Ромео
Нет, с Розалиной у меня конец.
Я имя позабыл ее, отец.

Брат Лоренцо
Я одобряю. Что ж ты так сияешь?

Ромео

Сейчас, отец, ты главное узнаешь:
Вчера я ранен был, придя на бал,
И на удар ударом отвечал.
Перевяжи нас поскорей обоих.
Вот я зачем в твоих святых покоях.
Как заповедь твоя мне дорога!
Я зла не помню и простил врага.

Брат Лоренцо

Попроше, сын. Что отвечать я стану,
Когда так исповедь твоя туманна?

Ромео

Дочь Капулетти, знай, я полюбил,
И ей такую же любовь внушил.
Мы друг без друга часа не протянем,
Все слажено, и дело за венчаньем.
Теперь скорее по делам пойдем.
Подробности я расскажу потом.
Но раньше мне пообещай, однако,
Сегодня взяться за свершение брака.

Брат Лоренцо

Святой Франциск, какой переворот!
О Розалине уж и речь нейдет.
Привязанности нашей молодежи
Не в душах, а в концах ресниц, похоже.
Скажи, по ком недавно, вертопрах¹⁷⁵,
Я видел слезы на твоих глазах?
Рассолу сколько, жалости в приправу,
Без всякой пользы вылило в канаву?
Давно ли замер твой последний вздох?
Давно ли безутешный стон заглох
И побледнели слез следы и пятна?
Чьи это были чувства, непонятно.
Я, может, ошибаюсь и похвал
В честь Розалины не расточал?
Но если так мужское слово шатко,
Какого ждать от женщины порядка?

Ромео

Не за нее ль бывал мне нагоняй?

Брат Лоренцо

Не за нее – за резвость через край.

Ромео

Вот я в охладел к ней тем скорее.

¹⁷⁵ Вертопрах – легкомысленный, ветреный человек.

Брат Лоренцо
Чтоб новою увлечься вслед за нею?

Ромео
Но эта предыдущей не чета.
Та злобилась, а эта – доброта.

Брат Лоренцо
И хорошо, что злилась. За любовью
Она угадывала пустословье.
Но я с тобою, юный ветрогон¹⁷⁶.
Я к вам обоим вот чем привлечен:
Мне видится в твоей второй зазнобе
Развязка вашего междуособья.

Ромео
Прошу, скорей!

Брат Лоренцо
Прошу не торопить:
Тот падает, кто мчится во всю прыть.

Уходят.

Сцена 4

Улица.

Входят Бенволио и Меркуцио.

Меркуцио
Где носят черти этого Ромео?
Он был сегодня ночью дома?

Бенволио
Нет.
Я там справлялся.

Меркуцио
Эта Розалина
Своей пустой, бессовестной игрой
Беднягу доведет до полоумья.

Бенволио
Слышал? Тибальт, племянник Капулетти,
Прислал ему письмо.

¹⁷⁶ Ветрогон – ветреный, легкомысленный человек.

Меркуцио
Вызов, вот увидите.

Бенволио
Ромео ответит.

Меркуцио
Ничего удивительного. Ответить на письмо – не хитрость.

Бенволио
Нет, он ответит принятием вызова.

Меркуцио
Бедный Ромео! Он и так уже мертв от черного глаза белой лиходейки. Уши у него прострелены серенадами, сердце – любовною стрелой. И такому-то тягаться с Тибальтом!

Бенволио
А что такое Тибальт?

Меркуцио
Нечто посущественней кота Тибальта из сказки¹⁷⁷, можешь мне поверить. В делах чести – настоящий дьявол. Фехтует, как по нотам: раз, два, а три уже сидит по рукоятку у тебя в брюхе. Такой дуэлист, что мое почтение! А его бессмертные *passado*, его *punto reverse*, его *hai!*¹⁷⁸

Бенволио
Его что?

Меркуцио
Это из их дурацкой тарабарщины, чтоб их черт побрал! Только и слышишь: «Готов побожиться, вот это клинок! Бьюсь об заклад, вот это мужчина! Провалиться, вот это девка!» И откуда их столько берется, этих мух заморских с их модными *pardonnez moi*¹⁷⁹ и *bon, bon!* А их широченные штаны, от которых не стало места на старых лавках!¹⁸⁰

Входит Ромео

¹⁷⁷ Тибальтом зовут кота в английском варианте «Рейнеке Лиса», знаменитого произведения средневекового эпоса.

¹⁷⁸ *Passado*, *punto reverse* – итальянские названия приемов фехтования; *hai* – принятое в то время восклицание фехтовальщика во время выпада.

¹⁷⁹ Извините меня. (фр.)

¹⁸⁰ Намек на случай, действительно имевший место в Лондоне. Когда среди английской щегольской молодежи стало модным носить широкие французские штаны (короткие, до колен, и похожие на два баллона), однажды случилось, что члены палаты лордов, среди которых были и молодые щеголи, не поместились на своих старинных скамьях.

Бенволио
Гляди-ка, никак, Ромео!

Меркуцио
Моща мощой, как высохшая селедка! О бедная плоть человеческая, до чего же ты уподобилась рыбьей! Вот кому теперь растекаться стихами вроде Петрарки, благо перед его милой Лаура не больше, чем кухонная замарашка¹⁸¹. Бонжур, синьор Ромео! Французский поклон вашим французским штанам. Здорово вы нас вчера надули!

Ромео
Здравствуйте оба. Надул? Каким образом?

Меркуцио
А как же: уговор был идти вместе, а вы улизнули.

Ромео
Прости, милый Меркуцио, я теперь так занят! В делах, как мои, не до условностей.

Меркуцио
Еще бы! В делах, как твои, приходится ползать на коленях.

Ромео
Весьма вежливое соображение.

Меркуцио
Еще бы! Я цвет вежливости.

Ромео
Гвоздика, наверное.

Меркуцио
Совершенно верно.

Ромео
Вроде гвоздики на моих башмачных застёжках.

Меркуцио
Ах, как остроумно! Развивай эту сапожную остроуту, пока не сотрешь на ней подошвы. О, единственное в мире остроумие, натянутое и долговечное, как стелька!

Ромео
Зато ты – сама естественность. Ты воображаешь, что от натянутости тебя спасает твоя распушенность?

Меркуцио
Ну что, это не лучше твоих «охов» и «ахов»? Теперь, с тобой можно разговаривать, ты – Ромео, ты – то, что ты есть и чем должен казаться. А эта чертова твоя, любовь – как

¹⁸¹ Лаура – возлюбленная итальянского поэта эпохи Возрождения Петрарки, воспетая им в сонетах.

слонявая юродивая, которая ходит из угла в угол, укачивая деревянную чурку и кутая ее в тряпки.

Бенволио
Довольно, довольно.

Меркуцио
Ты боишься, что это будет против шерстки?

Бенволио
Ошибаешься. Я добрался до сущности и кончаю.

Ромео
Обратите внимание, вот так зрелище!

Входят кормилица и Петр.

Меркуцио
На горизонте парус!

Бенволио
Целых два: юбка и штаны.

Кормилица
Петр!

Петр
Что изволите?

Кормилица
Мой веер, Петр.

Меркуцио
Дай ей веер, чтобы прикрыться. Он исправит ей внешность.

Кормилица
С добрым утром, добрые государи!

Меркуцио
С добрым вечером, добрая государыня!

Кормилица
Разве уж вечер?

Меркуцио
По-видимому. В вашей жизни – бесспорно.

Кормилица
А ну вас, право! Что вы за человек?

Ромео
Природою, сударыня, он создан себе на посмеянье.

Кормилица
Любопытно! Себе, говорите, на посмеянье? Но дело не в этом. Кто мне скажет, где найти молодого Ромео?

Ромео
Извольте. Только молодой Ромео будет немного старше, когда вы его найдете, чем во время поисков. Из людей с этим именем я самый младший, за неимением худшего.

Кормилица
Если вы Ромео, мне надо вам сказать что-то доверительное.

Бенволио
Увидишь, она зазовет его куда-нибудь на ужин.

Меркуцио
Ай да сводня! Ату ее, ату ее!

Ромео
Кого ты выследил?

Меркуцио
К сожалению, не зайца. Или такого, который за старостью может считаться постным.
(Поет.)
Если зайца кусок
Запечь в пирог,
Ты им постного не оскоробишь.
Но бывает, что так
Староват русак –
Тронешь вилкою, зуб переломишь.
Ромео, собираешься ли ты домой? Мы идем к вашим обедать.

Ромео
Сейчас я подоспею.

Меркуцио
Прощайте, старая барыня, прощайте!

Кормилица
Прощайте, скатертью дорога.

Меркуцио и Бенволио уходят.

Объясните мне, сударь, кто этот нахал, Бог знает что о себе возомнивший?

Ромео
Это молодой человек, который любит послушать себя и в час наговорит столько, что будет жалеть об этом целый месяц.

Кормилица

Если это он на мой счет, ему не поздоровится, будь он вдесятеро вострей двадцати таких же выскочек. Я покажу ему, как смеяться надо мною! А если не покажу, все равно найдутся, которые покажут. Подлый хвастун! Ты это со своими сударками так разговаривай или с кем-нибудь из твоих поганых забулдыг! (*Обращаясь к Петру.*) А этот тоже хорош! Стоит, как пень, и смотрит, как каждый негодяй делает с его госпожой, что хочет.

Петр

Я этого не замечал. Я бы таких вещей не потерпел и на месте вынул бы оружие. Я пускаю в дело шпагу ничуть не хуже всякого, едва вижу к этому повод и когда знаю, что закон на моей стороне.

Кормилица

Боже правый, я до сих пор не могу прийти в себя, и всю меня так и трясет! Подлый хвастун!.. Ах, сэр, ведь я-то пришла совсем по другому делу. Моя барышня, как говорится, просила меня узнать. Что она просила, это, конечно, моя тайна, но если вы, сударь, собираетесь ее одурачить, это я уж просто слов не найду, как нехорошо. Потому что моя барышня совсем еще молоденькая, и если вы ее обманете, хорошие люди так не поступают. И вам так не годится, ей-богу, не годится.

Ромео

Погоди, нянюшка. Во-первых, передай от меня барышне поклон. Уверю тебя...

Кормилица

Я передам ей это, добрая вы душа. То-то она обрадуется!

Ромео

Что передать ты хочешь? Я и рта ведь не успел еще открыть порядком.

Кормилица

Передам, что вы уверяете. Это, как я полагаю, изъявление немаловажное.

Ромео

Скажи, что под любым предлогом надо
К полудню ей на исповедь прийти.
Нас с нею обвенчает брат Лоренцо.
Не спутаешь? А это за труды.

Кормилица

Да полноте, не надо ни полушки.

Ромео

Ну вот еще! Дают, так надо брать.

Кормилица

Устрою, ладно. Приведу к полудню.

Ромео

А ты постой у монастырских врат

И там покараулишь человека
С веревочною лестницей. По ней
Взберусь я ночью на вершину счастья.
Я за услуги отблагодарю.
Теперь прощай. Поклон твоей хозяйке.

Кормилица
Спаси вас Бог! Послушайте-ка, сэр...

Ромео
Что, нянюшка?

Кормилица
А человек-то верный?
К чему нам третий, в толк я не возьму.
Меня б одну, а третий ни к чему.

Ромео
Ручаюсь, он надежнее железа.

Кормилица
Ну, хорошо, сэр. Моя барышня... Господи, господи! Когда она была маленькая...
Слушайте, здесь в городе есть молодой человек, некто Парис, который бы не прочь ее
заполучить. Но для нее он все равно что лягушка – ей-богу, все равно что лягушка. Она
теперь не может, когда я говорю, что этот Парис более подходящая партия, чем вы, и
при этих словах белеет, как полотно. Что, слова «розмарин» и «Ромео» не на одну
букву?

Ромео
На одну, нянюшка. Что ж из этого? Оба начинаются на «эр».

Кормилица
Какие вы насмешники! Это собачья буква. «Эр» – совсем другое дело. Ваше имя
начинается не так. Я знаю, она придумывает всякие словечки на вас и розмарин. Вам
бы страшно понравилось.

Ромео
Поклон барышне.

Кормилица
Да, тысяча поклонов.
Ромео уходит.

Петр!

Петр
Чего изволите?

Кормилица
Возьми мой веер и ступай вперед проворней.
Уходят.

Сцена 5

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта

Кормилицу я в девять отослала.
Она хотела сбегать в полчаса.
Они не разминулись? Быть не может.
Нет, попросту она плохой ходок.
Рассыльными любви должны быть мысли,
Они быстрее солнечных лучей,
Несущихся в погоне за тенями.
Вот что торопит почту голубей
И отчего у Купидона крылья.
Однако солнце уж над головой
И три часа от девяти до полдня,
Ее же нет как нет.
Когда б она
Была с горячей кровью и страстями,
Она летала б с легкостью мяча
Между моим возлюбленным и мною.
Но это право старых хитрецов –
Плестись и мешкать, корча мертвецов.

Входят кормилица и Петр.

Но вот она. Кормилица, родная!
Что нового? Ты видела его?
Спровадь Петра.

Кормилица

Ступай-ка, брат, к воротам.

Петр уходит.

Джульетта

Ну, няня... Чем ты так огорчена?
Дурных вестей не множь
угрюмым видом,
Но если сообщенья хороши,
Их портит кислая твоя улыбка.

Кормилица

Я утомилась. Дай передохну.
Концы – не шутка. Ноги отходила.

Джульетта
Мои бы кости за твою бы весть
Готова в жертву я тебе принести!

Кормилица
Подумаешь, горячка! Ты не видишь –
Одышка одолела, я без сил.

Джульетта
А на одышку плакаться есть силы?
Ах, нянюшка, твои обиняки
Длинней иного полного рассказа!
В порядке ли дела у нас иль нет?
Скажи, я успокоюсь и отстану.
Итак, скажи, в порядке ли дела?

Кормилица
Сама знаешь, в каком порядке. Навязала себе сокровище! Без меня выбирала, на себя и пеняй. Ромео! Ну, что поделаешь... Конечно, лицом он хорош, но фигура еще лучше. О руках и ногах, конечно, нечего и говорить, но они выше всякого сравнения. Да что уж там... Служи, детка, молебн. Вы еще не обедали?

Джульетта
Нет, нет. Но я все это знала раньше.
Со свадьбой как? Что он о ней сказал?

Кормилица
Головушку как ломит, инда треснет
И разлетаться на двадцать кусков!
А поясница-то, а поясница!
Ты полагаешь, Бог тебе простит,
Что до смерти меня ты загоняла?

Джульетта
Мне очень жаль, что ты удручена,
Но что сказал он, золотая няня?

Кормилица
Как полагается человеку доброму, красивому и, главное, порядочному, он сказал... Где матушка твоя?

Джульетта
Где матушка моя? Она в дому.
А где ж ей быть? Какой ответ нелепый!
Как люди с воспитаньем, он сказал:
«Где матушка твоя?»

Кормилица
О Боже правый!
Вот егоза! И этот нетерпеж –

Моим костям заслуженная грелка?
Вперед летай с записками сама.

Джульетта
Вот мука-то! Что говорит Ромео?

Кормилица
Ты б нынче исповедаться могла?

Джульетта
Могу.

Кормилица
Тогда беги к Лоренцо в келью...
Там муж твой сделает тебя женой.
Ишь кровь-то как, злодейка, заиграла!
Зарделась, только палец покажи!
Ну вот. Ты в храм, а у меня забота:
Веревочная лестница нужна
Для твоего ночного шатуна.
Кто хочет, всяк меня, старуху, мучит.
Да ночью и тебя, смотри, навьючат.
Пойду поесть. А ты не опоздай.

Джульетта
Иду, иду, родимая! Прощай!

Уходят.

Сцена 6

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Ромео.

Брат Лоренцо
Брак надо достоительно освятить,
Чтобы о том впоследствии не плакать.

Ромео
Аминь! Что б ни грозило впереди,
Все беды перевешивает счастье
Свидания с Джульеттой
хоть на миг.
С молитвою соедини нам руки,
А там хоть смерть. Я буду ликовать,
Что хоть минуту звал ее своею.

Брат Лоренцо
У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь,
Так сладок мед, что, наконец,
и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь ни расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо.

Входит Джульетта.

Вот и она. Столь легкая нога
Еще по этим плитам не ступала.
Влюбленный дух, наверно, невесом,
Как нити паутины бабьим летом.

Джульетта
Привет тебе, духовный мой отец!

Брат Лоренцо
Благодари, Ромео, за обоих.

Ромео
Скажи, Джульетта, так же ль у тебя
От счастья бьется сердце? Если так же,
Найди слова, которых я лишен,
Чтоб выразить, что нас переполняет.
Пропой хоть звук из хора голосов,
Которые бушуют в нашей встрече.

Джульетта
Богатство чувств чуждается прикрас,
Лишь внутренняя бедность многословна.
Любовь моя так страшно разрослась,
Что мне не охватить и половины.

Брат Лоренцо
Пойдем и поскорей все обрядим.
Не повенчав, с такою речью страстной
Вас оставлять одних небезопасно.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА I

Площадь.

Входят Меркуцио, Бенволио, паж и слуги.

Бенволио
Прошу тебя, Меркуцио, уйдем.
Сегодня жарко. Всюду Капулетти.
Нам неприятностей не избежать,
И в жилах закипает кровь от зноя.

Меркуцио
Ты похож на тех, кто, входя в трактир, кладут шпагу на стол со словами: «Пронеси, Господи!», и хватаются за нее при второй чарке без надобности.

Бенволио
Разве я таков?

Меркуцио
Милый мой, ты горяч, как все в Италии, и так же склонен к безрассудствам и безрассуден в склонностях.

Бенволио
Неужто?

Меркуцио
А то нет? Он еще сомневается! Ведь ты готов лезть с кулаками на всякого, у кого на один волос больше или меньше в бороде, чем у тебя, или только за то, что человек ест каштаны, в то время как у тебя глаза каштанового цвета. Голова у тебя набита кулачными соображениями, как яйцо – здоровой пищей, и, совершенно как яйцо, сбита всмятку вечными потасовками. Разве ты не поколотил человека за то, что он кашлянул на улице и разбудил твою собаку, лежавшую на солнце? Разве ты не набросился на портного, осмелившегося надеть новую пару до пасхи, или на кого-то другого за то, что он новые башмаки подвязал старыми лентами? И такой-то хочет научить меня миролюбию!

Бенволио
Если бы я любил ссоры, как ты, я дал бы застраховать себя с гарантией на час с четвертью.

Меркуцио
Застраховать себя! Эх ты, гарантия!

Входят Тибальт и другие.

Бенволио
Ручаюсь головой, вот Капулетти.

Меркуцио
Ручаюсь пяткой, мне и дела нет.

Тибальт
За мной, друзья! Я потолкую с ними. – Словечко-два, не больше, господа!

Меркуцио
Словечко-два? Скажите, какая важность! Я думал, удар-другой.

Тибальт
Я всегда готов к вашим услугам, дайте мне только повод.

Меркуцио
Его еще надо давать?

Тибальт
Меркуцио, ты в компании с Ромео?

Меркуцио
В компании? Это еще что за выражение! Что мы, в артели бродячих музыкантов? Если так, то не прогневайтесь. Вот мой смычок, которым я вас заставлю попрыгать. Это мне нравится! В компании!

Бенволио
Напрасно мы шумим среди толпы.
Одно из двух: уединимся - либо
Обсудим спор с холодной душой
И разойдемся. Отовсюду смотрят.

Меркуцио
И на здоровье. Для того глаза.
Пускай их смотрят.
Я не сдвинусь с места.

Входит Ромео.

Тибальт
Отстаньте! Вот мне нужный человек.

Меркуцио
Ваш человек? К чему же он приставлен?
По-видимому, состоять при вас
Противником на вашем поединке.

Тибальт
Ромео, сущность чувств моих к тебе
Вся выразима в слове: ты мерзавец.

Ромео

Тибальт, природа чувств моих к тебе
Велит простить твою слепую злобу.
Я вовсе не мерзавец. Будь здоров.
Я вижу, ты меня совсем не знаешь.

Тибальт

Словами раздраженья не унять,
Которое всегда ты возбуждаешь.

Ромео

Неправда, я тебя не обижал.
А скоро до тебя дойдет известье,
Которое нас близко породнит.
Расстанемся друзьям, Капулетти!
Едва ли знаешь ты, как дорог мне.

Меркуцио

Трусливая, презренная покорность!
Я кровью должен смыть ее позор!
Как, крысолов Тибальт, ты прочь уходишь?
(*Обнажает шпагу.*)

Тибальт

Что, собственно, ты хочешь от меня?

Меркуцио

Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь¹⁸², в ожидании восьми остальных, которые я выколочу следом. Тащи за уши свою шпагу, пока я не схватил тебя за твои собственные!

Тибальт

С готовностью! (*Обнажает шпагу.*)

Ромео

Меркуцио, оставь!

Меркуцио

Ну, сударь мой, а где *passado* ваше?

Бьются.

Ромео

Вынь меч, Бенвольо! Выбивай из рук
У них оружие. Господа, стыдитесь!
Тибальт! Меркуцио! Князь ведь запретил
Побоища на улицах Вероны.
Постой, Тибальт! Меркуцио!

¹⁸² Имеется в виду старинная английская поговорка: «У кошки девять жизней».

Из-под руки Ромео Тибальт ранит Меркуцио и скрывается со своими сообщниками.

Меркуцио
Заколел!
Чума возьми семейства ваши оба!
А сам ушел – и цел?

Бенволио
Большой укол?

Меркуцио
Царапина. Но и такой довольно.
Где паж мой? Сбегай, мальчик, за врачом.

Паж уходит.

Ромео
Мужайся, рана ведь не из глубоких.

Меркуцио
Ну конечно, колодцы глубже и церковные двери шире. Но довольно и этой. Кликни меня завтра, и тебе скажут, что я отбежался. Для этого света я переперчен, дело ясное. Чума возьми семейства ваши оба! Ах, собака, и крыса, и кошка! Зацарапать человека до смерти! Подлец бессовестный! Выучился драться по книжке! Какого черта затесались вы между нами? Меня ранили из-под вашей руки!

Ромео
Я вас хотел разнять.

Меркуцио
Веди, Бенвольо,
Куда-нибудь. Я чувств сейчас лишусь.
Чума возьми семейства ваши оба!
Я из-за вас стал кормом для червей.
Все прахом!

Бенволио уходит с Меркуцио.

Ромео
Он – мой друг и родич князя
И ранен тяжело из-за меня.
Я молча снес смертельную обиду:
Меня пред всеми оскорбил Тибальт,
Тибальт, который скоро больше часу
Стал мне родным! Благодаря тебе,
Джюльетта, становлюсь я слишком мягким.

Бенволио возвращается.

Бенволио
Ромео, наш Меркуцио угас.
Его бесстрашный дух вознесся к небу,
С презрением отвернувшись от земли.

Ромео
Недобрый день! Одно убийство это –
Грядущего недобрая примета.

Возвращается Тибальт.

Бенволио
Ты видишь, вот опять Тибальт кровавый!

Ромео
Как, невредим и на вершине славы?
А тот убит? Умолкни, доброта!
Огненноокий гнев, я твой отныне!
Тибальт, возьми обратно подлеца,
Которого сказал мне! Дух Меркуцио
Еще не отлетел так далеко,
Чтобы тебя в попутчики не жаждать.
Ты или я разделим этот путь.

Тибальт
Нет, только ты. Ты в жизни с ним якшался,
Ты и ступай!

Ромео
Еще посмотрим, кто!

Бьются. Тибальт падает.

Бенволио
Беги, Ромео! Живо! Горожане
В движенье. Ты Тибальта заколол.
Тебя осудят на смерть за убийство.
Что ты стоишь? Немедленно беги!

Ромео
Насмешница судьба!

Бенволио
Зачем ты медлишь?

Ромео уходит. Входят горожане.

Первый горожанин
Куда удрал головорез Тибальт?
Меркуцио мертв. Держите негодя!

Бенволио
Вот ваш Тибальт.

Первый горожанин
Я вас предупреждаю:
Вы арестованы. За мной, синьор!

Входят князь со свитой, Монтекки, Капулетти, их жены и другие.

Князь
Кто подал поножовщины пример?

Бенволио
Светлейший князь, восстановить велите
Причину этого кровопролитья.
Рукой Ромео умерщвлен и нем
Убивший сам Меркуцио пред тем.

Леди Капулетти
Тибальт! Тибальт! Дитя родного брата!
О муж! О князь! О, страшная утрата!
Кровь родственная наша пролилась!
Взыщи ее с Монтекки, добрый князь!
Вот он стоит – убийца и мерзавец!

Князь
Я спрашиваю, кто самоуправец?

Бенволио
Виной Тибальт, который здесь простерт.
Он оскорбил Ромео. Оскорбленный
Стерпел обиду и, наоборот,
Как мог, старался охладить Тибальта.
Но все Тибальту было нипочем,
Он продолжал буянить. Тут вмешался
Меркуцио, сцепились, и пошло.
Они сражались долго с равной силой.
Вертясь почти все время между шпаг,
Ромео их просил остановиться,
Но сам приблизил роковой исход:
Из-под его руки был ранен насмерть
Храбрец Меркуцио. Тибальт бежал
И думал скрыться, но потом вернулся.
Тогда Ромео вышел из себя,
И, прежде чем успел я разобраться,
Лежал Тибальт без жизни на земле
И от последствий убегал Ромео.
Вот поединка достоверный ход.
Я жизнью отвечаю за отчет.

Леди Капулетти
Он из семьи Монтекки. Для него
Не истина важнее, а родство.
Их было двадцать человек, и еле
Всем скопищем Тибальта одолели.
Схвати Ромео, князь! Убийца он
И по закону должен быть казнен.

Князь
Ромео был возмездия орудьем.
Кого мы за Меркуцио осудим?

Монтекки
Ромео меньше всех. Он с ним дружил
И мстил убийце, как и ты б отметил.

Князь
И за поступок этот самочинный
Немедля будет выслан на чужбину.
А ваш раздор мне надоел вдвойне
С тех пор, как жизни близких стоит мне.
Я наложу на вас такую пеню¹⁸³,
Что вы оцените мое терпенье.
Слезам, мольбам не придаю цены,
Вы ими не искупите вины.
Когда Ромео края не оставит,
Ничто его от смерти не избавит.
Очистить площадь! Мертвеца убрать.
Прощать убийцу – значит убивать.

Уходят.

Сцена 2

Сад Капулетти

Входит Джульетта.

Джульетта
Неситесь шибче, огненные кони,
К вечерней цели! Если б Фазтон¹⁸⁴
Был вам возницей, вы б давно домчались
И на земле настала б темнота.

¹⁸³ Пеня – санкция в виде денежного штрафа, накладываемого за несвоевременное выполнение, просрочку денежных обязательств.

¹⁸⁴ Фазтон – в древнегреческой мифологии сын Феба, бога Солнца. Он взялся править солнечной колесницей своего отца, но погнал коней так быстро, что колесница опрокинулась, и солнце обожгло землю, превратив часть Африки в пустыню

О ночь любви, раскинь свой темный полог,
Чтоб укрывающиеся могли
Тайком переглянуться и Ромео
Вошел ко мне неслышим и незрим.
Ведь любящие видят все при свете
Волненьем загорающихся лиц.
Любовь и ночь живут чутьем слепого.
Прабабка в черном, чопорная ночь,
Приди и научи меня забаве,
В которой проигравший в барыше,
А ставка – непорочность двух созданий.
Скрой, как горит стыдом и страхом кровь,
Покамест вдруг она не осмелеет
И не поймет, как чисто все в любви.
Приди же, ночь! Приди, приди, Ромео,
Мой день, мой снег, светящийся во тьме,
Как иней на вороньем оперенье!
Приди, святая, любящая ночь!
Приди и приведи ко мне Ромео!
Дай мне его. Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце.
Я дом любви купила, но в права
Не введена, и я сама другому
Запродана, но в руки не сдана.
И день тосклив, как накануне празднеств,
Когда обновка сшита, а надеть
Не ведено еще. Но вот и няня
С вестями от Ромео, а тогда
Любой язык красноречив, как небо.

Входит кормилица с веревками.

Какие вести, няня? Это что:
Веревки для Ромео?

Кормилица
Да, веревки.
(Бросает их наземь.)

Джульетта
Что ты ломаешь руки? Что с тобой?

Кормилица
Погибель наша! Светопреставленье!
Убит, убит, родимая, убит,
Убит, болезный, отдал богу душу!

Джульетта
Ужель так бессердечны небеса?

Кормилица
Не небеса, а милый твой Ромео.
А я-то, дура! Кто ж мог ожидать?

Джульетта
Зачем ты мучаешь меня, чертовка?
От этой пытки взвыли бы в аду!
Итак, Ромео сам с собой покончил?
Да или нет? Меня такое «да»
Убьет вернее взгляда василиска¹⁸⁵.
Одно такое «да» и я – не я
И больше никогда собой не буду.
Ответь мне: да иль нет,
и слов не трать,
Чтоб осчастливить или dokonать.

Кормилица
Сама видала рану. Вот такая.
Здесь, на груди. Не приведи господь!
А крови сколько, крови! Лужа крови!
Сам белый-белый, точно полотно.
Я прямо обмерла, как увидала.

Джульетта
О сердце! Разорившийся банкрот!
В тюрьму, глаза! Закройтесь для свободы.
Стань снова прахом, прах.
В одном гробу
Ромео и себя я погребу.

Кормилица
Тибальт, Тибальт! Сердечный друг Тибальт!
Какая речь! Какое обхожденье!
Зачем тебя должна я пережить!

Джульетта
Как, этот вихрь меняет направленье?
Убит Ромео и Тибальт убит?
Лишилась мужа я?
Лишилась брата?
Что ж не трубит архангела труба?¹⁸⁶
Кто жив еще, когда таких не стало?

Кормилица

¹⁸⁵ Василиск – сказочное чудовище, один взгляд которого будто бы убивает человека.

¹⁸⁶ Согласно христианским представлениям архангел должен вострубить в трубу перед вторым пришествием Иисуса Христа.

Убит один Тибальт, Ромео жив.
Он заколол Тибальта и в изгнание.

Джульетта
Ромео пролил кровь Тибальта?

Кормилица
Да.
Хоть верь, хоть не верь, а пролил, пролил!

Джульетта
О, куст цветов с таящейся змеей!
Дракон в обворожительном обличье!
Исчадь ада с ангельским лицом!
Поддельный голубь!
Волк в овечьей шкуре!
Ничтожество с чертами божества!
Пустая видимость! Противоречье!
Святой и негодяй в одной плоти!
Чем занята природа в преисподней,
Когда она вселяет сатану
В такую покоряющую внешность?
Зачем негодный текст переплетен
Так хорошо? Откуда самозванец
В таком дворце?

Кормилица
В мужчинах нет ни в ком
Ни совести, ни чести. Все притворство,
Пустое обольщение и обман.
Глоток наливки! Эти огорченья
Меня, старуху, скоро вгонят в гроб.
Позор Ромео твоему!

Джульетта
Опомнись!
Ромео для позора не рожден,
Позор стыдится лба его коснуться.
На этом незапятнанном лице
Могла бы честь короноваться. Низость,
Что я осмелилась его бранить.

Кормилица
А что ж тебе хвалить убийцу брата?

Джульетта
Супруга ль осуждать мне? Бедный муж,
Где доброе тебе услышать слово,
Когда его не скажет и жена
На третьем часе брака? Ах, разбойник,

Двоюродного брата умертвил!
Но разве было б лучше, если б в драке
Тебя убил разбойник этот, брат?
Вернитесь вспять к своим истокам, слезы!
Вы не у места. Данники тоски,
Вы счастью дань несете по ошибке.
Супруг мой жив, которого Тибальт
Хотел убить. Убит Тибальт, который
Хотел его убить. Все обошлось.
Так что ж я плачу? Слово я слыхала.
Тибальта жалко, но оно страшней.
Я рада бы забыть его, но память
Полна им, как раскаяньем злодей.
«Тибальт убит, а твой Ромео изгнан».
Вот это слово «Изгнан».
Этот звук
Страшнее смерти тысячи Тибальтов.
Достаточно Тибальтова конца,
Но если горю скучно в одиночку
И требуется общество, скажи
Вслед за известьем о конце Тибальта
Про гибель матери или отца,
Или обоих, если очень нужно.
Но на Тибальтов труп нагромождать
Слова: «Ромео изгнан» – это слишком
И значит уничтожить мать, отца,
Тибальта, и Ромео, и Джульетту.
«Ромео изгнан» – это глубина
Отчаянья без края и без дна!
Где мой отец и мать, скажи мне, няня?

Кормилица
Рыдают над Тибальтом без скончанья.
Не хочешь ли ты к ним? Я отведу.

Джульетта
Не надо, няня. Пусть поплачут сами.
Ромео я не ворочу слезами.
А лестницу веревочную спрячь.
Веревочки, о сколько неудач!
У вас ведь тоже разочарованье:
Ромео ждали вы, а он в изгнанье.
Вас вили, чтоб, хватаясь за узлы,
Ко мне проник он под покровом мглы,
А вы теперь валяетесь без цели.
Тут и без вас в невестах овдовели.
Возьми их, няня... Лягу на кровать –
Не жениха, а скорой смерти ждать.

Кормилица

Ну, так и быть. Я знаю, где Ромео.
Утешься, детка. Я его найду
И к вечеру доставлю непременно.
Сейчас отправлюсь. Он в монастыре.

Джульетта
Надень ему кольцо на безымянный,
И пусть придет проститься на заре.

Уходят.

Сцена 3

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо.

Брат Лоренцо
Ромео, выйди. Выходи, несчастный!
В тебя печаль влюбилась. Ты женат
На горести.

Входит Ромео.

Ромео
Отец, какие вести?
Что приговор гласит? Какое зло
Еще желало бы со мной знакомства?

Брат Лоренцо
Ты прав. С тобою в дружбе беды все.
Я весть принес о княжеском решенье.

Ромео
Он дело переносит в страшный суд?

Брат Лоренцо
О нет, зачем? Его решенье мягче:
Ты к ссылке, а не к смерти присужден.

Ромео
О, лучше сжался и скажи, что к смерти!
Мне близость ссылки тяжелей, чем смерть.
Не говори ни слова об изгнании.

Брат Лоренцо
Ты выслан из Вероны. Потерпи.
Все впереди, не клином свет сошелся.

Ромео

Вне стен Вероны жизни нет нигде,
Но только ад, чистилище и пытки.
Из жизни выслать, смерти ли обречь –
Я никакой тут разницы не вижу.
Когда ты мне об этом говоришь,
Ты мне топор вручаешь на подносе,
Чтоб мне с улыбкой голову срубить.

Брат Лоренцо

Неблагодарный! Ты ведь по закону
Достоин смерти, а остался жить.
Так что ж, ты слеп, что милости не видишь?

Ромео

Какая это милость! Это месть.
Небесный свод есть только над Джульеттой.
Собака, мышь, любая мелюзга
Живут под ним и вправе с ней видаться,
Но не Ромео. У навозных мух
Гораздо больше веса и значенья,
Чем у Ромео: им разрешено
Соприкоснуться с белоснежным чудом
Джульеттиной руки и воровать
Благословенье губ ее стыдливых,
Но не Ромео. Этому нельзя.
Он в высылке, а мухи полноправны!
И ты сказал, что высылка – не смерть?
Ты б отравил меня или зарезал,
Чем этим пустословьем донимать.
Изгнание! Изгнание – выражение,
Встречаемое воплями в аду.
И ты, священник, друг, мудрец, наставник,
Ты мог меня изгнанником назвать?

Брат Лоренцо

Влюбленный дурень, дай сказать мне слово.

Ромео

Ты об изгнание вновь заговоришь.

Брат Лоренцо

В защиту от твоих тоскливых мыслей
Я философию препровожаю
С тобой в изгнание, спутницу гонимых.

Ромео

Опять изгнание? Это не исход.
Твоя премудрость не создаст Джульетты,

Она не сдвинет стен, не упразднит
Приказа. Философия – не помощь.

Брат Лоренцо
Ну, значит у безумцев нет ушей.

Ромео
Безумцы глухи, а провидцы слепы.

Брат Лоренцо
Дай о твоих делах поговорим.

Ромео
Молчи о том, чего не понимаешь!
Когда б ты так же молод был, как я;
Любил Джульетту; час, как обвенчался;
Убил Тибальта; так же тосковал
И шел бы в ссылку, ты бы мог по праву
Судить о том. Тогда б ты на себе
Рвал волосы и по полу катался,
Снимая мерку гроба для себя.

Стучат в дверь.

Брат Лоренцо
Стучат. Вставай. Скорей, Ромео! Прячься!

Ромео
Зачем! Я спрятан все равно от всех
Стеной непроницаемой печали.

Стучат.

Брат Лоренцо
Ты слышишь, как стучатся? Уходи.

Стучат.

Кто там? Сейчас. – Вставай. Тебя задержат.
Ступай в читальню. Ах, как ты упрям!

Стучат.

Сейчас, сейчас! Какое нетерпенье!
Кто там! Кого вам надо? От кого?

Кормилица
(за сценой) Откройте дверь, тогда отвечу. Это
Кормилица Джульетты.

Брат Лоренцо
В добрый час.

Входит кормилица.

Кормилица
Святой отец, скажите, где Ромео,
Муж госпожи моей?

Брат Лоренцо
Он на полу
И пьян от слез.

Кормилица
Какое совпадение!
Точь-в-точь она.

Брат Лоренцо
Сочувствие сердец.
Сродство души.

Кормилица
Вот так лежит и плачет,
Лежит – и все. А вам нельзя, нельзя!
Вы встаньте, сударь, встаньте!
Вы мужчина,
Вам не к лицу.

Ромео
Ах, няня!

Кормилица
Вот и «ах»!
Мы все умрем и смерти не минуем.

Ромео
Ты о Джульетте говоришь? Ну как?
Что с ней? Я, верно, ей кажусь злодеем?
Ведь я родною кровью обагрил
Ей память детства.
Как ее здоровье?
Как ей живется? Где она сейчас?
Что говорит она о нашем браке?

Кормилица
Что говорит? Ревет, ревя ревет.
То на постель повалится, то вскочит,
То закричит «Ромео», то «Тибальт»,
И снова навзничь падает.

Ромео

Ромео!

Ах, это имя – гибель для нее,
Как было смертью для ее родного.
Скажи, где в нас гнездятся имена?
Я уничтожу это помещенье.
(*Вынимает шпагу.*)

Брат Лоренцо

Сдержи, безумец, руку! Отвечай:
Мужчина ль ты? Слезливостью ты баба,
А слепотой поступков – дикий зверь.
Женоподобье в образе мужчины!
Звереныш с человеческим лицом!
Ты удивил меня. Священным саном
Клянусь, я думал лучше о тебе.
Убил ли ты Тибальта? Что же, надо
Убить себя и заодно убить
Свою жену, живущую тобою?
Чем плох твой род и небо и земля,
Которые ты предаешь хуленьям?
Они соединились все в тебе
Не для распада. Этим ты позоришь
Свою природу и любовь и ум.
Не пользуясь своим тройным богатством,
Подобен ты скупцу-ростовщику.
Твоя природа – восковая кукла,
Когда бесстрашьем не оживлена.
Твоя любовь – игра напрасной клятвой,
Когда во вред для любящих. Твой ум –
Как порох у неловкого солдата,
Который рвется у него в руках,
Меж тем, как создан для самозащиты.
Встань, человек! По ком ты обмирал,
Жива твоя Джульетта. Это счастье.
Как ни желал тебя убить Тибальт,
Ты сам убил Тибальта. Снова счастье.
Подумай, сколько сыпется удач,
А ты сердит на собственную участь!
Смотри, смотри, таким плохой конец.
Пойди к Джульетте ночью на свиданье,
Как решено, и успокой ее,
Но возвращайся до обхода стражи,
А то не сможешь в Мантую попасть.
Будь в Мантуе, пока найдется повод
Открыть ваш брак и примирить дома.
Тогда упросим, чтоб тебя вернули,
И радость будет в двести раз сильней,
Чем горе нынешнего расставанья.
Кормилица, хозяйке передай,

Чтоб в доме спать легли сегодня раньше,
От слез и так ведь нападает сон, –
И чтоб она к себе ждала Ромео.

Кормилица
О Боже, Боже! Ночь бы до утра
Стоять да слушать. Вот она, ученость!
Скажу, что вы придете, доложу.

Ромео
И что готовлюсь выговор услышать.

Кормилица
Она послала, сударь, вам кольцо.
Смотрите, как-нибудь не опоздайте.
(Уходит.)

Ромео
Как ожил я от этого всего!

Брат Лоренцо
Ступай. Спокойной ночи. Значит, помни,
Одно из двух: до стражи уходи
Иль утром проберись переодетым.
Будь в Мантуе. Я буду посылать
С твоим слугой по временам известья,
Как подвигаются твои дела.
Пора. Дай руку. До счастливой встречи!

Ромео
Я к ней – и под собой не слышу ног,
А то б с тобой расстаться я не мог.
Прощай!

Уходят.

Сцена 4

Комната в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти и Парис.

Капулетти
У нас несчастье, граф, и до сих пор
Мы с дочерью еще не говорили.
В Тибальте здесь не чаяли души.
Но смерть есть смерть. Уже довольно поздно.
Джुльетта сверху больше не сойдет.

Когда б не ваше общество, поверьте,
Я тоже лег бы час тому назад.

Парис
Дни траура – для сватовства не время.
Миледи, вашей дочери поклон.

Леди Капулетти
Я поклонюсь и все у ней узнаю.
Она утратой вся поглощена.

Капулетти
Парис, я знаю дочь, и я ручаюсь:
Она полюбит вас. Нелепа мысль,
Чтобы она ослушалась. Проведай
Ее пред сном, жена, и приготовь
К тому, что сын наш будущий задумал.
И в эту среду... Впрочем, что у нас?

Парис
Сегодня понедельник.

Капулетти
Понедельник?
Пожалуй, в среду рано – не успеть.
Тогда в четверг. Итак, в четверг, скажи ей,
Ее с Парисом решено венчать.
Вы будете готовы? Вы согласны?
Без шума. Два-три друга, вот и все.
А то Тибальт – и вдруг веселье, сплетни,
Не правда ли? Две или три семьи.
Удобно ли в четверг, скажите прямо?

Парис
Жаль, что четверг не завтра, не сейчас.

Капулетти
Отлично. Так в четверг. Теперь ступайте.
А ты сходи к Джульетте. Прикажи,
Чтобы она готовилась к венчанью.
Прощайте, граф. Светите, слуги мне!
Так поздно, что уж скоро будет рано.
Спокойной ночи!

Уходят.

Сцена 5

Комната Джульетты.

Ромео и Джульетта.

Джульетта

Уходишь ты? Еще не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поет вон там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей.

Ромео

Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удаляться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

Джульетта

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,
Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнем факелonosца.
Побудь еще. Куда тебе спешить?

Ромео

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла – не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерть!
Так хочется Джульетте.
Поговорим. Еще не рассвело.

Джульетта

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает! Жаворонок-горлодер
Своей нескладицей нам режет уши,
А мастер трели будто разводит!
Не трели он, а любящих разводит,
И жабы будто у него глаза.
Нет, против жаворонков жабы – прелесть!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.

Теперь беги: блеск утра все румяней.

Ромео
Румяней день и все черней прощанье.

В комнату входит кормилица.

Кормилица
Джульетта!

Джульетта
Няня?

Кормилица
Матушка идет.
Светаает. Осторожнее немножко.
(Уходит.)

Джульетта
В окошко – день, а радость – из окошка!

Ромео
Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад.

Джульетта
Ты так уйдешь, мой друг, мой муж, мой клад?
Давай мне всякий раз все это время
Знать о себе. В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотню лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.

Ромео
Я буду посылать с чужбины весть
Со всяким, кто ее возмется свезть.

Джульетта
Увидимся ль когда-нибудь мы снова?

Ромео
Наверное. А муки эти все
Послужат нам потом воспоминаньем.

Джульетта
О Боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда, сверху,
Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледным.

Ромео
Печаль нас пожирает, и она
Пьет нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.

Прощай, прощай!
(Уходит.)

Джульетта
Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи.

Леди Капулетти
(за сценой) Ты встала, дочь?

Джульетта
Кто говорит со мною?
Вы, матушка? Еще вы не легли
Иль поднялись? Что надо вам так рано?.

Леди Капулетти
Ну, как, Джульетта?

Джульетта
Мне не по себе.

Леди Капулетти
Все плачешь об убитом? Но слезами
Его не выполощешь из земли,
А вымоешь – не оживишь.
Довольно.
Поплакать в меру – знак большой любви,
А плач без меры – признак тупоумья.

Джульетта
А если так утрата велика?

Леди Капулетти
Ведь слез твоих утраченный не видит.

Джульетта
Да я ж их по своей охоте лью.

Леди Капулетти
Ты плачешь не о том, что нет Тибальта,
А что подлец, его убивший, жив.

Джульетта
Какой подлец?

Леди Капулетти
Ромео!

Джульетта
(в сторону) Он и подлость
Никак не совместимы. – Видит Бог,
Еще никто так не терзал мне сердца!

Леди Капулетти
Все потому, что он еще живет.

Джульетта
Живет и для меня недостижим.
Я за Тибальта отомщу сама.

Леди Капулетти
Отметим и мы, ты можешь быть покойна.
Я в Мантую пошлю, где, говорят,
Скрывается преступник. Там сумеют
Отравы подмешать ему в еду.
Он в гости поторопится к Тибальту,
И это восстановит твой покой.

Джульетта
Я, правда, никогда не успокоюсь,
Пока Ромео не в моих руках.
Найдите человека для посылки,
А яд Ромео я сама сыщу.
Я так составлю для него отраву,
Что с миром он, поверьте мне, уснет.
О, что за мука слышать это имя
И быть не в силах броситься к нему,
Чтоб из любви к несчастному Тибальту
Его в объятьях насмерть задушить!

Леди Капулетти
Составь мне смесь, а я гонца достану.
Теперь тебе я радость сообщу.

Джульетта
В такое время радость очень кстати.
Итак, в чем радость эта состоит?

Леди Капулетти
Отец твой полон о тебе заботы.
Чтобы тебя развлечь, он выбрал день
Для праздника. Нам и во сне не снилось
Нежданное такое торжество.

Джульетта
Что ж, в добрый час. Когда назначен праздник?

Леди Капулетти

В четверг, моя хорошая. В четверг
Прекрасный граф Парис, твой нареченный,
С утра нас приглашает в храм Петра,
Чтобы с тобою сочетаться браком.

Джульетта

Клянусь Петровым храмом и Петром,
Ничем с Парисом я не сочетаюсь!
Какая спешка! Гонят под венец,
Когда жених и глаз еще не кажет.
Благодарю! Уведомьте отца,
Что замуж рано мне, а если надо,
Скорее за Ромео я пойду,
Чем выйду за Париса. Вот так радость!

Леди Капулетти

Вот он идет. Скажи ему сама.
Посмотрим, как он примет эти речи.

Входят Капулетти и кормилица.

Капулетти

Закат сопровождается росой,
Племянника ж закат отмечен ливнем.
Опять потоки? Все еще в слезах?
На взгляд такое шупленькое тельце,
А борется, как на море корабль,
С пучиной слез и ураганом вздохов –
До воцаренья новой тишины.
Ну, как дела? Уже ты сообщила
Ей наше повеление, жена?

Леди Капулетти

Сказала, но она не хочет слушать,
Отказывается. Благодарит.

Капулетти

Что? Что? Не слышу. Повтори. Не хочет?
Благодарит? Она не поняла
Всей этой чести? Ей не очевидно,
Во сколько раз жених знатнее нас?
Она находкой нашей не гордится?

Джульетта

Должна благодарить, но не горжусь.
Какая гордость в том, что ненавистно?
Но и напрасный труд ваш дорог мне.

Капулетти

Вот логика! Прости, не понимаю.

Где связь? То «благодарна» и «горда»,
То «не горда» вдруг и «не благодарна».
Брось эти штуки, маменькина дочь!
Что гордость мне твоя и благодарность?
А вот в четверг, пожалуйста, изволь
Пойти венчаться в храм с Парисом, или
Тебя я на веревке притащу.
В чем держится душа, холера, падаль!
Разважничалась!

Леди Капулетти
Вы с ума сошли!

Джульетта
Отец, прошу вас слезно на коленях,
Позвольте только слово мне сказать!

Капулетти
Ни звука! Все заранее известно.
В четверг будь в церкви или на глаза
Мне больше никогда не попадайся!
Молчать, молчать! Роптали, дураки,
Что дочь у нас одна, а на поверку
И этой много, так нас допекла!
У, подлая!

Кормилица
Избави Боже, сударь!
О дочке отзываться так нельзя.

Капулетти
А почему, наставница, с указкой?
К соседкам шли бы языком трепать!

Кормилица
Я зря не вру.

Капулетти
Проваливайте к Богу!

Кормилица
Нельзя и рта открыть?

Капулетти
Вам говорят,
С соседками за кружкой судачьте!
Тут не кабак.

Леди Капулетти
Вы слишком горячи.

Капулетти

Меня с ума все это сводит. Боже!
Где б ни был я и что б ни затевал,
В гостях ли, дома ль, вечно, днем и ночью,
Моею мыслью было подыскать
Ей жениха. И наконец он найден.
Богач, красавец, знатный человек,
Воспитан, воплощенье всех достоинств,
Мечта и сон, а эта тварь пищит:
«Я не хочу! Я не могу! Мне рано.
Простите». Ты не можешь? Хорошо.
Прощаю. Но изволь вперед кормиться
Где хочешь, только больше не со мной.
Имей в виду, я даром слов не трачу.
На размышление у тебя два дня,
И если ты мне дочь, то выйдешь замуж,
А если нет, скитайся, голодай
И можешь удавиться: Бог свидетель,
Тебе тогда я больше не отец.
Так вот, подумай. Это ведь не шутки.
(Уходит.)

Джульетта

Ужель нет состраданья в небесах?
Им видно ведь насквозь мое несчастье.
Ах, матушка, не выгоняйте вон!
Отсрочьте брак на месяц, на неделю
Или с Тибальтом положите в склеп!

Леди Капулетти

Все обсудили. Поступай, как знаешь.
Молчи. Я слова больше не скажу.
(Уходит.)

Джульетта

О Господи! О нянюшка! Что делать?
Обет мой в небе, у меня есть муж.
Как клятву мне вернуть с небес на землю,
Пока мой муж не улетел с земли?
Зачем судьба кует такие ковы
Столь беззащитным существам, как я?
Ну, что ты скажешь, няня? Неужели
Нет утешенья?

Кормилица

Утешенье есть.
Ромео в ссылке. Он остережется
Соваться к вам и требовать тебя.
Поэтому и вышла бы за графа.
Он – милочка. Ромео – мелюзга

В сравненьи с ним. Такой грозы во взоре
Не сыщешь у орлов. Твой новый брак
Затмит своими выгодами первый.
А нынешний твой муж в такой дали,
Что это – как покойник, та же польза.

Джульетта
Ты говоришь от сердца?

Кормилица
От души.

Джульетта
Аминь!

Кормилица
Что?

Джульетта
Ты меня переродила.
Спустись-ка вниз и матушке скажи:
Я принесу Лоренцо покаянье
В грехе непослушания отцу.

Кормилица
Пойду скажу. Вот это шаг похвальный!
(Уходит.)

Джульетта
Ведь вот он, вот он, первородный грех.
О демон-искуситель! Что подлее:
Толкать меня на ложь или хулить
Ромео тем же языком, которым
Она его хвалила столько раз?
Разрыв, разрыв! Меж нами пропасть, няня.
И если не поможет мне монах,
Есть средство умереть в моих руках.
(Уходит.)

АКТ IV

СЦЕНА 1

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Парис.

Брат Лоренцо
До четверга короткий слишком срок.

Парис
Так хочет тесть, и спешка Капулетти
Ничем я не намерен ослаблять.

Брат Лоренцо
Невестин образ мыслей вам неведом?
Не нравится мне что-то это все.

Парис
Она все время плачет о Тибальте,
Я ни о чем не мог с ней говорить.
Любовь не ко двору в домах, где траур,
Но против этих слез ее отец.
Они вредят здоровью. Он считает,
Что брак остановил бы их поток,
Который разлился в уединенье,
А в обществе вошел бы в берега.
Вы поняли причину нашей спешки?

Брат Лоренцо
(в сторону) К несчастью!
(Громко.) А вот она сама.

Входит Джульетта.

Парис
Счастливый миг, прекрасная супруга!

Джульетта
Мы не принадлежим еще друг другу.

Парис
В четверг вы станете моей женой.

Джульетта
Все в воле Божьей!

Брат Лоренцо
Только в ней одной.

Парис
Вы к брату исповедаться явились?

Джульетта
Ответить – было б исповедью вам.

Парис
Как вы от слез горячих похудели!

Джульетта

Я не была и раньше хороша

Парис

Зачем наружность портите вы ложью?

Джульетта

Я на свое лицо не клевету

И, думаю, своим чертам – хозяйка.

Парис

Они мои, а вы черните их.

Джульетта

За то их, видно, и черню, что ваши –

Свободны ль вы теперь, святой отец,

Иль лучше мне прийти перед вечерней?

Брат Лоренцо

Нет, у меня сейчас как раз досуг. –

Нам надо с ней одним остаться, сударь.

Парис

Избави Бог молитве помешать!

В четверг приду вас поднимать, Джульетта,

Пока ж позвольте вас поцеловать.

(Уходит.)

Джульетта

Запри за ним. Поплачь со мной немного.

Всему конец! Надежды больше нет!

Брат Лоренцо

Джульетта, мне твоя печаль известна.

Как быть тебе, ума не приложу.

В четверг, слышал, твое венчанье с графом

И будто отложить его нельзя.

Джульетта

Не говори, раз выхода не видишь.

И если ты не можешь мне помочь,

То оправдай меня по крайней мере,

И мне в беде поможет этот нож.

Бог нам сердца связал, ты сплел нам руки.

Я отдана Ромео. Прежде чем

Я руку с сердцем передам другому,

Я сердца жизнь рукою пресеку.

Итак, перебери свой долгий опыт

И вспомни, нет ли случая, как мой.

А то кинжал защитником мне будет

И честью отстоит мой правый иск.

Будь короток, не говори пространно.
Дай умереть иль залечи мне рану.

Брат Лоренцо
Стой, дочка. Я обдумываю шаг,
Такой же, впрочем, страшный, как опасность,
Которую хотим мы отворотить.
Ты говоришь, что вместо свадьбы с графом
В себе нашла бы силу умереть?
Что ж, если так, есть средство вроде смерти
От этого позора и беды.
Я дам его, но тут нужна решимость.

Джульетта
Чтоб замуж за Париса не идти,
Я лучше брошусь с башни, присосежусь
К разбойникам, я к змеям заберусь
И дам себя сковать вдвоем с медведем.
Я вместо свадьбы лучше соглашусь
Заночевать в мертвецкой или лягу
В разрытую могилу. Все, о чем
Я прежде слышать не могла без дрожи,
Теперь я, не колеблясь, совершу,
Чтоб не нарушить верности Ромео.

Брат Лоренцо
Тогда ступай уверенно домой,
Будь весела и дай отцу согласие
На свадьбу с графом. Завтра ведь среда.
Ляг завтра спать одна. Устрой, чтоб няня
Не оставалась на ночь наверху.
Ляг и пред сном откупорь эту склянку.
Когда ты выпьешь весь раствор до дна,
Тебя скует внезапный холод. В жилах
Должна остановиться будет кровь.
Ты обомрешь. В тебе не выдаст жизни
Ничто: ни слабый вздох, ни след тепла.
Со щек сойдет румянец. Точно ставни,
Сомкнутся на ночь наглухо глаза.
Конечности, лишившись управления,
Закоченеют, как у мертвецов.
В таком, на смерть похожем, состоянье
Останешься ты сорок два часа,
И после них очнешься освеженной.
Когда тебя придет будить Парис,
Ты будешь мертвой. Как у нас обычай,
Тебя в гробу без крышки отнесут
В фамильную гробницу Капулетти.
Я вызову Ромео. До того
Как ты проснешься, мы с ним будем в склепе.

Вы сможете уехать в ту же ночь.
Вот выход, если ты не оробеешь
Или не спутаешь чего-нибудь.

Джульетта
Дай склянку мне! Не говори о страхе.

Брат Лоренцо
Возьми ее. Я напишу письмо
И в Мантую отправлю с ним монаха.
Мужайся и решимость прояви!

Джульетта
Решимость эту я найду в любви.
Прощай, отец.

Уходят.

Сцена 2

Зал в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти, кормилица и два служителя.

Капулетти
Всех выписанных по порядку – в гости!

Первый служитель уходит.

Найми мне двадцать добрых поваров.

Второй служитель
Об этом не беспокоитесь. Я по смотрю, облизывают ли они себе пальцы.

Капулетти
Это для чего?

Второй служитель
Плох тот повар, который не лижет себе пальцев. Таких вон.

Капулетти
Ну-ну, ступай.

Второй служитель уходит.

Придется эти дни похлопотать.
Действительно ль она пошла к Лоренцо?

Кормилица
Пошла, ей-богу пошла.

Капулетти
Он, может, наведет ее на путь.
Бессовестная, наглая девчонка!

Входит Джульетта.

Кормилица
Вот, исповедалась и расцвела.

Капулетти
Ну что, упрямица? Где пропадала?

Джульетта
Спросите лучше, где себя нашла!
Я горько каюсь, что была упряма.
Лоренцо настрого мне приказал
Пасть в ноги к вам и попросить прощенья.
Пожалуйста, простите. Никогда
Я более перечить вам не буду.

Капулетти
Все это надо графу передать.
Зачем тянуть? Я поженю их завтра

Джульетта
Я графа видела в монастыре.
Насколько позволяло мне приличье,
Я с ним была любезна и тепла.

Капулетти
Ну, что ж, прекрасно. Поднимайся с полу.
Давно бы так. За графом не пошли?
Ведь я сказал, чтобы пошли за графом.
Какой нравоучительный монах!
Его недаром город уважает.

Джульетта
Пойдем со мною, няня. Отберем
Для завтрашнего дня что понарядней.

Леди Капулетти
Не к завтрашнему дню, а к четвергу.
У вас есть время.

Капулетти
Собирайся, няня.
Я все-таки их завтра поженю.

Джульетта и кормилица уходят.

Леди Капулетти
Нам на устройство времени не хватит:
Ведь скоро ночь!

Капулетти
Не бойся, помогу,
И дело загорится, вот увидишь.
Сбери Джульетте свадебный наряд,
А я внизу останусь за хозяйку.
Эй вы, дружной, ребята! – Ни души.
Все разошлись. Схожу-ка я к Парису.
Скажу, что свадьба завтра. Все легко,
С тех пор, как сломлено ее упрямство.

Уходят.

Сцена 3

Комната Джульетты.

Входят Джульетта и кормилица.

Джульетта
Да, это платье лучше всех. Но, няня,
Оставь меня на эту ночь одну.
Мне надо облегчить пред свадьбой душу.
Ты знаешь, сколько грешных тайн за ней,
И я должна их отмолить пред небом.

Входит леди Капулетти.

Леди Капулетти
Вы заняты? Быть может, вам помочь?

Джульетта
Нет, матушка. Мы все, что нужно завтра,
Собрали сами. Если вы не прочь,
Пожалуйста, меня одну оставьте,
А няня вам поможет в беготне.
У вас хлопот немало нынче ночью.

Леди Капулетти
Спокойной ночи. Ляг и отдохни.
Тебе необходимо.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

Джульетта
Все прощайте.

Бог весть, когда мы встретимся опять...
Меня пронизывает легкий холод
И ужас отстанавливает кровь.
Я позову их. Мне без них тоскливо.
Кормилица! Нет, здесь ей дела нет.
Одна должна сыграть я эту сцену.
Где склянка?
Что, если не подействует питье?
Тогда я, значит, выйду завтра замуж?
Нет! Вот защита. Рядом ляг, кинжал!
(Кладет кинжал на постель.)
Что, если это яд? Ведь для монаха
Грозит разоблаченьем этот брак.
А если я умру, то не узнают,
Что он со мной Ромео обвенчал.
Да, это так. Нет, это невозможно!
Он праведником слыл до этих пор.
Что, если я очнусь до появленья
Ромео? Вот что может напугать!
Не задохнусь ли я тогда в гробнице .
Без воздуха, задолго до того,
Как он придет ко мне на избавленье?
А если и останусь я жива,
Смогу ль я целым сохранить рассудок
Средь царства смерти и полночной тьмы
В соединенье с ужасами места,
Под сводами, где долгие века
Покоятся останки наших предков
И труп Тибальта начинает гнить,
Едва зарытый в свежую могилу,
Где временами, как передают,
Выходят мертвецы в ночную пору?
Увы, увы, кто поручится мне,
Что ежели я встану слишком рано,
То трупный смрад и резкость голосов,
Чудовищных, как стоны мандрагоры¹⁸⁷,
Немедля не сведут меня с ума,
Как сводят всех, кто слышал эти крики?
Как поручусь, что рук не запущу
В сыпучий прах и савана с Тибальта
Не стану рвать и что, вооружась
Берцовой костью предка, как дубиной,
Я головы себе не размозжу?
Гляди, гляди! Мне кажется, я вижу
Двоюродного брата. Он бежит
На поиски Ромео. Он кричит,
Как смел тот насадить его на шпагу.

¹⁸⁷ Согласно обычаю, жених будил невесту в день свадьбы музыкой и пением.

Остановись, Тибальт! Иду к тебе
И за твое здоровье пью, Ромео!
(*Падает на постель, за занавески.*)

Сцена 4

Зал в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

Леди Капулетти
Возьми ключи и пряностей прибавь.

Кормилица
Еще айвы и фиников к пирожным.

Входит Капулетти.

Капулетти
Живей! Поют вторые петухи.
Звонили к утрене.
Взгляни на кухню,
Не подгорел ли торт.
Да не скупись.

Леди Капулетти
Не суйте нос в хозяйство, баба с прялкой!
Ложитесь. Завтра скажите – мигрень.

Капулетти
Я в жизни полунощничал так часто,
Что с правом прогуляю эту ночь.

Леди Капулетти
Да, вам бы все по девичьим таскаться,
Но я туда вас больше не пущу.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

Капулетти
Ревнивица, ревнивица!

Входят три или четыре служителя. Они тащат дрова, вертелы и корзины.

Постой-ка.
Что это, братец?

Первый служитель
Повару в котел.
Не знаем сами!

Капулетти
Шевелись живее!

Первый служитель уходит.

Вот дрянь дрова! Куда с таким сырьем?
Спроси Петра, где сложены посуше.

Второй служитель
Зачем нам Петр? На то у нас башка.
Дойдем до дров своею головою.

Капулетти
Какой забавник! «Головой дойдем».
Не голова, а головня, коряга.

Второй служитель уходит.

Ба, да, никак, уж день? Того гляди,
Парис нагрянет. Вот и музыканты.
Ну да, они.

Музыка за сценой.

Кормилица! Жена!
Кричи – не докричишься. Няня, няня!

Кормилица возвращается.

Беги будить Джульетту. Одевай.
А я займу Париса. Живо, живо!
Жених пришел. Я говорю, живей!
Жених, я говорю!
(Уходит.)

Сцена 5

Комната Джульетты.

Входит кормилица.

Кормилица
Сударыня! Сударыня! Вставай!
Пора вставать! Ай-ай, какая соня!

Ну, погоди! Вот я ее, козу,
Вот я ее! Как, так-таки ни слова?
Да ладно, ладно. Спи, пока дают.
Спи про запас. Твой граф себя забудет,
А спать тебе не даст. Вот крепкий сон!
Однако разбужу ее. Джульетта!
Джульетта! Разве будет хорошо,
Когда тебя застанет граф в постели?
Ему-то что. Небось он будет рад.
(Отдергивает занавеску.)
Никак, одета? Встала, нарядилась –
И снова бух? Уж это извини!
Сударыня! Сударыня! А ну-ка! –
Не может быть... Сюда! Она мертва!
О Господи! О Господи! На помощь!
Глоток наливки! Не перенесу!

Входит леди Капулетти.

Леди Капулетти
Что ты шумишь?

Кормилица
Ужасное несчастье!

Леди Капулетти
Какое?

Кормилица
Посмотрите! Не могу...

Леди Капулетти
Ах, жизнь моя, дитя мое родное!
Взгляни, очнись, иль я умру с тобой!
На помощь! Помогите!

Входит Капулетти.

Капулетти
Безобразье!
Жених внизу, а этой нет как нет!

Кормилица
Джульетта померла! Она скончалась!

Леди Капулетти
Джульетты нет, Джульетта умерла.

Капулетти
Пустите! Быть не может!
Ни кровинки.

Окоченела. Холодна, как лед.
О Господи, она давно без жизни!
Все кончено! Как на поле мороз,
Смерть пеленой лежит на этом теле!

Кормилица
О горе, горе!

Леди Капулетти
О беда, беда!

Капулетти
Смерть, взявшая ее без сожаленья,
Сжимает рот мне и лишает слов!

Входят брат Лоренцо, Парис и музыканты.

Брат Лоренцо
Ну как? Готова в храм идти невеста?

Капулетти
Идти – пойдет, но не придет назад.
О сын мой, накануне обрученья
Твоей невестой овладела смерть!
Вон, как цветок со сломанной головкой,
Лежит она. Ее в супруги взял
Подземный царь. Он зять мой и наследник.
Я жить устал и умереть хочу
И все ему, добро и жизнь, оставлю.

Парис
Как долго ждал я нынешнего дня
И как ужасно он меня встречает!

Леди Капулетти
Проклятый, страшный, несчастливый день!
Тягчайший, самый страшный и несчастный
Из всех, какие только видел свет!
Одна была надежда и богатство,
Одна, одна – единственная дочь –
И даже той судьба не пощадила!

Кормилица
О Боже, не глядели бы глаза!
Какой проклятый день! Какой проклятый!
Какой проклятый, проклятуший день!
О Господи, глаза бы не глядели!

Парис
Я разведен, обманут, втоптан в грязь!

Как низко, смерть, меня ты обманула,
Как превратила в полное ничто!
О жизнь моя! О прелесть!

Капулетти
Я раздавлен,
Осмеян, искалечен, умерщвлен.
Зачем пришло ты, бедственное время,
Наш долгожданный праздник убивать?
Моей душой, а не моим ребенком
Была она, и вот она мертва.
А без души что все мои отрады?

Брат Лоренцо
Стыдитесь! Тише! Слезы не исход
В несчастье. Она принадлежала
Семье и небу. Ныне лишь оно
Владеет ею. Там Джульетте лучше.
Вы дочери от смерти не спасли,
А небо ей сияет вечной жизнью.
Вы прилагали силы все к тому,
Чтобы Джульетту возвеличить в свете,
Что ж плачете вы, видя вашу дочь
Так высоко за облаками в небе?
Знать, мало вы любили дочь свою,
Когда не рады, что она в раю.
Вы счастья молили для желанной?
Счастливейшие умирают рано.
Уйдем свой плач и, как заведено,
Осыпем это тело розмарином
И вынесем в венчальном платье в храм.
Природа слабодушна и рыдает,
Но разум тверд, и разум побеждает.

Капулетти
На похоронный церемониал
Пойдет, что к свадьбе я приготавлил,
И мы услышим вместо бойких скрипок
Церковный хор и звон колоколов.
Накрытый стол послужит для поминок,
Венчальные цветы украсят гроб.
Все обратилось в противоположность!

Брат Лоренцо
Отправимся. Сударыня, и вы.
Вы тоже, граф. Подите приготовьтесь.
Ее пора на кладбище нести.
Наверно, в вышних недовольны вами.
Не гневайте их лишними слезами.

Капулетти, леди Капулетти, Парис и монах уходят.

Первый музыкант .
Значит, трубы в футляры и по домам?

Кормилица
Да, по домам, сердечный, по домам.
Тут не до вас. Смотри, какое горе!
(Уходит.)

Первый музыкант
Горе горем, а позвали – надо платить.

Входит Петр.

Петр
Музыканты, а музыканты, плясовую! Если хотите мне угодить, пожалуйста, плясовую.

Первый музыкант
Почему плясовую?

Петр
Потому что у меня от горя сердце разрывается. Плясовую, пожалуйста! Что-нибудь позабористей. Распотешьте горемычного.

Первый музыкант
Никаких плясовых. Играть не велено.

Петр
Так вы не сыграете?

Первый музыкант
Нет.

Петр
Ну, так вы не то запоете!

Первый музыкант
Виноват, это как же?

Петр
А так, что я вам напомним ваше место, дудошная рвань!

Первый музыкант
Вы, как видно, сами забыли дорогу в официантскую.

Петр
В официантскую? Вот я такую официантскую распишу вам на спине, что куда там ваши ре-фа-ля!

Второй музыкант

Уберите кинжал! Благородные режутся только островами.

Петр

Ах, вот вы как? Ну хорошо, держитесь! Я убью вас насмешками. Отвечайте:

«Когда в груди терзания и муки

И счастья несбыточного жаль,

Лишь музыки серебряные звуки...»

Почему «серебряные»? Почему «лишь музыки серебряные звуки»? А, Симон Телячья
Струна?

Первый музыкант

Потому что у серебра приятный звук.

Петр

Превосходно! А твое мнение как, Гью Козлодер?

Второй музыкант

Почему «серебряные»? Потому что за музыку платят серебром.

Петр

Превосходно! А ты что скажешь, Яшка Пищик?

Третий музыкант

Ей-богу, не знаю.

Петр

Виноват, виноват: я забыл, что ты певчий. Никто не угадал. «Лишь музыки серебряные
звуки» – потому что за музыку не платят золотом.

«Лишь музыки серебряные звуки

Снимают как рукой мою печаль».

(Уходит.)

Первый музыкант

Что за сверхъестественная бестия!

Второй музыкант

Плюнь на него, Джек! Пойдем в буфетную. Придут факельщики, пообедаем.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Мантуя. Улица.

Входит Ромео.

Ромео

Когда я вправе доверяться сну,
Он обещает мне большую радость.
Я возбужден и весел целый день.
Какие-то живительные силы
Меня как будто носят над землей.
Я видел сон. Ко мне жена явилась,
А я был мертв и, мертвый, наблюдал."
И вдруг от жарких губ ее я ожил
И был провозглашен царем земли.
О, как живет любовь на самом деле,
Когда так оживляет мысль о ней!

Входит Балтазар в сапогах со шпорами.

А, Балтазар! С вестями из Вероны?
От моего монаха писем нет?
Ну, как жена? Что дома? Как Джульетта?
Скажи скорее. Дело только в ней.
И все в порядке, если ей не плохо.

Балтазар

В Джульетте суть. Джульетте хорошо.
Ее останки в склепе Капулетти.
Ее душа среди ангелов небес.
Я видел погребение Джульетты
И выехал вас тотчас известить.
Помилуйте меня за эту новость,
Я утаить от вас ее не смея.

Ромео

Что ты сказал? Я шлю вам вызов, звезды!..
Беги в мой дом. Бумаги и чернил!
Достанем лошадей и выезжаем.

Балтазар

Не надо падать духом, господин.
У вас горят глаза, и ваша бледность
Добра не предвещает.

Ромео

Пустяки.
Оставь меня и делай, что велели.
Мне, значит, от монаха писем нет?

Балтазар

Нет, сударь!

Ромео

Все равно. Так отправляйся
За лошадьми. Я скоро сам приду.

Балтазар уходит.

Джульетта, мы сегодня будем вместе.
Обдумаю, как это совершить.
Как ты изобретательно, несчастье!
Аптекаря я вспомнил. Он живет
Поблизости. На днях его я видел.
Он травы разбирал. Худой старик,
Весь отощавший от нужды, в лохмотьях.
В аптеке черепаха, крокодил
И чучела иных морских уродов.¹⁸⁸
Кругом на полках нищенский набор
Горшечных черепков, пустых коробок,
Веревочных обрывков, трав, семян
И отсыревших розовых лепешек.
Плачевный хлам, которому с трудом
Придать старались видимость товара.
Тогда же мысль мне в голову пришла:
Когда б у вас нужда явилась в яде,
Который запрещают продавать
Законы Мантуи под страхом смерти,
Несчастный этот вам его продаст.
Как кстати я тогда о нем подумал!
Сейчас он должен будет мне помочь.
Вот, кажется, как раз его лачуга.
Сегодня праздник, лавка заперта.
Аптекарь! Эй, аптекарь!

Входит аптекарь.

Аптекарь
Что угодно?

Ромео
Поди сюда. Я вижу, ты бедняк.
Вот пятьдесят дукатов. Дай мне аду.
Мне надобно такое вещество,
Чтоб через миг давало полный отдых
От жизни и с такой же быстротой
Освобождало тело от дыханья,
С какой из орудийного жерла
Молниеносно вылетают ядра.

¹⁸⁸ Аптекари в Великобритании времен Шекспира украшали свои лавки чучелами черепах, крокодилов и других причудливых на вид животных.

Аптекарь
Составы есть. Но в Мантуе казнят
Торгующих такими веществами.

Ромео
Ты так убог – и жизнью дорожишь?
Провалы щек твоих – живая повесть
О голоде, горящие глаза –
Об униженьях. Нищета согнула
Тебя в дугу. Свет не в ладах с тобой.
Его закон – не твой. Его обычай
Не даст тебе богатства. Ну так что ж?
Рассорься с миром, сделай беззаконье,
Спрячь эти деньги и разбогатеи.

Аптекарь
Не я – моя нужда дает согласие.

Ромео
И я плачу нужде, а не тебе.

Аптекарь
Вот порошок. В любую жидкость всыпьте,
И будь в вас силы за двадцатерых,
Один глоток уложит вас мгновенно.

Ромео
Вот золото, гораздо больший яд
И корень пущих зол и преступлений,
Чем этот безобидный порошок.
Не ты, а я даю тебе отраву.
Купи себе еды и откормись.
Тебя ж, мое спасительное зелье,
Я захвачу к Джульетте в подземелье.

Уходят.

Сцена 2

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Джованни.

Брат Джованни
Брат во святом Франциске! Здравствуй, брат.

Входит брат Лоренцо.

Брат Лоренцо
Ах, это брат Джованни!
Ты вернулся?
Что говорит Ромео? Может быть,
Есть от него из Мантуи записка?

Брат Джованни
Я в путь с собой хотел монаха взять,
Ухаживающего за больными.
Когда я был у брата, нашу дверь
Замкнули сторожа из карантина,
Решив, что мы из дома, где чума,
И не пускали, наложив печати.
Я в Мантую никак не мог попасть.

Брат Лоренцо
А кто ж отвез мое письмо к Ромео?

Брат Джованни
Я никому не мог его отдать,
Так велика была боязнь заразы.
Возьми его обратно. Вот оно.

Брат Лоренцо
Какое горе! Дело-то не шутка:
Письмо имело очень важный смысл.
Задержка этих строк грозит несчастьем.
Поди достань-ка мне железный лом
И возвращайся с ним, Джованни, в келью.

Брат Джованни
Сейчас схожу.
(Уходит.)

Брат Лоренцо
Придется одному
К гробнице мне... С минуты на минуту
Джюльетта может встать и не простит,
Что я еще не известил Ромео.
Но я ему еще раз напишу.
А в промежутке узнице гробницы
Позволю в келье у себя укрыться.
(Уходит.)

Сцена 3

Кладбище. Гробница семьи Капулетти.

Входят Парис и паж с цветами и факелом.

Парис

Дай факел и ступай. Пожалуй, нет:
Задуй его. Я не хочу быть видим.
Вон два-три вяза. Ляг у их корней,
Прижмись к земле и слушай чутким ухом.
Земля внутри на кладбище пуста.
Нельзя ступить, чтобы не отдавалось.
Едва услышишь шорох, свистни мне.
Давай цветы и делай, как сказали.

Паж

(в сторону) Мне страшно оставаться одному.
Кругом могилы. Надо поневоле!
(Уходит.)

Парис

Лежи в цветах – сама, как сад в цвету.
Твоя постель из пепла и гранита.
Я руки над тобой переплету
И окроплю слезами эти плиты.
А завтра снова принесу цветов
И заброшаю ими твой покров.

Паж свистит.

Мальчишка свищет. Кто-нибудь идет.
Кого несет нелегкая к могиле
И мне побыть в раздумье не дает?
Как, с факелом? Я спрячусь за кустами.
(Прячется.)

Входят Ромео и Балтазар с факелом и киркой.

Ромео

Дай мне кирку и лом. Возьми письмо.
Оно к отцу. Ты должен завтра утром
Снести его. Теперь дай факел мне.
Стань в стороне и, чтобы ни случилось,
Не вмешивайся и держись вдали.
Я вот зачем спускаюсь в подземелье:
Отчасти, чтоб взглянуть в лицо жены,
Но главное, чтоб снять с покойной перстень
Большой цены, в котором мне нужда.
Итак, ступай отсюда и не вздумай

Ходить назад подсматривать за мной,
А то я разорву тебя на клочья
И разбросаю по всему двору.
Я сам неукротим сейчас и страшен,
Как эта ночь. Нас лучше не дразнить,
Как море в бурю и голодных тигров.

Балтазар
Немедленно уйду, чтоб не мешать.

Ромео
И будешь другом. Вот тебе награда.
Прощай. Ты славный малый. Будь здоров.

Балтазар
(*в сторону*) А все-таки я спрячусь здесь в кустах:
Его слова и вид внушают страх.
(*Уходит.*)

Ромео
О смерть с ненасытимою утробой,
Ты съела лучший из плодов земли!
Но вот тебе я челюсти раздвину
И брюхо новой пищею набью.
(*Открывает склеп.*)

Парис
Монтекки это, шурина убийца,
Виновник слез, которые свели
Джульетту в гроб. Но негодяю мало,
И он пришел тела их осквернять.
(*Выходит вперед.*)
Монтекки, стой! Не подходи к святыне.
Неужто и умершим можно мстить?
Сбежавший осужденный, подчиняйся!
Идем. Ты арестован и умрешь.

Ромео
Да, я умру, за этим и явился,
Ты ж, милый юноша, ступай добром.
Не искушай безумного. Подумай
Об этих двух. Они тебе пример.
Не делай сызнова меня убийцей –
Тебя люблю я больше, чем себя.
Я здесь готовлю над собой расправу.
Беги, мой друг! Беги, покуда цел.
Тебя больной в горячке пожалел.

Парис
Твои слова встречаю я презреньем

И по закону задержу тебя.

Ромео

Ты так настойчив? Ну, так защищайся!

Бьются

Паж

У них дуэль! Я кликну караул!
(Уходит.)

Парис

Я умираю!
(Падает.)

Если ты не камень,
Прошу, внеси меня к Джульетте в склеп.
(Умирает.)

Ромео

Внесу. Кто это? Надобно б взглядеться.
Родня Меркуцьо, бедный граф Парис!
О чем, когда мы ехали верхами,
Дорогой говорил мне человек?
Не о предполагаемом ли браке
Джульетты и Париса? Или нет?
Быть может, это мне во сне приснилось?
Быть может, это я с тоски прочел
В его предсмертной просьбе? Дай мне руку.
Мы в книге бедствий на одной строке.
Ты ляжешь в величавую могилу.
В могилу? Нет, в сияющий чертог.
Среди него покоится Джульетта
И наполняет светом этот склеп.
Лежи, мертвец, похороненный мертвым!
(Кладет Париса в гробницу.)
Пред смертью на иных находит смех.
Свидетели зовут веселье это
Прощальными зарницами. Теперь
Проверю я, зарницы ль эти вспышки.
Любовь моя! Жена моя! Конец
Хоть высосал, как мед, твое дыханье,
Не справился с твоею красотой.
Тебя не победили: знамя жизни
Горит в губах твоих и на щеках,
И смерти бледный стяг еще не поднят.
И ты тут, в красном саване, Тибальт?
Какую радость я тебе доставлю!
Смотри: сразившею тебя рукой
Сейчас сражу я твоего убийцу.
Прости меня! Джульетта, для чего

Ты так прекрасна? Я могу подумать,
Что ангел смерти взял тебя живьем
И взаперти любовницею держит.
Под страхом этой мысли остаюсь
И никогда из этой тьмы не выйду.
Здесь поселюсь я, в обществе червей,
Твоих служанок новых. Здесь останусь,
Здесь отдохну навек, здесь сброшу с плеч
Томительное иго звезд зловещих.
Любуйтесь ею пред концом, глаза!
В последний раз ее обвейте, руки!
И губы, вы, преддверия души,
Запечатлейте долгим поцелуем
Со смертью мой бессрочный договор.
Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!
Пора разбить потрепанный корабль
С разбега о береговые скалы.
Пью за тебя, любовь!
(*Выпивает яд.*)
Ты не солгал,
Аптекарь! С поцелуем умираю.
(*Умирает.*)

С другого конца кладбища входит брат Лореицо с фонарем, ломом и лопатой.

Брат Лоренцо
Будь мне опорой, святой Франциск,
Чтоб в яму не свалиться. Кто ты, малый?

Балтазар
Не бойтесь. Я вас знаю хорошо.

Брат Лоренцо
Благослови Господь! Скажи, приятель,
Чей факел льет там бесполезный свет
Червям и черепам? Он за решеткой
У Капулетти, кажется

Балтазар
Он там,
Святой отец. В гробнице мой хозяин,
Ваш друг.

Брат Лоренцо
Какой?

Балтазар
Ромео.

Брат Лоренцо
И давно?

Балтазар
Да с полчаса!

Брат Лоренцо
Пойдем со мной в гробницу.

Балтазар
Нельзя: хозяин мой не должен знать,
Что я был тут. Он мне под страхом смерти
Велел уйти и не смотреть за ним.

Брат Лоренцо
Ну, не ходи. Я сам пойду. Мне страшно,
И чудится какая-то беда.

Балтазар
Когда я спал в кустах, мне показалось,
Что в споре с незнакомцем господин
Убил его у входа в склеп.

Брат Лоренцо
Ромео!
(Подходит к склепу.)
О Господи! Чей это крови след
На плитах пред решеткою? А это?
Чьи это обогранные мечи
У входа в усыпальницу?
(Входит в гробницу.)
Ромео!
Как бледен! А другой? Как, граф Парис?
И весь в крови? Где ключ к загадке этой?
Но спящая проснулась.

Джульетта пробуждается.

Джульетта
О монах,
Где мой супруг? Я сознаю отлично,
Где быть должна. Я там и нахожусь.
Где ж мой Ромео?

Шум за сценой.

Брат Лоренцо
Слышишь, кто-то ходит.
Уйдем скорей из этого гнезда
Заразы, смерти и оцепененья.
Другая сила, больше, чем моя,

Предупредила нас. Идем отсюда.
У ног твоих лежит твой мертвый муж,
И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь
Монахиней в обитель. Поспешим.
Не спрашивай меня. Подходит стража.
Джульетта, торопись! Мы на виду.

Джульетта
Ступай один, отец. Я не пойду.

Брат Лоренцо уходит.

Что он в руке сжимает? Это склянка.
Он, значит, отравился? Ах, злодей,
Все выпил сам, а мне и не оставил!
Но, верно, яд есть на его губах.
Тогда его я в губы поцелую
И в этом подкрепление смерть найду.
(*Целует Ромео.*)
Какие теплые!

Первый сторож
Где это место?
Веди, любезный.

Джульетта
Чьи-то голоса.
Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.
(*Схватывает кинжал Ромео.*)
Сиди в чехле.
(*Вонзает его в себя.*)
Будь здесь, а я умру.
(*Падает на труп Ромео и умирает.*)

Входит стража с пажом Париса.

Паж
Вот это место. Там, где воткнут факел.

Первый сторож
Тут кровь. Могилы надо обыскать.
Кого кругом ни встретите, хватайте.
Печальный вид! Вот мертвый граф Парис.
Вот теплая и вся в кровь Джульетта,
Хотя два дня уж как схоронена.
Сходить за князем. Вызвать Капулетти.
Поднять Монтекки. Окружите склеп.
Причина гибели их неизвестна.
Ее откроют розыск и допрос.

Несколько сторожей возвращаются с Балтазаром.

Второй сторож
На кладбище нашли слугу Ромео.

Первый сторож
Покамест князь придет, не отпускать.

Входит брат Лоренцо в сопровождении других сторожей.

Третий сторож
Монах задержан. Плачет и рыдает.
При нем мотыга и железный лом.
Он взят у дальнего конца ограды.

Первый сторож
Ввиду больших улик – не отпускать.

Входит князь со свитой.

Князь
Какая неурочная невзгода
Так рано поднимает нас от сна?

Входят Капулетти, леди Капулетти и другие.

Капулетти
О чем кричат, сбегаясь отовсюду?

Леди Капулетти
Народ бежит по улицам бегом,
Крича: «Парис», «Ромео» и «Джульетта»,
И окружает наш фамильный склеп.

Князь
Что тут случилось?

Первый сторож
Вот лежит Ромео,
А вот Парис. А вот, светлейший князь,
Скончавшаяся перед тем Джульетта,
Опять тепла и вновь умерщвлена.

Князь
Ищите, кто виновник изуверства.

Первый сторож
Вот тут слуга Ромео и монах.
При них орудье взлома. Ими вскрыта
Могила эта.

Капулетти
Боже! Глянь, жена,
Как наша дочка истекает кровью!
Кинжал ошибся местом.
Вон ремень
С его ножнами на боку Монтекки,
А он торчит у дочери в груди.

Леди Капулетти
Ах, это все, как колокольный звон,
Мне мысль о близкой смерти навевает!

Входят Монтекки и другие.

Князь
Монтекки, ты сегодня рано встал,
Но до восхода сын твой закатился.

Монтекки
Жена моя сегодня умерла:
Она не вынесла разлуки с сыном.
Какая скорбь еще готова мне?

Князь
Взгляни и сам увидишь!

Монтекки
О невежа!
Тесниться к гробу впереди отца!

Князь
Сдержите горестные восклицанья,
Пока не разъяснили этих тайн.
Когда я буду знать их смысл и корень,
То я, как предводитель ваших бед,
Не буду вас удерживать от смерти.
Пока пусть пострадавшие молчат.
Где эти подозрительные лица?

Брат Лоренцо
Хоть без вины, как будто главный я.
Так говорят, на первый взгляд, улики.
Итак, я тут стою в двойном лице -
Как обвиняемый и обвинитель,
Чтоб осудить себя и оправдать.

Князь
Рассказывай, что ты об этом знаешь.

Брат Лоренцо

Я буду краток, коротко и так
Для длинной повести мое дыханье.
Простертый на земле Ромео – муж
Джульетты, и она – жена Ромео.
Я тайно их венчал, и в этот день
Убит Тибальт, и смерть его – причина
Изгнания новобрачного. О нем,
А не о брате плакала Джульетта.
Тогда для прекращения этих слез
Вы ей велели выйти за Париса.
Она пришла ко мне, чтоб я помог
Избавиться ей от второго брака,
А то б она покончила с собой.
Я, пользуясь познаниями своими,
Дал ей снотворное. Как я и ждал,
Она уснула сном, подобным смерти,
А я Ромео написал письмо,
Чтоб он за ней приехал этой ночью,
Когда ослабнет действие питья,
И взял с собой. К несчастью, брат Джованни,
Посыльный мой, не мог отвезть письма
И мне его вернул, застряв в Вероне.
Тогда за бедной узницей, к поре,
Когда она должна была очнуться,
Пошел я сам и думал приютить
Ее до вызова Ромео, в келье.
Однако же, когда я к ней вошел
За несколько минут до пробуждения,
Я тут уж натолкнулся на тела
Погибшего Париса и Ромео.
Но вот она встает. Я, как могу,
Зову ее с собой и убеждаю
Смириться пред судьбой, но шум извне
Меня внезапно вынуждает скрыться.
Она не пожелала уходить
И, видимо, покончила с собою.
Вот все, что знаю я. Их тайный брак
Известен няне. Если в происшедшем
Я виноват хоть сколько, пусть мой век
Укоротят в угоду правосудью
За несколько часов перед концом.

Князь

Мы праведным всегда тебя считали.
Слуга Ромео, что ты скажешь нам?

Балтазар

Я сvez Ромео весть про смерть Джульетты,
И мы пустились вскачь на лошадях

Из Мантуи сюда, к ограде склепа.
Он дал письмо для своего отца,
Которое при мне, и под угрозой
Велел его оставить одного.

Князь

Дай мне письмо. Посмотрим содержание.
Где графов паж, позвавший караул? –
Что делал господин твой в этом месте?

Паж

Он возлагал цветы на гроб жены
И приказал мне отойти подальше.
Вдруг входит кто-то с факелом в руках,
И господин выхватывает шпагу.
Тут я за стражею и побежал.

Князь

В письме подтверждены слова монаха.
Рассказывая, как он встретил весть
Про смерть жены, Ромео прибавляет,
Что добыл яду в лавке бедняка,
Чтоб отравиться в склепе у Джульетты.
Где вы, непримиримые враги,
И спор ваш, Капулетти и Монтекки?
Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!
И я двух родственников потерял
За то, что потакал вам. Всем досталось.

Капулетти

Монтекки, руку дай тебе пожму.
Лишь этим возмести мне вдовью долю
Джульетты.

Монтекки

За нее я больше дам.
Я памятник ей в золоте воздвигну.
Пока Вероной город наш зовут,
Стоять в нем будет лучшая из статуй
Джульетты, верность сохранившей свято.

Капулетти

А радом изваяньем золотым
Ромео по достоинству почтим.

Князь

Сближенье ваше сумраком объято.
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.
Пойдем, обсудим сообща утраты

И обвиним иль оправдаем вас.
Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете...

Уходят.

Евгений Шварц

Дракон

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(продолжение)

Эльза . Боже мой! У меня щеки горят так, будто я целовалась с ним. Какой позор! Он почти уговорил меня... Значит, вот я какая!.. Ну и пусть. И очень хорошо. Довольно! Я была самая послушная в городе. Верила всему. И чем это кончилось? Да, меня все уважали, а счастье доставалось другим. Они сидят сейчас дома, выбирают платья наряднее, гладят оборочки. Завиваются. Собираются идти любоваться на мое несчастье. Ах, я так и вижу, как пудрятся они у зеркала и говорят: «Бедная Эльза, бедная девушка, она была такая хорошая!» Одна я, одна из всего города, стою на площади и мучаюсь. И дурак часовой тарачит на меня глаза, думает о том, что сделает сегодня со мной дракон. И завтра этот солдат будет жив, будет отдыхать после дежурства. Пойдет гулять к водопаду, где река такая веселая, что даже самые печальные люди улыбаются, глядя, как славно она прыгает. Или пойдет он в парк, где садовник вырастил чудесные анютины глазки, которые щурятся, подмигивают и даже умеют читать, если буквы крупные и книжка кончается хорошо. Или поедет он кататься по озеру, которое когда-то вскипятил дракон и где русалки с тех пор такие смиренные. Они не только никого не топят, а даже торгуют, сидя на мелком месте, спасательными поясами. Но они по-прежнему прекрасны, и солдаты любят болтать с ними. И расскажет русалкам этот глупый солдат, как заиграла веселая музыка, как все заплакали, а дракон повел меня к себе. И русалки примутся ахать: «Ах, бедная Эльза, ах, бедная девушка, сегодня такая хорошая погода, а ее нет на свете». Не хочу! Хочу все видеть, все слышать, все чувствовать. Вот вам! Хочу быть счастливой! Вот вам! Я взяла нож, чтобы убить себя. И не убью. Вот вам!

Ланцелот выходит из ратуши.

Ланцелот . Эльза! Какое счастье, что я вижу вас!

Эльза . Почему?

Ланцелот . Ах, славная моя барышня, у меня такой трудный день, что душа так и требует отдыха, хоть на минуточку. И вот, как будто нарочно, вдруг вы встречаетесь мне.

Эльза . Вы были на заседании?

Ланцелот . Был.

Эльза . Зачем они звали вас?

Ланцелот . Предлагали деньги, лишь бы я отказался от боя.

Эльза . И что вы им ответили?

Ланцелот . Ответил: ах вы, бедные дураки! Не будем говорить о них. Сегодня, Эльза, вы еще красивее, чем вчера. Это верный признак того, что вы действительно нравитесь мне. Вы верите, что я освобожу вас?

Эльза . Нет.

Ланцелот . А я не обижаюсь. Вот как вы мне нравитесь, оказывается.

Вбегают подруги Эльзы.

1-я подруга . А вот и мы!

2-я подруга . Мы – лучшие подруги Эльзы.

3-я подруга . Мы жили душа в душу столько лет, с самого детства.

1-я подруга . Она у нас была самая умная.

2-я подруга . Она была у нас самая славная.

3-я подруга . И все-таки любила нас больше всех. И зашьет, бывало, что попросишь, и поможет решить задачу, и утешит, когда тебе кажется, что ты самая несчастная.

1-я подруга . Мы не опоздали?

2-я подруга . Вы правда будете драться с ним?

3-я подруга . Господин Ланцелот, вы не можете устроить нас на крышу ратуши? Вам не откажут, если вы попросите. Нам так хочется увидеть бой получше.

1-я подруга . Ну вот, вы и рассердились.

2-я подруга . И не хотите разговаривать с нами.

3-я подруга . А мы вовсе не такие плохие девушки.

1-я подруга . Вы думаете, мы нарочно помешали попрощаться с Эльзой.

2-я подруга . А мы не нарочно.

3-я подруга . Это Генрих приказал нам не оставлять вас наедине с ней, пока господин дракон не разрешит этого...

1-я подруга . Он приказал нам болтать...

2-я подруга . И вот мы болтаем, как дурочки.

3-я подруга . Потому что иначе мы заплакали бы. А вы, приезжий, и представить себе не можете, какой это стыд – плакать при чужих.

Шарлемань выходит из ратуши.

Шарлемань . Заседание закрылось, господин Ланцелот. Решение об оружии для вас вынесено. Простите нас. Пожалейте нас, бедных убийц, господин Ланцелот.

Гремят трубы. Из ратуши выбегают слуги, которые расстилают ковры и устанавливают кресла. Большое и роскошно украшенное кресло ставят они посередине. Вправо и влево – кресла попроще. Выходит бургомистр, окруженный членами городского самоуправления. Он очень весел. Генрих, в парадной ливрее, с ними.

Бургомистр . Очень смешной анекдот... Как она сказала? Я думала, что все мальчишки это умеют? Ха-ха-ха! А этот анекдот вы знаете? Очень смешной. Одному цыгану отрубили голову...

Гремят трубы.

Ах, уже все готово... Ну хорошо, я вам расскажу его после церемонии... Напомните мне. Давайте, давайте, господа. Мы скоренько отделаемся.

Члены городского самоуправления становятся вправо и влево от кресла, стоящего посередине. Генрих становится за спинкой этого кресла.

(Кланяется пустому креслу. Скороговоркой.) Потрясенные и взволнованные доверием, которое вы, ваше превосходительство, оказываете нам, разрешая выносить столь важные решения, просим вас занять место почетного председателя. Просим раз, просим два, просим три. Сокрушаемся, но делать нечего. Начнем сами. Садитесь, господа. Объявляю заседание...

Пауза.

Воды!

Слуга достает воду из колодца. Бургомистр пьет.

Объявляю заседание... Воды! *(Пьет. Откашливается, очень тоненьким голосом.)* Объявляю *(глубоким басом)* заседание... Воды! *(Пьет. Тоненько.)* Спасибо, голубчик! *(Басом.)* Пошел вон, негодяй! *(Своим голосом.)* Поздравляю вас, господа, у меня началось раздвоение личности. *(Басом.)* Ты что ж это делаешь, старая дура? *(Тоненько.)* Не видишь, что ли, председательствую. *(Басом.)* Да разве это женское дело? *(Тоненько.)* Да я и сама не рада, касатик. Не сажайте вы меня, бедную, на кол, а дайте огласить протокол. *(Своим голосом.)* Слушали: О снабжении некоего Ланцелота оружием. Постановили: Снабдить, но скрепя сердца. Эй, вы там! Давайте сюда оружие!

Гремят трубы. Входят слуги. Первый слуга подает Ланцелоту маленький медный тазик, к которому прикреплены узенькие ремешки.

Ланцелот. Это тазик от цирюльника¹⁸⁹.

Бургомистр. Да, но мы назначили его исполняющим обязанности шлема. Медный подносик назначен щитом. Не беспокойтесь! Даже вещи в нашем городе послушны и дисциплинированы. Они будут выполнять свои обязанности вполне добросовестно. Рыцарских лат у нас на складе, к сожалению, не оказалось. Но копье есть. *(Протягивает Ланцелоту лист бумаги.)* Это удостоверение дается вам в том, что копье действительно находится в ремонте, что подписью и приложением печати удостоверяется. Вы предъявите его во время боя господину дракону, и все кончится отлично. Вот вам и все. *(Басом.)* Закрывай заседание, старая дура! *(Тоненьким голосом.)* Да закрываю, закрываю, будь оно проклято. И чего это народ все сердится, сердится, и сам не знает, чего сердится. *(Поет.)* Раз, два, три, четыре, пять, вышел рыцарь погулять... *(Басом.)* Закрывай, окаянная! *(Тоненьким голосом.)* А я что делаю? *(Поет.)* Вдруг дракончик вылетает, прямо в рыцаря стреляет... Пиф-паф, ой-ой-ой, объявляю заседанье закрытым.

Часовой. Смирно! Равнение на небо! Его превосходительство показались над Серыми горами и со страшной быстротой летят сюда.

Все вскакивают и, замирают, подняв головы к небу. Далекий гул, который разрастается с ужасающей быстротой. На сцене темнеет. Полная тьма. Гул обрывается.

Смирно! Его превосходительство, как туча, парит над нами, закрыв солнце. Затаите дыхание!

Вспыхивают два зеленоватых огонька.

¹⁸⁹ Цирюльник – парикмахер, занимающийся стрижкой и бритьем.

Кот (*шепотом*). Ланцелот, это я, кот.

Ланцелот (*шепотом*). Я сразу тебя узнал по глазам.

Кот . Я буду дремать на крепостной стене. Выбери время, проберись ко мне, и я промурлыкаю тебе нечто крайне приятное...

Часовой . Смирно! Его превосходительство кинулись вниз головами на площадь.

Оглушительный свист и рев. Вспыхивает свет. В большом кресле сидит с ногами крошечный, мертвенно-бледный, пожилой человек.

Кот (*с крепостной стены*). Не пугайся, дорогой Ланцелот. Это его третья башка. Он их меняет, когда пожелает.

Бургомистр . Ваше превосходительство! Во вверенном мне городском самоуправлении никаких происшествий не случилось. В околотке один. Налицо...

Дракон (*надтреснутым тенорком, очень спокойно*). Пошел вон! Все пошли вон! Кроме приезжего.

Все уходят. На сцене Ланцелот, Дракон и кот, который дремлет на крепостной стене, свернувшись клубком.

Как здоровье?

Ланцелот . Спасибо, отлично.

Дракон . А это что за тазики на полу?

Ланцелот . Оружие.

Дракон . Это мои додумались?

Ланцелот . Они.

Дракон . Вот безобразники. Обидно, небось?

Ланцелот . Нет.

Дракон . Вранье. У меня холодная кровь, но даже я обиделся бы. Страшно вам?

Ланцелот . Нет.

Дракон . Вранье, вранье. Мои люди очень страшные. Таких больше нигде не найдешь. Моя работа. Я их кроил.

Ланцелот . И все-таки они люди.

Дракон . Это снаружи.

Ланцелот . Нет.

Дракон . Если бы ты увидел их души – ох, задрожал бы.

Ланцелот . Нет.

Дракон . Убежал бы даже. Не стал бы умирать из-за калек. Я же их, любезный мой, лично покалечил. Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам – человек околеет. А душу разорвешь – станет послушней, и только. Нет, нет, таких душ нигде не подберешь. Только в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. Знаешь, почему бургомистр притворяется душевнобольным? Чтобы скрыть, что у него и вовсе нет души. Дырвые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. Нет, нет, жалко, что они невидимы.

Ланцелот . Это ваше счастье.

Дракон . Как так?

Ланцелот . Люди испугались бы, увидев своими глазами, во что превратились их души. Они на смерть пошли бы, а не остались покоренным народом. Кто бы тогда кормил вас?

Дракон . Черт его знает, может быть, вы и правы. Ну что ж, начнем?

Ланцелот . Давайте.

Дракон . Попрощайтесь сначала с девушкой, ради которой вы идете на смерть. Эй, мальчик!

Вбегает Генрих.

Эльзу!

Генрих убегает.

Вам нравится девушка, которую я выбрал?

Ланцелот . Очень, очень нравится.

Дракон . Это приятно слышать. Мне она тоже очень, очень нравится. Отличная девушка. Послушная девушка.

Входят Эльза и Генрих.

Поди, поди сюда, моя милая. Посмотри мне в глаза. Вот так. Очень хорошо. Глазки ясные. Можешь поцеловать мне руку. Вот так. Славненько. Губки теплые. Значит, на душе у тебя спокойно. Хочешь попрощаться с господином Ланцелотом?

Эльза . Как прикажете, господин дракон.

Дракон . А я вот как прикажу. Иди. Поговори с ним ласково. (*Тихо.*) Ласково-ласково поговори с ним. Поцелуй его на прощанье. Ничего, ведь я буду здесь. При мне можно. А потом убей его. Ничего, ничего. Ведь я буду здесь. При мне ты это сделаешь. Ступай. Можешь отойти с ним подальше. Ведь я вижу прекрасно. Я все увижу. Ступай.

Эльза подходит к Ланцелоту.

Эльза . Господин Ланцелот, мне приказано попрощаться с вами.

Ланцелот . Хорошо, Эльза. Давайте попрощаемся, на всякий случай. Бой будет серьезный. Мало ли что может случиться. Я хочу на прощание сказать вам, что я вас люблю, Эльза.

Эльза . Меня!

Ланцелот . Да, Эльза. Еще вчера вы мне так понравились, когда я взглянул в окно и увидел, как вы тихонечко идете с отцом своим домой. Потом вижу, что при каждой встрече вы кажетесь мне все красивее и красивее. Ага, подумал я. Вот оно. Потом, когда, вы поцеловали лапу дракону, я не рассердился на вас, а только ужасно огорчился. Ну и тут уже мне все стало понятно. Я, Эльза, люблю вас. Не сердитесь. Я ужасно хотел, чтобы вы знали это.

Эльза . Я думала, что вы все равно вызвали бы дракона. Даже если бы другая девушка была на моем месте.

Ланцелот . Конечно, вызвал бы. Я их терпеть не могу, драконов этих. Но ради вас я готов задушить его голыми руками, хотя это очень противно.

Эльза . Вы, значит, меня любите?

Ланцелот . Очень. Страшно подумать! Если бы вчера, на перекрестке трех дорог, я повернул бы не направо, а налево, то мы так и не познакомились бы никогда. Какой ужас, верно?

Эльза . Да.

Ланцелот . Подумать страшно. Мне кажется теперь, что ближе вас никого у меня на свете нет, и город ваш я считаю своим, потому что вы тут живете. Если меня... ну, словом, если нам больше не удастся поговорить, то вы уж не забывайте меня.

Эльза . Нет.

Ланцелот . Не забывайте. Вот вы сейчас первый раз за сегодняшний день посмотрели мне в глаза. И меня всего так и пронизало теплом, как будто вы приласкали меня. Я странник, легкий человек, но вся жизнь моя проходила в тяжелых боях. Тут дракон, там людоеды, там великаны. Возишься, возишься... Работа хлопотливая, неблагодарная. Но я все-таки был вечно счастлив. Я не уставал. И часто влюблялся.

Эльза . Часто?

Ланцелот . Конечно. Ходишь-бродишь, дерешься и знакомишься с девушками. Ведь они вечно попадают то в плен к разбойникам, то в мешок к великану, то на кухню к людоеду. А эти злодеи всегда выбирают девушек получше, особенно людоеды. Ну вот и влюбишься, бывало. Но разве так, как теперь? С теми я все шутил. Смешил их. А вас, Эльза, если бы мы были одни, то все целовал бы. Правда. И увел бы вас отсюда. Мы вдвоем шагали бы по лесам и горам, – это совсем не трудно. Нет, я добыл бы вам коня с таким седлом, что вы бы никогда не уставали. И я шел бы у вашего стремени и любовался на вас. И ни один человек не посмел бы вас обидеть.

Эльза берет Ланцелота за руку.

Дракон . Молодец девушка. Приручает его.

Генрих . Да. Она далеко не глупа, ваше превосходительство.

Ланцелот . Эльза, да ты, кажется, собираешься плакать?

Эльза . Собираюсь.

Ланцелот . Почему?

Эльза . Мне жалко.

Ланцелот . Кого?

Эльза . Себя и вас. Не будет нам с вами счастья, господин Ланцелот. Зачем я родилась на свет при драконе!

Ланцелот . Эльза, я всегда говорю правду. Мы будем счастливы. Поверь мне.

Эльза . Ой, ой, не надо.

Ланцелот . Мы пойдем с тобою по лесной дорожке, веселые и счастливые. Только ты да я.

Эльза . Нет, нет, не надо.

Ланцелот . И небо над нами будет чистое. Никто не посмеет броситься на нас оттуда.

Эльза . Правда?

Ланцелот . Правда. Ах, разве знают в бедном вашем народе, как можно любить друг друга? Страх, усталость, недоверие сгорят в тебе, исчезнут навеки, вот как я буду любить тебя. А ты, засыпая, будешь улыбаться и, просыпаясь, будешь улыбаться и звать меня – вот как ты меня будешь любить. И себя полюбишь тоже. Ты будешь ходить спокойная и гордая. Ты поймешь, что уж раз я тебя такую целую, значит, ты хороша. И деревья в лесу будут ласково разговаривать с нами, и птицы, и звери, потому что настоящие влюбленные все понимают и заодно со всем миром. И все будут рады нам, потому что настоящие влюбленные приносят счастье.

Дракон . Что он ей там напевает?

Генрих . Проповедует. Ученье – свет, а неученье – тьма. Мойте руки перед едой. И тому подобное. Этот сухарь...

Дракон . Ага, ага Она положила ему руку на плечо! Молодец.

Эльза . Пусть даже мы не доживем до такого счастья. Все равно, я все равно уже и теперь счастлива. Эти чудовища сторожат нас. А мы ушли от них за тридевять земель. Со мной никогда так не говорили, дорогой мой. Я не знала, что есть на земле такие люди, как ты. Я еще вчера была послушна как собачка, не смела думать о тебе. И все-таки ночью спустилась тихонько вниз и выпила вино, которое оставалось в твоём стакане. Я только сейчас поняла, что это я по-своему, тайно-тайно, поцеловала тебя ночью за то, что ты вступился за меня. Ты не поймешь, как перепутаны все чувства у нас, бедных, забытых девушек. Еще недавно мне казалось, что я тебя ненавижу. А это я по-своему, тайно-тайно, влюблялась в тебя. Дорогой мой! Я люблю тебя, – какое счастье сказать это прямо. И какое счастье... *(Целует Ланцелота.)*

Дракон *(стучит ножками от нетерпения)*. Сейчас сделает, сейчас сделает, сейчас сделает!

Эльза . А теперь пусти меня, милый. *(Освобождается из объятий Ланцелота. Выхватывает нож из ножен.)* Видишь этот нож? Дракон приказал, чтобы я убила тебя этим ножом. Смотри!

Дракон . Ну! Ну! Ну!

Генрих . Делай, делай!

Эльза швыряет нож в колодец.

Презренная девчонка!

Дракон *(гремит)*. Да как ты посмела!..

Эльза . Ни слова больше! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе ругаться теперь, после того как он поцеловал меня? Я люблю его. И он убьет тебя.

Ланцелот . Это чистая правда, господин дракон.

Дракон . Ну-ну. Что ж. Придется подраться. *(Зевает)*. Да откровенно говоря, я не жалею об этом, я тут не так давно разработал очень любопытный удар лапой эн в икс направлении. Сейчас попробуем его на теле. Денщик, позови-ка стражу.

Генрих убегает.

Ступай домой, дурочка, а после боя мы поговорим с тобою обо всем задушевно.

Входит Генрих со стражей.

Слушай, стража, что-то я хотел тебе сказать... Ах, да... Проводи-ка домой эту барышню и посторожи ее там.

Ланцелот делает шаг вперед.

Эльза . Не надо. Береги силы. Когда ты его убьешь, приходи за мной. Я буду ждать тебя и перебирать каждое слово, которое ты сказал мне сегодня. Я верю тебе.

Ланцелот . *Я приду за тобой.*

Дракон . Ну вот и хорошо. Ступайте.

Стража уводит Эльзу.

Мальчик, сними часового с башни и отправь его в тюрьму. Ночью надо будет отрубить ему голову. Он слышал, как девчонка кричала на меня, и может проболтаться об этом в казарме. Распорядись. Потом придешь смазать мне когти ядом.

Генрих убегает.

(Ланцелоту.) А ты стой здесь, слышишь? И жди. Когда я начну – не скажу. Настоящая война начинается вдруг. Понял?

Слезает с кресла и уходит во дворец. Ланцелот подходит к коту.

Ланцелот . Ну, кот, что приятное собирался ты промурлыкать мне?

Кот . Взгляни направо, дорогой Ланцелот. В облаке пыли стоит ослик. Брыкается. Пять человек уговаривают упряма. Сейчас я им спою песенку. *(Мяукает.)* Видишь, как запрыгал упрямец прямо к нам. Но у стены он заупрямится вновь, а ты поговори с погонщиками его. Вот и они.

За стеной – голова осла который останавливается в облаке пыли. Пять погонщиков кричат на него. Генрих бежит через площадь.

Генрих *(погонщикам)*. Что вы здесь делаете?

Двое погонщиков *(хором)*. Везем товар на рынок, ваша честь.

Генрих . Какой?

Двое погонщиков . Ковры, ваша честь.

Генрих . Проезжайте, проезжайте. У дворца нельзя задерживаться!

Двое погонщиков . Осел заупрямился, ваша честь.

Голос дракона . Мальчик!

Генрих . Проезжайте, проезжайте! *(Бежит бегом во дворец.)*

Двое погонщиков *(хором)*. Здравствуйте, господин Ланцелот. Мы – друзья ваши, господин Ланцелот. *(Откашливаются разом.)* Кха-кха. Вы не обижайтесь, что мы говорим разом, – мы с малых лет работаем вместе и так сработались, что и думаем, и говорим, как один человек. Мы даже влюбились в один день и один миг и женились на родных сестрах-близнецах. Мы соткали множество ковров, но самый лучший приготовили мы за нынешнюю ночь, для вас. *(Снимают со спины осла ковер и расстилают его на земле.)*

Ланцелот . Какой красивый ковер!

Двое погонщиков . Да. Ковер лучшего сорта, двойной, шерсть с шелком, краски приготовлены по особому нашему секретному способу. Но секрет ковра не в шерсти, не в шелке, не в красках. *(Негромко.)* Это – ковер-самолет.

Ланцелот . Прелестно! Говорите скорее, как им управлять.

Двое погонщиков . Очень просто, господин Ланцелот. Это – угол высоты, на нем выткано солнце. Это – угол глубины, на нем выткана земля. Это – угол узорных полетов, на нем вытканы ласточки. А это – драконов угол. Подынешь его – и летишь круто вниз, прямо врагу на башку. Здесь выткан кубок с вином и чудесная закуска. Побеждай и пируй. Нет, нет. Не говори нам спасибо. Наши прадеды все поглядывали на дорогу, ждали тебя. Наши деды ждали. А мы вот – дождались.

Уходят быстро, и тотчас же к Ланцелоту подбегает третий погонщик с картонным футляром в руках.

3-й погонщик . Здравствуйте, сударь! Простите. Поверните голову так. А теперь этак. Отлично. Сударь, я шапочных и шляпочных дел мастер. Я делаю лучшие шляпы и шапки в мире. Я очень знаменит в этом городе. Меня тут каждая собака знает.

Кот . И кошка тоже.

3-й погонщик . Вот видите! Без всякой примерки, бросив один взгляд на заказчика, я делаю вещи, которые удивительно украшают людей, и в этом моя радость. Одну даму, например, муж любит, только пока она в шляпе моей работы. Она даже спит в шляпе и признается всюду, что мне она обязана счастьем всей своей жизни. Сегодня я всю ночь работал на вас, сударь, и плакал, как ребенок, с горя.

Ланцелот . Почему?

3-й погонщик . Это такой трагический, особенный фасон. Это шапка-невидимка.

Ланцелот . Прелестно!

3-й погонщик . Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер вовеки не узнает, идет она вам или нет. Берите, только не примеряйте при мне. Я этого не перенесу. Нет, не перенесу.

Убегает. Тотчас же к Ланцелоту подходит четвертый погонщик – бородатый, угрюмый человек со свертком на плече. Развертывает сверток. Там меч и копьё.

4-й погонщик . На. Всю ночь ковали. Ни пуха тебе, ни пера.

Уходит. К Ланцелоту подбегает пятый погонщик – маленький седой человечек со струнным музыкальным инструментом в руках.

5-й погонщик . Я – музыкальных дел мастер, господин Ланцелот. Еще мой прапрапрадед начал строить этот маленький инструмент. Из поколения в поколение работали мы над ним, и в человеческих руках он стал совсем человеком. Он будет вашим верным спутником в бою. Руки ваши будут заняты копьем и мечом, но он сам позаботится о себе. Он сам даст ля – и настроится. Сам переменит лопнувшую струну, сам заиграет. Когда следует, он будет бисировать, а когда нужно, – молчать. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой.

Видите? Мы слышали, мы все слышали, как вы, одинокий, бродили по городу, и спешили, спешили вооружить вас с головы до ног. Мы ждали, сотни лет ждали, дракон сделал нас тихими, и мы ждали тихо-тихо. И вот дождались. Убейте его и отпустите нас на свободу. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой.

Пятый погонщик уходит с поклонами.

Кот . Когда начнется бой, мы – я и ослик – укроемся в амбаре позади дворца, чтобы пламя случайно не опалило мою шкурку. Если понадобится, кликни нас. Здесь в поклаже на спине ослика укрепляющие налитки, пирожки с вишнями, точило для меча, запасные наконечники для копья, иголки и нитки.

Ланцелот . Спасибо. *(Становится на ковер. Берет оружие, кладет у ног музыкальный инструмент. Достает шапку-невидимку, надевает ее и исчезает.)*

Кот . Аккуратная работа. Прекрасные мастера. Ты еще тут, дорогой Ланцелот?

Голос Ланцелота . Нет. Я поднимаюсь потихоньку. До свиданья, друзья.

Кот . До свиданья, дорогой мой. Ах, сколько треволнений, сколько забот. Нет, быть в отчаянии – это гораздо приятнее. Дремлешь и ничего не ждешь. Верно я говорю, ослик?

Осел шевелит ушами.

Ушами я разговаривать не умею. Давай поговорим, ослик, словами. Мы знакомы мало, но раз уж работаем вместе, то можно и помяукать дружески. Мучение – ждать молча. Помяукаем.

Осел . Мяукать не согласен.

Кот . Ну хоть поговорим. Дракон думает, что Ланцелот здесь, а его и след простыл. Смешно, верно?

Осел (*мрачно*). Потеха!

Кот . Отчего же ты не смеешься?

Осел . Побьют. Как только я засмеюсь громко, люди говорят: опять этот проклятый осел кричит. И дерутся.

Кот . Ах вот как! Это, значит, у тебя смех такой пронзительный?

Осел . Ага.

Кот . А над чем ты смеешься?

Осел . Как когда... Думаю, думаю, да и вспомню смешное. Лошади меня смешат.

Кот . Чем?

Осел . Так... Дуры.

Кот . Прости, пожалуйста, за нескромность. Я тебя давно вот о чем хотел спросить...

Осел . Ну?

Кот . Как можешь ты есть колючки?

Осел . А что?

Кот . В траве попадаются, правда, съедобные стебельки. А колючки... сухие такие!

Осел . Ничего. Люблю острое.

Кот . А мясо?

Осел . Что мясо?

Кот . Не пробовал есть?

Осел . Мясо – это не еда. Мясо – это поклажа. Его в тележку кладут, дурачок.

Кот . А молоко?

Осел . Вот это в детстве я пил.

Кот . Ну, слава богу, можно будет поболтать о приятных, утешительных предметах.

Осел . Верно. Это приятно вспомнить. Утешительно. Мать добрая. Молоко теплое.

Сосешь, сосешь. Рай! Вкусно.

Кот . Молоко и лакать приятно.

Осел . Лакать не согласен.

Кот (*вскакивает*). Слышишь?

Осел . Стучит копытами, гад.

Тройной вопль Дракона.

Дракон . Ланцелот!

Пауза.

Ланцелот!

Осел . Ку-ку. (*Разражается ослиным хохотом.*) И-а! И-а! И-а!

Дворцовые двери распахиваются. В дыму и пламени смутно виднеются то три гигантские башки, то огромные лапы, то сверкающие глаза.

Дракон . Ланцелот! Полюбуйся на меня перед боем. Где же ты?

Генрих выбегает на площадь. Мечется, ищет Ланцелота, заглядывает в колодезь. Где же он?

Генрих . Он спрятался, ваше превосходительство.

Дракон . Эй, Ланцелот! Где ты?

Звон меча.

Кто посмел ударить меня?!

Голос Ланцелота . Я Ланцелот!

Полная тьма Угрожающий рев. Вспыхивает свет. Генрих мчится в ратушу. Шум боя Убегают. Площадь наполняется народом. Народ необычайно тих. Все перешептываются, глядя на небо.

1-й горожанин . Как мучительно затягивается бой.

2-й горожанин . Да, Уже две минуты – и никаких результатов

1-й горожанин . Я надеюсь, что сразу все будет кончено.

2-й горожанин . Ах, мы жили так спокойно... А сейчас время завтракать – и не хочется есть. Ужас! Здравствуйте, господин садовник. Почему вы так грустны?

Садовник . У меня сегодня распустились чайные розы, хлебные розы и винные розы. Посмотришь на них – и ты сыт и пьян. Господин дракон обещал зайти взглянуть и дать денег на дальнейшие опыты. А теперь он воюет. Из-за этого ужаса могут погибнуть плоды многолетних трудов.

Разносчик (*бойким шепотом*). А вот кому закопченные стекла? Посмотришь – и увидишь господина дракона копченым.

Все тихо смеются.

1-й горожанин . Какое безобразие. Ха-ха-ха!

2-й горожанин . Увидишь его копченым, как же!

Покупают стекла.

Мальчик . Мама, от кого дракон удирает по всему небу?

Все . Тссс!

1-й горожанин . Он не удирает, мальчик, он маневрирует

Мальчик . А почему он поджал хвост?

Все . Тссс!

1-й горожанин . Хвост поджат по заранее обдуманному плану, мальчик.

1-я горожанка . Подумать только! Война идет уже целых шесть минут, а конца ей еще не видно. Все так взволнованы, даже простые торговки подняли цены на молоко втрое

2-я горожанка . Ах, что там торговки. По дороге сюда мы увидели зрелище, леденящее душу. Сахар и сливочное масло, бледные как смерть, неслись из магазинов на склады. Ужасно нервные продукты. Как услышат шум боя – так и прячутся.

Крики ужаса. Толпа шарахается в сторону. Появляется Шарлемань.

Шарлемань . Здравствуйте, господа.

Молчание.

Вы не узнаете меня?

1-й горожанин . Конечно, нет. Со вчерашнего вечера вы стали совершенно неузнаваемым.

Шарлемань . Почему?

Садовник . Ужасные люди. Принимают чужих. Портят настроение дракону. Это хуже, чем по газону ходить. Да еще спрашивает – почему.

2-й горожанин . Я лично совершенно не узнаю вас после того, как ваш дом окружила стража.

Шарлемань . Да, это ужасно. Не правда ли? Эта глупая стража не пускает меня к родной моей дочери. Говорит, что дракон никого не велел пускать к Эльзе.

1-й горожанин . Ну что ж. Со своей точки зрения они совершенно правы.

Шарлемань . Эльза там одна. Правда, она очень весело кивала мне в окно, но это, наверное, только для того, чтобы успокоить меня. Ах, я не нахожу себе места!

2-й горожанин . Как, не находите места? Значит, вас уволили с должности архивариуса?

Шарлемань . Нет.

2-й горожанин . Тогда о каком месте вы говорите?

Шарлемань . Неужели вы не понимаете меня?

1-й горожанин . Нет. После того как вы подружились с этим чужаком, мы с вами говорим на разных языках.

Шум боя, удары меча.

Мальчик (*указывает на небо*). Мама, мама! Он перевернулся вверх ногами. Кто-то бьет его так, что искры летят!

Все . Тссс!

Гремят трубы. Выходят Генрих и бургомистр.

Бургомистр . Слушайте приказ. Во избежание эпидемии глазных болезней, и только поэтому, на небо смотреть воспрещается. Что происходит на небе, вы узнаете из коммюнике¹⁹⁰, которое по мере надобности будет выпускать личный секретарь господина дракона.

1-й горожанин . Вот это правильно.

¹⁹⁰ *Коммюнике* – официальное сообщение о результатах международных переговоров, о международном соглашении, о важных событиях во внутренней жизни страны.

2-й горожанин . Давно пора.
Мальчик . Мама, а почему вредно смотреть, как его бьют?
Все . Тссс!

Появляются подруги Эльзы.

1-я подруга . Десять минут идет война! Зачем этот Ланцелот не сдается?
2-я подруга . Знает ведь, что дракона победить нельзя.
3-я подруга . Он просто нарочно мучает нас.
1-я подруга . Я забыла у Эльзы свои перчатки. Но мне все равно теперь. Я так устала от этой войны, что мне ничего не жалко.
2-я подруга . Я тоже стала совершенно бесчувственная. Эльза хотела подарить мне на память свои новые туфли, но я и не вспоминаю о них.
3-я подруга . Подумать только! Если бы не этот приезжий, дракон давно бы уже увел Эльзу к себе. И мы сидели бы спокойно дома и плакали бы.
Разносчик (*бойко, шепотом*). А вот кому интересный научный инструмент, так называемое зеркальце, – смотришь вниз, а видишь небо? Каждый за недорогую цену может увидеть дракона у своих ног.

Все тихо смеются.

1-й горожанин . Какое безобразие! Ха-ха-ха!
2-й горожанин . Увидишь его у своих ног! Дождись!

Зеркала раскупают. Все смотрят в них, разбившись на группы. Шум боя все ожесточеннее.

1-я горожанка . Но это ужасно!
2-я горожанка . Бедный дракон!
1-я горожанка . Он перестал выдыхать пламя.
2-я горожанка . Он только дымится.
1-й горожанин . Какие сложные маневры.
2-й горожанин . По-моему... Нет, я ничего не скажу!
1-й горожанин . Ничего не понимаю.
Генрих . Слушайте коммюнике городского самоуправления. Бой близится к концу. Противник потерял меч. Копье его сломано. В ковче-самолете обнаружена моль, которая с невиданной быстротой уничтожает летные силы врага. Оторвавшись от своих баз, противник не может добыть нафталина и ловит моль, хлопая ладонями, что лишает его необходимой маневренности. Господин дракон не уничтожает врага только из любви к войне. Он еще не насытился подвигами и не налюбовался чудесами собственной храбрости.
1-й горожанин . Вот теперь я все понимаю.
Мальчик . Ну, мамочка, ну смотри, ну честное слово, его кто-то лупит по шее.
1-й горожанин . У него три шеи, мальчик.
Мальчик . Ну вот, видите, а теперь его гонят в три шеи.
1-й горожанин . Это обман зрения, мальчик!
Мальчик . Вот я и говорю, что обман. Я сам часто дерусь и понимаю, кого бьют. Ой! Что это?!

1-й горожанин . Уберите ребенка.

2-й горожанин . Я не верю, не верю глазам своим! Врача, глазного врача мне!
1-й горожанин . Она падает сюда. Я этого не перенесу! Не заслоняйте! Дайте взглянуть!..

Голова Дракона с грохотом валится на площадь.

Бургомистр . Коммюнике! Полжизни за коммюнике!

Генрих . Слушайте коммюнике городского самоуправления. Обессиленный Ланцелот потерял все и частично захвачен в плен.

Мальчик . Как частично?

Генрих . А так. Это – военная тайна. Остальные его части беспорядочно сопротивляются. Между прочим, господин дракон освободил от военной службы по болезни одну свою голову, с зачислением ее в резерв первой очереди.

Мальчик . А все-таки я не понимаю...

1-й горожанин . Ну чего тут не понимать? Зубы у тебя падали?

Мальчик . Падали.

1-й горожанин . Ну вот. А ты живешь себе.

Мальчик . Но голова у меня никогда не падала.

1-й горожанин . Мало ли что!

Генрих . Слушайте обзор происходящих событий. Заглавие: почему два, в сущности, больше, чем три? Две головы сидят на двух шеях. Получается четыре. Так. А кроме того, сидят они несокрушимо

Вторая голова Дракона с грохотом валится на площадь

Обзор откладывается по техническим причинам. Слушайте коммюнике. Боевые действия развиваются согласно планам, составленным господином драконом.

Мальчик . И все?

Генрих . Пока все.

1-й горожанин . Я потерял уважение к дракону на две трети. Господин Шарлемань! Дорогой друг! Почему вы там стоите в одиночестве?

2-й горожанин . Идите к нам, к нам.

1-й горожанин . Неужели стража не впускает вас к единственной дочери? Какое безобразие!

2-й горожанин . Почему вы молчите?

1-й горожанин . Неужели вы обиделись на нас?

Шарлемань . Нет, но я растерялся. Сначала вы не узнавали меня без всякого притворства. Я знаю вас. А теперь так же непритворно вы радуетесь мне.

Садовник . Ах, господин Шарлемань. Не надо размышлять. Это слишком страшно. Страшно подумать, сколько времени я потерял, бегая лизать лапу этому одноголовому чудовищу. Сколько цветов мог вырастить!

Генрих . Прислушайте обзор событий!

Садовник . Отстаньте! Надоели!

Генрих . Мало ли что! Время военное. Надо терпеть. Итак, я начинаю. Един бог, едино солнце, едина луна, едина голова на плечах у нашего повелителя. Иметь всего одну голову – это человечно, это гуманно в высшем смысле этого слова. Кроме того, это крайне удобно и в чисто военном отношении. Это сильно сокращает фронт. Оборонять одну голову втрое легче, чем три.

Третья голова Дракона с грохотом валится на площадь. Взрыв криков. Теперь все говорят очень громко.

1-й горожанин . Долой дракона!

2-й горожанин . Нас обманывали с детства!

1-я горожанка . Как хорошо! Некого слушаться!

2-я горожанка . Я как пьяная! Честное слово.

Мальчик . Мама, теперь, наверное, не будет занятий в школе! Ура!

Разносчик . А вот кому игрушка? Дракошка-картошка! Раз – и нет головы!

Все хохочут во всю глотку.

Садовник . Очень остроумно. Как? Дракон-корнеплод? Сидеть в парке! Всю жизнь! Безвыходно! Ура! Все. Ура! Долой его! Дракошка-картошка! Бей кого попало!

Генрих . Прислушайте коммюнике!

Все . Не прислушаем! Как хотим, так и кричим! Как желаем, так и лаем! Какое счастье! Бей!

Бургомистр . Эй, стража!

Стража выбегает на площадь.

(Генриху.) Говори. Начни помягче, а потом стукни. Смирно! Все затихают.

Генрих (*очень мягко*). Прислушайте, пожалуйста, коммюнике. На фронтах ну буквально, буквально-таки ничего интересного не произошло. Все обстоит вполне благополучненько. Объявляется осадное положение. За распространение слухов (*грозно*) будем рубить головы без замены штрафом. Поняли? Все по домам! Стража, очистить площадь!

Площадь пустеет.

Ну? Как тебе понравилось это зрелище?

Бургомистр . Помолчи, сынок.

Генрих . Почему ты улыбаешься?

Бургомистр . Помолчи, сынок.

Глухой, тяжелый удар, от которого содрогается земля.

Это тело дракона рухнуло на землю за мельницей.

1-я голова Дракона . Мальчик!

Генрих . Почему ты потираешь руки, папа?

Бургомистр . Ах, сынок! В руки мне сама собою свалилась власть.

2-я голова . Бургомистр, подойди ко мне! Дай воды! Бургомистр!

Бургомистр . Все идет великолепно, Генрих. Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмет вожжи.

Генрих . Однако сейчас на площади...

Бургомистр . Ах, это пустяки. Каждая собака прыгает, как безумная, когда ее спустишь с цепи, а потом сама бежит в конуру.

3-я голова . Мальчик! Подойди-ка ко мне! Я умираю.

Генрих . А Ланцелота ты не боишься, папа?

Бургомистр . Нет, сынок. Неужели ты думаешь, что дракона было так легко убить? Вернее всего, господин Ланцелот лежит обессиленный на ковре-самолете и ветер уносит его прочь от нашего города.

Генрих . А если вдруг он спустится...

Бургомистр . То мы с ним легко справимся. Он обессилен, уверяю тебя. Наш дорогой покойник все-таки умел драться. Идем. Напишем первые приказы. Главное – держаться как ни в чем не бывало.

1-я голова . Мальчик! Бургомистр!

Бургомистр . Идем, идем, некогда!

Уходят.

1-я голова . Зачем, зачем я ударил его второй левой лапой? Второй правой надо было.

2-я голова . Эй, кто-нибудь! Ты, Миллер! Ты мне хвост целовал при встрече. Эй, Фридрихсен! Ты подарил мне трубку с тремя мундштуками и надписью: «Твой навеки». Где ты, Анна-Мария-Фредерика Вебер? Ты говорила, что влюблена в меня, и носила на груди кусочки моего когтя в бархатном мешочке. Мы издревле научились понимать друг друга. Где же вы все? Дайте воды. Ведь вот он, колодец, рядом. Глоток! Пол-глотка! Ну хоть губы смочить.

1-я голова . Дайте, дайте мне начать сначала! Я вас всех передавлю!

2-я голова . Одну капельку, кто-нибудь.

3-я голова . Надо было скроить хоть одну верную душу. Не поддавался материал.

2-я голова . Тише! Я чую, рядом кто-то живой. Подойди. Дай воды.

Голос Ланцелота . Не могу!

И на площади появляется Ланцелот. Он стоит на ковре-самолете, опираясь на погнутый меч. В руках его шапка-невидимка. У ног музыкальный инструмент.

1-я голова . Ты победил случайно! Если бы я ударил второй правой...

2-я голова . А впрочем, прощай!

3-я голова . Меня утешает, что я оставляю тебе прожженные души, дырявые души, мертвые души... А впрочем, прощай!

2-я голова . Один человек возле, тот, кто убил меня! Вот как кончилась жизнь!

Все три головы (*хором*). Кончилась жизнь. Прощай! (*Умирают.*)

Ланцелот . Они-то умерли, но и мне что-то нехорошо. Не слушаются руки. Вижу плохо. И слышу все время, как зовет меня кто-то по имени: «Ланцелот, Ланцелот». Знакомый голос. Унылый голос. Не хочется идти. Но, кажется, придется на этот раз. Как ты думаешь – я умираю?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, как тебя послушаешь, это выходит и возвышенно, и благородно. Но мне ужасно нездоровится. Я смертельно ранен. Погоди-ка, погоди... Но дракон-то убит, вот и легче мне стало дышать. Эльза! Я его победил! Правда, никогда больше не увидеть мне тебя, Эльза! Не улыбнешься ты мне, не поцелуешь, не спросишь. «Ланцелот, что с тобой? Почему ты такой невеселый? Почему у тебя так кружится голова? Почему болят плечи?

Кто зовет тебя так упрямо – Ланцелот, Ланцелот?» Это смерть меня зовет, Эльза. Я умираю. Это очень грустно, верно?

Музыкальный инструмент отвечает.

Это очень обидно. Все они спрятались. Как будто победа – это несчастье какое-нибудь. Да погоди же ты, смерть. Ты меня знаешь. Я не раз смотрел тебе в глаза и никогда не прятался. Не уйду! Слышу. Дай мне подумать еще минуту. Все они спрятались. Так. Но сейчас дома они потихоньку-потихоньку приходят в себя. Души у них распрямляются. Зачем, шепчут они, зачем кормили и холили мы это чудовище? Из-за нас умирает теперь на площади человек, один единешенек. Ну, уж теперь мы будем умнее! Вон какой бой разыгрался в небе из-за нас. Вон как больно дышать бедному Ланцелоту. Нет уж, довольно, довольно! Из-за слабости нашей гибли самые сильные, самые добрые, самые нетерпеливые. Камни и те поумнели бы. А мы все-таки люди. Вот что шепчут сейчас в каждом доме, в каждой комнатке. Слышишь?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, да, именно так. Значит, я умираю не даром. Прощай, Эльза. Я знал, что буду любить тебя всю жизнь. Только не верил, что кончится жизнь так скоро. Прощай, город, прощай, утро, день, вечер. Вот и ночь пришла! Эй, вы! Смерть зовет, торопит... Мысли мешаются. Что-то.. что-то я не договорил. Эй, вы! Не бойтесь. Это можно – не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте – и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле. Вот и все. А я ухожу. Прощайте.

Музыкальный инструмент отвечает.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Роскошно обставленный зал во дворце бургомистра. На заднем плане, по обе стороны двери, полукруглые столы, накрытые к ужину. Перед ними, в центре, небольшой стол, на котором лежит толстая книга в золотом переплете. При поднятии занавеса гремит оркестр. Группа горожан кричит, глядя на дверь.

Горожане (*тихо*). Раз, два, три. (*Громко*.) Да здравствует победитель дракона! (*Тихо*.) Раз, два, три. (*Громко*.) Да здравствует наш повелитель! (*Тихо*.) Раз, два, три. (*Громко*.) До чего же мы довольны – это уму непостижимо! (*Тихо*.) Раз, два, три. (*Громко*.) Мы слышим его шаги!

Входит Генрих.

(*Громко, но стройно*.) Ура! Ура! Ура!

1-й горожанин. О славный наш освободитель! Ровно год назад окаянный, антипатичный, нечуткий, противный сукин сын дракон был уничтожен вами.

Горожане. Ура, ура, ура!

1-й горожанин. С тех пор мы живем очень хорошо. Мы...

Генрих . Стойте, стойте, любезные. Сделайте ударение на «очень».

1-й горожанин . Слушаю-с. С тех пор мы живем о-чень хорошо.

Генрих . Нет, нет, любезный. Не так. Не надо нажимать на «о». Получается какой-то двусмысленный завыв: «Очень». Поднапрягите-ка на «ч».

1-й горожанин . С тех пор мы живем оччень хорошо

Генрих . Во-во! Утверждаю этот вариант Ведь вы знаете победителя дракона. Это простой до наивности человек Он любит искренность, задушевность. Дальше.

1-й горожанин . Мы просто не знаем, куда деваться от счастья.

Генрих . Отлично! Стойте. Вставим здесь что-нибудь этакое... гуманное, добродетельное... Победитель дракона это любит. (*Щелкает пальцами.*) Стойте, стойте, стойте! Сейчас, сейчас, сейчас! Вот! Нашел! Даже пташки чирикают весело. Зло ушло – добро пришло! Чик-чирик! Чирик-ура! Повторим.

1-й горожанин . Даже пташки чирикают весело. Зло ушло – добро пришло, чик-чирик, чирик-ура!

Генрих . Уныло чирикаете, любезный! Смотрите, как бы вам самому не было за это чирик-чирик.

1-й горожанин (*весело*). Чик-чирик! Чирик-ура!

Генрих . Так-то лучше. Ну-с, хорошо. Остальные куски мы репетировали уже?

Горожане . Так точно, господин бургомистр.

Генрих . Ладно. Сейчас победитель дракона, президент вольного города выйдет к вам. Запомните – говорить надо стройно и вместе с тем задушевно, гуманно, демократично. Это дракон разводил церемонии, а мы...

Часовой . (*из средней двери*). Сми-ирно! Равнение на двери! Его превосходительство господин президент вольного города идут по коридору. (*Деревянно. Басом.*) Ах ты душечка! Ах ты благодетель! Дракона убил! Вы подумайте!

Гремит музыка. Входит бургомистр.

Генрих . Ваше превосходительство господин президент вольного города! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось! Налицо десять человек. Из них безумно счастливы все... В околотке...

Бургомистр . Вольно, вольно, господа. Здравствуйте, бургомистр. (*Пожимает руку Генриху.*) О! А это кто? А, бургомистр?

Генрих . Сограждане наши помнят, что ровно год назад вы убили дракона. Прибежали поздравить.

Бургомистр . Да что ты? Вот приятный сюрприз! Ну-ну валяйте.

Горожане . (*тихо*). Раз, два, три. (*Громко.*) Да здравствует победитель дракона! (*Тихо.*) Раз, два, три. (*Громко.*) Да здравствует наш повелитель...

Входит тюремщик.

Бургомистр . Стойте, стойте! Здравствуй, тюремщик. Тюремщик. Здравствуйте, ваше превосходительство.

Бургомистр (*горожанам*). Спасибо, господа. Я и так знаю все, что вы хотите сказать. Черт, непрощеная слеза. (*Смахивает слезу.*) Но тут, понимаете, у нас в доме свадьба, а у меня остались еще кое-какие делишки. Ступайте, а потом приходите на свадьбу. Повеселимся. Кошмар окончился, и мы теперь живем! Верно?

Горожане . Ура! Ура! Ура.

Бургомистр . Во-во, именно. Рабство отошло в область преданий, и мы переродились. вспомните, кем я был при проклятом драконе? Больным, сумасшедшим. А теперь? Здоров как огурчик. О вас я уж и не говорю. Вы у меня всегда веселы и счастливы, как пташки. Ну и летите себе. Живо! Генрих, проводи!

Горожане уходят.

Бургомистр . Ну что там у тебя в тюрьме?

Тюремщик . Сидят.

Бургомистр . Ну а мой бывший помощник как?

Тюремщик . Мучается.

Бургомистр . Ха-ха! Врешь, небось?

Тюремщик . Ей-право, мучается.

Бургомистр . Ну а как все-таки?

Тюремщик . На стену лезет.

Бургомистр . Ха-ха! Так ему и надо! Отвратительная личность. Бывало, рассказываешь анекдот, все смеются, а он бороду показывает. Это, мол, анекдот старый, с бородой. Ну вот и сиди теперь. Мой портрет ему показывал?

Тюремщик . А как же!

Бургомистр . Какой? На котором я радостно улыбаюсь?

Тюремщик . Этот самый.

Бургомистр . Ну и что он?

Тюремщик . Плачет.

Бургомистр . Врешь, небось?

Тюремщик . Ей-право, плачет.

Бургомистр . Ха-ха! Приятно. Ну а ткачи, снабдившие этого... ковром-самолетом?

Тюремщик . Надоели, проклятые. Сидят в разных этажах, а держатся как один. Что один скажет, то и другой.

Бургомистр . Но, однако же, они похудели?

Тюремщик . У меня похудеешь! Бургомистр. А кузнец?

Тюремщик . Опять решетку перепилил. Пришлось вставить в окно его камеры алмазную.

Бургомистр . Хорошо, хорошо, не жалея расходов. Ну и что он?

Тюремщик . Озадачен. Бургомистр. Ха-ха! Приятно!

Тюремщик . Шапочник сшил такие шапочки мышам, что коты их не трогают.

Бургомистр . Ну да? Почему?

Тюремщик . Любуются. А музыкант поет, тоску наводит. Я, как захожу к нему, затыкаю уши воском.

Бургомистр . Ладно. Что в городе?

Тюремщик . Тихо. Однако пишут.

Бургомистр . Что?

Тюремщик . Буквы «Л» на стенах. Это значит –Ланцелот.

Бургомистр . Ерунда. Буква «Л» обозначает – любим президента.

Тюремщик . Ага. Значит, не сажать, которые пишут?

Бургомистр . Нет, отчего же. Сажай. Еще чего пишут?

Тюремщик . Стыдно сказать. Президент –скотина. Его сын –мошенник... Президент (*хихикает басом*)... не смею повторить, как они выражаются. Однако больше всего пишут букву «Л».

Бургомистр . Вот чудачки. Дался им этот Ланцелот. А о нем так и нет сведений?
Тюремщик . Пропал.
Бургомистр . Птиц допрашивал?
Тюремщик . Ага.
Бургомистр . Всех?
Тюремщик . Ага. Вот орел мне какую отметину поставил. Ключнул в ухо.
Бургомистр . Ну и что они говорят?
Тюремщик . Говорят, не видали Ланцелота. Один попугай соглашается. Ты ему: видал?
И он тебе: видал. Ты ему: Ланцелота? И он тебе: Ланцелота. Ну попугай известно что за птица.
Бургомистр . А змеи?
Тюремщик . Эти сами бы приползли, если бы что узнали. Это свои. Да еще родственники покойнику. Однако не ползут.
Бургомистр . А рыбы?
Тюремщик . Молчат.
Бургомистр . Может, знают что-нибудь?
Тюремщик . Нет. Ученые рыбоводы смотрели им в глаза – подтверждают: ничего, мол, им не известно. Одним словом, Ланцелот, он же Георгий, он же Персей-проходимец, в каждой стране именуемый по-своему, до сих пор не обнаружен.
Бургомистр . Ну и шут с ним.

Входит Генрих.

Генрих . Пришел отец счастливой невесты, господин архивариус Шарлемань.
Бургомистр . Ага! Ага! Его-то мне и надо. Проси.

Входит Шарлемань.

Ну, ступайте, тюремщик. Продолжайте работать. Я вами доволен.

Тюремщик . Мы стараемся.
Бургомистр . Старайтесь. Шарлемань, вы знакомы с тюремщиком?
Шарлемань . Очень мало, господин президент.
Бургомистр . Ну-ну. Ничего. Может быть, еще познакомитесь поближе.
Тюремщик . Взять?
Бургомистр . Ну вот, уже сразу и взять. Иди, иди пока. До свиданья.

Тюремщик уходит.

Ну-с, Шарлемань, вы догадываетесь, конечно, зачем мы вас позвали? Всякие государственные заботы, хлопоты, то-се помешали мне забежать к вам лично. Но вы и Эльза знаете из приказов, расклеенных по городу, что сегодня ее свадьба.

Шарлемань . Да, мы это знаем, господин президент.
Бургомистр . Нам, государственным людям, некогда делать предложения с цветами, вздохами и так далее. Мы не предлагаем, а приказываем как ни в чем не бывало. Ха-ха! Это крайне удобно. Эльза счастлива!
Шарлемань . Нет
Бургомистр . Ну вот еще.. Конечно, счастлива. А вы?

Шарлемань . Я в отчаянии, господин президент...

Бургомистр . Какая неблагодарность! Я убил дракона...

Шарлемань . Простите меня, господин президент, но я не могу в это поверить.

Бургомистр . Можете!

Шарлемань . Честное слово, не могу.

Бургомистр . Можете, можете Если даже я верю в это, то вы и подавно можете.

Шарлемань . Нет.

Генрих . Он просто не хочет.

Бургомистр . Но почему?

Генрих . Набивает цену.

Бургомистр . Ладно. Предлагаю вам должность первого моего помощника.

Шарлемань . Я не хочу.

Бургомистр . Глупости. Хотите.

Шарлемань . Нет.

Бургомистр . Не торгуйтесь, нам некогда. Казенная квартира возле парка, недалеко от рынка, в сто пятьдесят три комнаты, причем все окна выходят на юг. Сказочное жалованье. И кроме того, каждый раз, как вы идете на службу, вам выдаются подъемные, а когда идете домой, – отпускные. Соберетесь в гости – вам даются командировочные, а сидите дома – вам платятся квартирные. Вы будете почти так же богаты, как я. Все. Вы согласны?

Шарлемань . Нет.

Бургомистр . Чего же вы хотите?

Шарлемань . Мы одного хотим – не трогайте нас, господин президент.

Бургомистр . Вот славно – не трогайте! А раз мне хочется, И кроме того, с государственной точки зрения – это очень солидно. Победитель дракона женится на спасенной им девушке. Это так убедительно. Как вы не хотите понять?

Шарлемань . Зачем вы мучаете нас? Я научился думать, господин президент, это само по себе мучительно, а тут еще эта свадьба. Так ведь можно и с ума сойти.

Бургомистр . Нельзя, нельзя! Все эти психические заболевания – ерунда. Выдумки.

Шарлемань . Ах, боже мой! Как мы беспомощны! То, что город наш совсем-совсем такой же тихий и послушный, как прежде, – это так страшно.

Бургомистр . Что за бред? Почему это страшно? Вы что – решили бунтовать со своей дочкой?

Шарлемань . Нет. Мы гуляли с ней сегодня в лесу и обо всем так хорошо, так подробно переговорили. Завтра, как только ее не станет, я тоже умру.

Бургомистр . Как это не станет? Что за глупости!

Шарлемань . Неужели вы думаете, что она переживет эту свадьбу?

Бургомистр . Конечно. Это будет славный, веселый праздник Другой бы радовался, что выдает дочку за богатого.

Генрих . Да и он тоже радуется.

Шарлемань . Нет. Я пожилой, вежливый человек, мне трудно сказать вам это прямо в глаза. Но я все-таки скажу. Эта свадьба – большое несчастье для нас.

Генрих . Какой утомительный способ торговаться.

Бургомистр . Слушайте вы, любезный! Больше, чем предложено, не получите! Вы, очевидно, хотите пай в наших предприятиях? Не выйдет! То, что нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города. Проще говоря, в моих, и отчасти – Генриха. Это совершенно законно. Не дам из этих денег ни гроша!

Шарлемань . Разрешите мне уйти, господин президент.

Бургомистр . Можете. Запомните только следующее Первое: на свадьбе извольте быть веселы, жизнерадостны и остроумны. Второе: никаких смертей! Потрудитесь жить столько, сколько мне будет угодно. Передайте это вашей дочери. Третье: в дальнейшем называйте меня «ваше превосходительство». Видите этот список? Тут пятьдесят фамилий. Все ваши лучшие друзья. Если вы будете бунтовать, все пятьдесят заложников пропадут без вести. Ступайте. Стойте. Сейчас за вами будет послан экипаж. Вы привезете дочку – и чтобы ни-ни! Поняли? Идите!

Шарлемань уходит.

Ну, все идет как по маслу.

Генрих . Что докладывал тюремщик?

Бургомистр . На небе ни облачка.

Генрих . А буква «Л»?

Бургомистр . Ах, мало ли букв писали они на стенках при драконе? Пусть пишут. Это им все-таки утешительно, а нам не вредит. Посмотри-ка, свободно это кресло.

Генрих . Ах, папа! (*Ощупывает кресло.*) Никого тут нет. Садись.

Бургомистр . Пожалуйста, не улыбайся. В своей шапке-невидимке он может пробраться всюду.

Генрих . Папа, ты не знаешь этого человека. Он до самого темени набит предрассудками Из рыцарской вежливости, перед тем как войти в дом, он снимет свою шапку –и стража схватит его.

Бургомистр . За год характер у него мог испортиться. (*Садится.*) Ну, сыночек, ну, мой крошечный, а теперь поговорим о наших делишках. За тобой должок, мое солнышко!

Генрих . Какой, папочка?

Бургомистр . Ты подкупил трех моих лакеев, чтобы они следили за мной, читали мои бумаги и так далее. Верно?

Генрих . Ну что ты, папочка!

Бургомистр . Погоди, сынок, не перебивай. Я прибавил им пятьсот талеров из личных своих средств, чтобы они передавали тебе только то, что я разрешу. Следовательно, ты должен мне пятьсот талеров, мальчугашка.

Генрих . Нет, папа. Узнав об этом, я прибавил им шестьсот.

Бургомистр . А я, догадавшись, тысячу, поросеночек! Следовательно, сальдо¹⁹¹ получается в мою пользу. И не прибавляй им, голубчик, больше. Они на таких окладах разъелись, развратились, одичали. Того и гляди, начнут на своих бросаться. Дальше. Необходимо будет распутать личного моего секретаря. Беднягу пришлось отправить в психиатрическую лечебницу.

Генрих . Неужели? Почему?

Бургомистр . Да мы с тобой подкупали и перекупали его столько раз в день, что он теперь никак не может сообразить, кому служит. Доносит мне на меня же. Интригует сам против себя, чтобы захватить собственное свое место. Парень честный, старательный, жалко смотреть, как он мучается. Зайдем к нему завтра в лечебницу и установим, на кого он работает, в конце концов. Ах ты мой сыночек! Ах ты мой славенький! На папино место ему захотелось.

Генрих . Ну что ты, папа!

¹⁹¹ Сальдо - разность между поступлениями и расходами за определённый промежуток времени.

Бургомистр . Ничего, мой малюсенький! Ничего. Дело житейское. Знаешь, что я хочу тебе предложить? Давай следить друг за другом попросту, по-родственному, как отец с сыном, безо всяких там посторонних. Денег сэкономим сколько!

Генрих . Ах, папа, ну что такое деньги!

Бургомистр . И в самом деле. Умрешь, с собой не возьмешь...

Стук копыт и звон колокольчиков.

(Бросается к окну.) Приехала! Приехала наша красавица! Карета какая! Чудо! Украшена драконовой чешуей! А сама Эльза! Чудо из чудес. Вся в бархате. Нет, все-таки власть – вещь ничего себе.. *(Шепотом.)* Допроси ее!

Генрих . Кого?

Бургомистр . Эльзу. Она так молчалива в последние дни. Не знает ли она, где этот... *(оглядывается)* Ланцелот. Допроси осторожно. А я послушаю тут за портьерой *(Скрывается.)*

Входят Эльза и Шарлемань.

Генрих . Эльза, приветствую тебя Ты хорошеешь с каждым днем, – это очень мило с твоей стороны. Президент переодевается. Он попросил принести свои извинения. Садись в это кресло, Эльза. *(Усаживает ее спиной к портьере, за которой скрывается бургомистр.)* А вы подождите в прихожей, Шарлемань.

Шарлемань уходит с поклоном.

Эльза, я рад, что президент натягивает на себя свои парадные украшения. Мне давно хочется поговорить с тобою наедине, по-дружески, с открытой душой Почему ты все молчишь? А? Ты не хочешь отвечать? Я ведь по-своему привязан к тебе Поговори со мной.

Эльза . О чем?

Генрих . О чем хочешь.

Эльза . Я не знаю... Я ничего не хочу.

Генрих . Не может быть. Ведь сегодня твоя свадьба... Ах, Эльза. Опять мне приходится уступать тебя. Но победитель дракона есть победитель. Я циник¹⁹², я насмешник, но перед ним и я преклоняюсь. Ты не слушаешь меня?

Эльза . Нет.

Генрих . Ах, Эльза... Неужели я стал совсем чужим тебе? А ведь мы так дружили в детстве. Помнишь, как ты болела корью, а я бегал к тебе под окна, пока не заболел сам. И ты навещала меня и плакала, что я такой тихий и кроткий. Помнишь?

Эльза . Да.

Генрих . Неужели дети, которые так дружили, вдруг умерли? Неужели в тебе и во мне ничего от них не осталось? Давай поговорим, как в былые времена, как брат с сестрой.

Эльза . Ну хорошо, давай поговорим.

Бургомистр выглядывает из-за портьеры и бесшумно аплодирует Генриху.

Ты хочешь знать, почему я все время молчу?

¹⁹² Циник - человек, для которого не существует ничего святого.

Бургомистр кивает головой.

Потому что я боюсь.

Генрих . Кого?

Эльза . Людей.

Генрих . Вот как? Укажи, каких именно людей ты боишься. Мы их заточим в темницу, и тебе сразу станет легче.

Бургомистр достает записную книжку.

Ну, называй имена.

Эльза . Нет, Генрих, это не поможет.

Генрих . Поможет, уверяю тебя. Я это испытал на опыте. И сон делается лучше, и аппетит, и настроение.

Эльза . Видишь ли... Я не знаю, как тебе объяснить... Я боюсь всех людей.

Генрих . Ах, вот что... Понимаю. Очень хорошо понимаю. Все люди, и я в том числе, кажутся тебе жестокими. Верно? Ты, может быть, не согласишься мне, но... но я сам их боюсь. Я боюсь отца.

Бургомистр недоумевающе разводит руками.

Боюсь верных наших слуг. И я притворяюсь жестоким, чтобы они боялись меня. Ах, все мы запутались в своей собственной паутине. Говори, говори еще, я слушаю.

Бургомистр понимающе кивает.

Эльза . Ну что же я еще могу сказать тебе... Сначала я сердилась, потом горевала, потом все мне стало безразлично. Я теперь так послушна, как никогда не была. Со мною можно делать все что угодно.

Бургомистр хихикает громко. Испуганно прячется за портьеру.

Эльза (*оглядывается*). Кто это?

Генрих . Не обращай внимания. Там готовятся к свадебному пиршеству. Бедная моя, дорогая сестренка. Как жалко, что исчез, бесследно исчез Ланцелот. Я только теперь понял его. Это удивительный человек. Мы все виноваты перед ним. Неужели нет надежды, что он вернется?

Бургомистр опять вылез из-за портьеры. Он – весь внимание.

Эльза . Он... Он не вернется.

Генрих . Не надо так думать. Мне почему-то кажется, что мы еще увидим его.

Эльза . Нет.

Генрих . Поверь мне!

Эльза . Мне приятно, когда ты говоришь это, но... Нас никто не слышит?

Бургомистр приседает за спинкой кресла.

Генрих . Конечно, никто, дорогая. Сегодня праздник. Все шпионы отдыхают.

Эльза . Видишь ли... Я знаю, что с Ланцелотом.

Генрих . Не надо, не говори, если тебе это мучительно.

Бургомистр грозит ему кулаком.

Эльза . Нет, я так долго молчала, что сейчас мне хочется рассказать тебе все. Мне казалось, что никто, кроме меня, не поймет, как это грустно, – уж в таком городе я родилась. Но ты так внимательно слушаешь меня сегодня... Словом... Ровно год, назад, когда кончался бой, кот побежал на дворцовую площадь. И он увидел: белый-белый как смерть Ланцелот стоит возле мертвых голов дракона. Он опирался на меч и улыбался, чтобы не огорчить кота. Кот бросился ко мне позвать меня на помощь. Но стража так старательно охраняла меня, что муха не могла пролететь в дом. Они прогнали кота.

Генрих . Грубые солдаты!

Эльза . Тогда он позвал знакомого своего осла. Уложив раненого ему на спину, он вывел осла глухими закоулками прочь из нашего города.

Генрих . Но почему?

Эльза . Ах, Ланцелот был так слаб, что люди могли бы убить его. И вот они отправились по тропинке в горы. Кот сидел возле раненого и слушал, бьется ли его сердце.

Генрих . Оно билось, надеюсь?

Эльза . Да, но только все глуше и глуше. И вот кот крикнул: «Стой!» И осел остановился. Уже наступила ночь. Они взобрались высоко-высоко в горы, и вокруг было так тихо, так холодно. «Поворачивай домой! – сказал кот. – Теперь люди уже не обидят его. Пусть Эльза простится с ним, а потом мы его похороним».

Генрих . Он умер, бедный!

Эльза . Умер, Генрих. Упрямый ослик сказал: поворачивать не согласен. И пошел дальше. А кот вернулся – ведь он так привязан к дому. Он вернулся, рассказал мне все, и теперь я никого не жду. Все кончено.

Бургомистр . Ура! Все кончено! (Пляшет, носится по комнате.) Все кончено! Я – полный владыка над всеми! Теперь уж совсем некого бояться. Спасибо. Эльза! Вот это праздник! Кто осмелится сказать теперь, что это не я убил дракона? Ну, кто?

Эльза . Он подслушивал?

Генрих . Конечно.

Эльза . И ты знал это?

Генрих . Ах, Эльза, не изображай наивную девочку. Ты сегодня, слава богу, замуж выходишь!

Эльза . Папа! Папа!

Вбегает Шарлемань.

Шарлемань . Что с тобою, моя маленькая? (Хочет обнять ее.)

Бургомистр . Руки по швам! Стойте навытяжку перед моей невестой!

Шарлемань (*вытянувшись*). Не надо, успокойся. Не плачь. Что ж поделаешь? Тут уж ничего не поделаешь. Что ж тут поделаешь?

Гремит музыка.

Бургомистр (*подбегает к окну*). Как славно! Как уютно! Гости приехали на свадьбу. Лошади в лентах! На оглоблях фонарики! Как прекрасно жить на свете и знать, что

никакой дурак не может помешать этому. Улыбайся же, Эльза. Секунда в секунду, в назначенный срок, сам президент вольного города заключит тебя в свои объятия.

Двери широко распахиваются.

Добро пожаловать, добро пожаловать, дорогие гости.

Входят гости. Проходят парами мимо Эльзы и бургомистра. Говорят чинно, почти шепотом.

1-й горожанин . Поздравляем жениха и невесту. Все так радуются.

2-й горожанин . Дома украшены фонариками.

1-й горожанин . На улице светло как днем!

2-й горожанин . Все винные погреба полны народу.

Мальчик . Все дерутся и ругаются.

Гости . Тссс!

Садовник . Позвольте поднести вам колокольчики. Правда, они звенят немного печально, но это ничего. Утром они завянут и успокоятся.

1-я подруга Эльзы . Эльза, милая, постарайся быть веселой. А то я заплачу и испорчу ресницы, которые так удались мне сегодня.

2-я подруга . Ведь он все-таки лучше, чем дракон. У него есть руки, ноги, а чешуи нету. Ведь все-таки он хоть и президент, а человек. Завтра ты нам все расскажешь. Это будет так интересно!

3-я подруга . Ты сможешь делать людям так много добра! Вот, например, ты можешь попросить жениха, чтобы он уволил начальника моего папы. Тогда папа займет его место, будет получать вдвое больше жалованья, и мы будем так счастливы.

Бургомистр *(считает вполголоса гостей)*. Раз, два, три, четыре *(Потом приборы.)* Раз, два, три... Так... Один гость как будто лишний... Ах, да это мальчик. Ну-ну, не реви. Ты будешь есть из одной тарелки с мамой. Все в сборе. Господа, прошу за стол. Мы быстро и скромно совершим обряд бракосочетания, а потом приступим к свадебному пиру. Я достал рыбу, которая создана для того, чтобы ее ели. Она смеется от радости, когда ее варят, и сама сообщает повару, когда готова. А вот индюшка, начиненная собственными индюшатами. Это так уютно, так семейственно. А вот поросята, которые не только откармливались, но и воспитывались специально для нашего стола. Они умеют служить и подавать лапку, несмотря на то что они зажарены. Не визжи, мальчик, это совсем не страшно, а потешно. А вот вина, такие старые, что впали в детство и прыгают, как маленькие, в своих бутылках. А вот водка, очищенная до того, что графин кажется пустым. Позвольте, да он и в самом деле пустой. Это подлецы лакеи очистили его. Но это ничего, в буфете еще много графинов. Как приятно быть богатым, господа! Все уселись? Отлично. Пойдите-пойдите, не надо есть, сейчас мы обвенчаемся. Одну минутку! Эльза! Дай лапку!

Эльза протягивает руку бургомистру.

Плутовка! Шалунья! Какая теплая лапка! Мордочку выше! Улыбайся! Все готово, Генрих?

Генрих . Так точно, господин президент

Бургомистр . Делай.

Генрих . Я плохой оратор, господа, и боюсь, что буду говорить несколько сумбурно.

Год назад самоуверенный проходимец вызвал на бой проклятого дракона. Специальная

комиссия, созданная городским самоуправлением, установила следующее – покойный наглец только раздражил покойное чудовище, неопасно ранив его. Тогда бывший наш бургомистр, а ныне президент вольного города героически бросился на дракона и убил его, уже окончательно, совершив различные чудеса храбрости.

Аплодисменты.

Чертополох гнусного рабства был с корнем вырван из почвы нашей общественной нивы.

Аплодисменты.

Благодарный город постановил следующее: если мы проклятому чудовищу отдавали лучших наших девушек, то неужели мы откажем в этом простом и естественном праве нашему дорогому избавителю!

Аплодисменты.

Итак, чтобы подчеркнуть величие президента, с одной стороны, и послушание и преданность города с другой стороны, я, как бургомистр, совершу сейчас обряд бракосочетания. Орган, свадебный гимн!

Гремит орган.

Писцы! Откройте книгу записей счастливых событий.

Входят писцы с огромными автоматическими перьями в руках.

Четыреста лет в эту книгу записывали имена бедных девушек, обреченных дракону. Четыреста страниц заполнены. И впервые на четыреста первой мы впишем имя счастливицы, которую возьмет в жены храбрец, уничтоживший чудовище.

Аплодисменты.

Жених, отвечай мне по чистой совести. Согласен ли ты взять в жены эту девушку? Бургомистр. Для блага родного города я способен на все.

Аплодисменты.

Генрих. Записывайте, писцы! Осторожнее! Поставишь кляксу – заставлю слизать языком! Так! Ну вот и все. Ах, виноват! Осталась еще одна пустая формальность. Невеста! Ты, конечно, согласна стать женою господина президента вольного города?

Пауза.

Ну, отвечай-ка, девушка, согласна ли ты...

Эльза. Нет.

Генрих. Ну вот и хорошо. Пишите, писцы.

Эльза. Не смейте писать!

Писцы отшатываются.

Генрих . Эльза, не мешай нам работать.

Бургомистр . Но, дорогой мой, она вовсе и не мешает. Если девушка говорит «нет», это значит «да». Пишите, писцы!

Эльза . Нет! Я вырву этот лист из книги и растопчу его!

Бургомистр . Прелестные девичьи колебания, слезы, грезы, то-се. Каждая девушка плачет на свой лад перед свадьбой, а потом бывает вполне удовлетворена. Мы сейчас подержим ее за ручки и сделаем все, что надо. Писцы...

Эльза . Дайте мне сказать хоть одно слово! Пожалуйста!

Генрих . Эльза!

Бургомистр . Не кричи, сынок. Все идет как полагается. Невеста просит слова. Дадим ей слово и на этом закончим официальную часть. Ничего, ничего, пусть – здесь все свои.

Эльза . Друзья мои, друзья! Зачем вы убиваете меня? Это страшно, как во сне. Когда разбойник занес над тобою нож, ты еще можешь спастись. Разбойника убьют, или ты ускользнешь от него... Ну а если нож разбойника вдруг сам бросится на тебя? И веревка его поползет к тебе, как змея, чтобы связать по рукам и по ногам? Если даже занавеска с окна его, тихая занавесочка, вдруг тоже бросится на тебя, чтобы заткнуть тебе рот? Что вы все скажете тогда? Я думала, что все вы только послушны дракону, как нож послушен разбойнику. А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники! Я не виню вас, вы сами этого не замечаете, но я умоляю вас – опомнитесь! Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Только превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня. Не убивайте меня! Очнитесь! Боже мой, какая тоска... Разорвите паутину, в которой вы все запутались. Неужели никто не вступится за меня?

Мальчик . Я бы вступился, но мама держит меня за руки.

Бургомистр . Ну вот и все. Невеста закончила свое выступление. Жизнь идет по-прежнему, как ни в чем не бывало.

Мальчик . Мама!

Бургомистр . Молчи, мой маленький. Будем веселиться как ни в чем не бывало. Довольно этой канцелярщины, Генрих. Напишите там: «Брак считается совершившимся» – и давайте кушать. Ужасно кушать хочется.

Генрих . Пишите, писцы: брак считается совершившимся. Ну, живее! Задумались?

Писцы берутся за перья. Громкий стук в дверь. Писцы отшатываются.

Бургомистр . Кто там?

Молчание.

Эй, вы там! Кто бы вы ни были, завтра, завтра, в приемные часы, через секретаря. Мне некогда! Я тут женюсь!

Снова стук.

Не открывать дверей! Пишите, писцы!

Дверь распахивается сама собой. За дверью – никого.

Генрих, ко мне! Что это значит?

Генрих . Ах, папа, обычная история. Невинные жалобы нашей девицы растревожили всех этих наивных обитателей рек, лесов, озер. Домовой прибежал с чердака, водяной вылез из колодца... Ну и пусть себе... Что они нам могут сделать. Они так же невидимы и бессильны, как так называемая совесть и тому подобное. Ну приснится нам два-три страшных сна – и все тут.

Бургомистр . Нет, это он!

Генрих . Кто?

Бургомистр . Ланцелот. Он в шапке-невидимке. Он стоит возле. Он слушает, что мы говорим. И его меч висит над моей головой.

Генрих . Дорогой папаша! Если вы не придете в себя, то я возьму власть в свои руки.

Бургомистр . Музыка! Играй! Дорогие гости! Простите эту невольную заминку, но я так боюсь сквозняков. Сквозняк открыл двери – и все тут. Эльза, успокойся, крошка! Я объявляю брак состоявшимся с последующим утверждением. Что это? Кто там бежит?

Вбегает перепуганный лакей.

Лакей . Берите обратно! Берите обратно!

Бургомистр . Что брать обратно?

Лакей . Берите обратно ваши проклятые деньги! Я больше не служу у вас!

Бургомистр . Почему?

Лакей . Он убьет меня за все мои подлости. *(Убегает.)*

Бургомистр . Кто убьет его? А? Генрих?

Вбегает второй лакей.

2-й лакей . Он уже идет по коридору! Я поклонился ему в пояс, а он мне не ответил! Он теперь и не глядит на людей. Ох, будет нам за все! Ох, будет! *(Убегает.)*

Бургомистр . Генрих!

Генрих . Держитесь как ни в чем не бывало. Что бы ни случилось. Это спасет нас.

Появляется третий лакей, пятась задом. Кричит в пространство.

3-й лакей . Я докажу! Моя жена может подтвердить! Я всегда осуждал ихнее поведение! Я брал с них деньги только на нервной почве. Я свидетельство принесу! *(Исчезает.)*

Бургомистр . Смотри!

Генрих . Как ни в чем не бывало! Ради бога, как ни в чем не бывало!

Входит Ланцелот

Бургомистр . А, здравствуйте, вот кого не ждали. Но тем не менее – добро пожаловать. Приборов не хватает... но ничего. Вы будете есть из глубокой тарелки, а я из мелкой. Я бы приказал принести, но лакеи, дурачки, разбежались... А мы тут венчаемся, так сказать, хе-хе-хе, дело, так сказать, наше личное, интимное. Так уютно... Знакомьтесь, пожалуйста. Где же гостя? Ах, они уронили что-то и ищут это под столом. Вот сын мой, Генрих. Вы, кажется, встречались. Он такой молодой, а уже бургомистр. Сильно выдвинулся после того, как я... после того, как мы... Ну, словом, после того, как дракон был убит. Что же вы? Входите, пожалуйста.

Генрих . Почему вы молчите?

Бургомистр . И в самом деле, что же вы? Как доехали? Что слышно? Не хотите ли отдохнуть с дороги? Стража вас проводит

Ланцелот . Здравствуй, Эльза!

Эльза . Ланцелот! (*Подбегает к нему.*) – Сядь, пожалуйста, сядь. Войди. Это в самом деле ты?

Ланцелот . Да, Эльза.

Эльза . И руки у тебя теплы. И волосы чуть подросли, пока мы не виделись. Или мне это кажется? А плащ все тот же. Ланцелот! (*Усаживает его за маленький стол, стоящий в центре*) Выпей вина. Или нет, ничего не бери у них. Ты отдохни, и мы уйдем. Папа! Он пришел, папа! Совсем как в тот вечер. Как раз тогда, когда мы с тобой опять думали, что нам только одно и осталось – взять да умереть тихонько. Ланцелот!

Ланцелот . Значит, ты меня любишь по-прежнему.

Эльза . Папа, слышишь? Мы столько раз мечтали, что он войдет и спросит: Эльза, ты меня любишь по-прежнему А я отвечу да, Ланцелот! А потом спрошу где ты был так долго?

Ланцелот . Далеко-далеко, в Черных горах.

Эльза . Ты сильно болел? Ланцелот . Да, Эльза. Ведь быть смертельно раненным – это очень, очень опасно.

Эльза . Кто ухаживал за тобой?

Ланцелот . Жена одного дровосека. Добрая, милая женщина. Только она обижалась, что я в бреду все время называл ее – Эльза.

Эльза . Значит, и ты без меня тосковал!

Ланцелот . Тосковал.

Эльза . А я как убивалась! Меня мучили тут.

Бургомистр . Кто? Не может быть! Почему же вы не пожаловались нам! Мы приняли бы меры!

Ланцелот . Я знаю все, Эльза.

Эльза . Знаешь?

Ланцелот . Да.

Эльза . Откуда?

Ланцелот . В Черных горах, недалеко от хижины дровосека, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, жалобная книга, исписанная почти до конца. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежним, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Записаны, записаны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно.

Генрих и бургомистр на цыпочках направляются к двери.

Эльза . И ты прочел там о нас?

Ланцелот . Да, Эльза. Эй, вы там! Убийцы! Ни с места!

Бургомистр . Ну почему же так резко?

Ланцелот . Потому что я не тот, что год назад. Я освободил вас, а вы что сделали?

Бургомистр . Ах, Боже мой! Если мною недовольны, я уйду в отставку.

Ланцелот . Никуда вы не уйдете!

Генрих . Совершенно правильно. Как он тут без вас вел себя – это уму непостижимо. Я могу вам представить полный список его преступлений, которые еще не попали в жалобную книгу, а только намечены к исполнению.

Ланцелот . Замолчи!

Генрих . Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

Ланцелот . Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Генрих . Уйдем, папа. Он ругается.

Ланцелот . Нет, ты не уйдешь. Я уже месяц как вернулся,

Эльза . И не зашел ко мне!

Ланцелот . Зашел, но в шапке-невидимке, рано утром. Я тихо поцеловал тебя, так, чтобы ты не проснулась. И пошел бродить по городу. Страшную жизнь увидел я.

Читать было тяжело, а своими глазами увидеть – еще хуже. Эй вы, Миллер!

Первый горожанин поднимается из-под стола.

Я видел, как вы плакали от восторга, когда кричали бургомистру: «Слава тебе, победитель дракона!»

1-й горожанин . Это верно. Плакал. Но я не притворялся, господин Ланцелот.

Ланцелот . Но ведь вы знали, что дракона убил не он.

1-й горожанин . Дома знал... – а на параде... *(Разводит руками.)*

Ланцелот . Садовник!

Садовник поднимается из-под стола.

Вы учили львиный зев кричать: «Ура президенту!»?

Садовник . Учил.

Ланцелот . И научили?

Садовник . Да. Только, покричав, львиный зев каждый раз показывал мне язык. Я думал, что добуду деньги на новые опыты... но...

Ланцелот . Фридрихсен!

Второй горожанин вылезает из-под стола.

Бургомистр, рассердившись на вас, посадил вашего единственного сына в подземелье?

2-й горожанин . Да. Мальчик и так все кашляет, а в подземелье сырость!

Ланцелот . И вы подарили после того бургомистру трубку с надписью: «Твой навеки»?

2-й горожанин . А как еще я мог смягчить его сердце?

Ланцелот . Что мне делать с вами?

Бургомистр . Плюнуть на них. Эта работа не для вас. Мы с Генрихом прекрасно управимся с ними. Это будет лучшее наказание для этих людишек. Берите под руку Эльзу и оставьте нас жить по-своему. Это будет так гуманно, так демократично.

Ланцелот . Не могу. Войдите, друзья!

Входят ткачи, кузнец, шляпочных и шапочных дел мастер, музыкальных дел мастер

И вы меня очень огорчили. Я думал, что вы справитесь с ними без меня. Почему вы послушались и пошли в тюрьму? Ведь вас так много!

Ткачи . Они не дали нам опомниться.

Ланцелот . Возьмите этих людей. Бургомистра и президента

Ткачи (*берут бургомистра и президента.*) Идем!
Кузнец . Я сам проверил решетки. Крепкие. Идем!
Шапочных дел мастер . Вот вам дурацкие колпаки! Я делал прекрасные шляпы, но вы в тюрьме ожесточили меня. Идем!
Музыкальных дел мастер . Я в своей камере вылепил скрипку из черного хлеба и сплел из паутины струны. Невесело играет моя скрипка и тихо, но вы сами в этом виноваты. Идите под нашу музыку туда, откуда нет возврата.
Генрих . Но это ерунда, это неправильно, так не бывает Бродяга, нищий, непрактичный человек – и вдруг..
Ткачи . Идем!
Бургомистр . Я протестую, это негуманно!
Ткачи . Идем!

Мрачная, простая, едва слышная музыка. Генриха и бургомистра уводят.

Ланцелот . Эльза, я не тот, что был прежде Видишь?
Эльза . Да. Но я люблю тебя еще больше
Ланцелот . Нам нельзя будет уйти.
Эльза . Ничего. Ведь и дома бывает очень весело
Ланцелот . Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придется убить дракона.
Мальчик . А нам будет больно?
Ланцелот . Тебе – нет.
1-й горожанин . А нам?
Ланцелот . С вами придется повозиться.
Садовник . Но будьте терпеливы, господин Ланцелот Умоляю вас – будьте терпеливы Прививайте. Разводите костры – тепло помогает росту. Сорную траву удаляйте осторожно, чтобы не повредить здоровые корни. Ведь если вдуматься, то люди, в сущности, тоже, может быть, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживают тщательного ухода.
1-я подруга . И пусть сегодня свадьба все-таки состоится
2-я подруга . Потому что от радости люди тоже хорошеют.
Ланцелот . Верно! Эй, музыка!

Гремит музыка.

Эльза, дай руку. Я люблю всех вас, друзья мои. Иначе чего бы ради я стал возиться с вами. А если уж люблю, то все будет прелестно. И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!

Занавес